

**НОВОСИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ И.К. ЯКОВЛЕВА
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 2 (11)

**СИБИРСКИЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ**

**НОВОСИБИРСК
2026**

УДК 001.92:37
ББК 6/8УДК
С34

С34 Сибирский социально-гуманитарный журнал: научный журнал. – Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2026. – № 2 (11). – 157 с.

Научный журнал
«СИБИРСКИЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ
ЖУРНАЛ»

Издатель:

Новосибирский военный ордена Жукова
институт имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации

Размещается в базе РИНЦ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Косухин Валерий Викторович

кандидат педагогических наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Тухватуллин Булат Талирович
доктор педагогических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Колухамбеков Алексей Садович

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Павлиашвили Софья Амирановна

Адрес учредителя, издателя и редакции:

630114, г. Новосибирск,
ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

Е-mail: nvi-svnn@mail.ru

Телефон: (383) 338-08-29 (доб. 43-86)

Режим (график) работы:

пн-пт: с 9.00 до 18.00
сб, вс: выходные дни.

Подписано к использованию 27.06.2026

Объем издания: 417 МБ

© НВИ войск национальной гвардии, 2026
Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Берзина Галина Петровна

доктор филологических наук, доцент

Власова Елена Ивановна

кандидат филологических наук, доцент

Глибина Анна Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент

Гричин Сергей Владимирович

доктор филологических наук, доцент

Кучина Светлана Анатольевна

доктор филологических наук, доцент

Чистюхина Евгения Александровна

кандидат филологических наук, доцент

Оспенников Сергей Валентинович

кандидат психологических наук, доцент

Помуран Наталья Николаевна

кандидат психологических наук, доцент

Луняка Анатолий Николаевич

кандидат психологических наук, доцент

Биденко Роман Александрович

кандидат психологических наук

Гордеева Полина Александровна

кандидат психологических наук, доцент

Аравин Игорь Львович

кандидат исторических наук, доцент

Шитько Вячеслав Викторович

кандидат исторических наук, доцент

Виноградов Андрей Васильевич

кандидат исторических наук

Потапов Михаил Григорьевич

кандидат исторических, юридических наук,
доцент

Михеев Дмитрий Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент

Харлов Николай Александрович

кандидат исторических наук, доцент

Гавриленко Мария Витальевна

кандидат исторических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Варяница С.Ю., Крамской Е.Н. Потехин П.П., Спирин А.В., Федоришина А.М. Сабуров А.В., Большунова Н.Я.	ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО.....6 ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.....12
Третьяков В.В., Гудин З.С.	КИБЕРСУБЪЕКТНОСТЬ КУРСАНТОВ РОСГВАРДИИ КАК ПСИХО- ЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЦИФРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ И РЕСУРС ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ....24 ДИНАМИКА РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ВУЗОВ РОСГВАРДИИ НА ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ (1-5 КУРСЫ).....37

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Везнер С.И.	ИНФОРМИРОВАНИЕ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА.....48
Девятяров Д.В.	СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ.....53
Крюкова Е.В.	ОЦЕНКА ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....61
Кубарич А.М., Ступкина М.В., Лю Шо. Онал И.О., Горбунова Ю.А.	ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ И РЕЗУЛЬТА- ТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....72
Савина Н.С.	КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ САКРАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ МЕЧЕТИ АЙЯ- СОФИЯ (HAGIA SOPHIA) В ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТУРИСТОВ.....82
Семухина Е.А.	ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ВОЕННЫХ.....90
Ткачёва А.И.	РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ САКРАЛИЗАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ВОЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ...96
Чалова А.В., Глибина А.А. Чистюхина Е.А., Кузнецов-Храмов М.С.	ОСОБЕННОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА РОССИЙСКОГО МУЛЬТСЕРИАЛА «МАША И МЕДВЕДЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....103
	ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....108
	ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)113

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вяслева Р.Р., Каштанова Л.Р., Степанов А.Г.	ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ США.....120
---	---

Козлов В.А., Санин А.В. Кондрашкина А.С.	ВКЛАД ВОЙСК НКВД В ОБОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1942 ГГ.).....128 ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ДИНАМИКУ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА.....134
Мацакова В.М.	МАТЕРИАЛЬНОЕ СНАБЖЕНИЕ КАЛМЫЦКИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В XVII-XVIII ВВ.....138
Мухортова Н.А.	СОВЕТСКАЯ САТИРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ».....143
Сазонов С.С.	ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКООБОРОТУ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.: ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ, ГРАНИЦЫ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА).....149

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/XZJGPT>

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Варяница Сергей Юрьевич¹

Крамской Евгений Николаевич²

^{1, 2} Новосибирский военный орден Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹kaban4gsn@mail.ru, ²Kramskoi.eu@yandex.ru

Аннотация. В статье автор уточняет понятие «мышление» и «профессиональное мышление». Мышление является одним из сложных и ведущих познавательных процессов в психологической структуре личности, которое представляет собой форму творческого отражения человеком действительности, порождающую такой результат, которого в самой действительности или у субъекта на данный момент времени не существует. Цель работы – раскрыть структуру ключевых взаимосвязанных компонентов профессионального мышления военнослужащих. Выделены специфические особенности профессионального мышления военнослужащих в качестве способов познавательной деятельности, позволяющей эффективно решать задачи в условиях военной службы, включая экстремальные и неопределённые ситуации. Представлен ряд мероприятий, проводимых в рамках военной службы, определяющих становление и целенаправленное развитие профессионального мышления военнослужащих. Определены основные факторы, влияющие на формирование и дальнейшее развитие профессионального мышления военнослужащих. Информация, опубликованная в статье, может быть использована командирами и военнослужащими лично для развития своего потенциала в области профессионального мышления, а также в процессе разработки программ обучения военнослужащих по направлениям служебно-боевой деятельности.

Ключевые слова: профессиональное мышление, военнослужащие, служебная деятельность, познавательный процесс.

Для цитирования: Варяница С.Ю., Крамской Е.Н. Профессиональное мышление – составная часть служебной деятельности военнослужащего // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 6-11.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

PROFESSIONAL THINKING IS AN INTEGRAL PART OF THE SERVICE
ACTIVITIES OF A MILITARY SERVICEMANSergey Yu. Varyanitsa¹, Evgeny N. Kramskoy²^{1, 2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia¹kaban4gsn@mail.ru, ²Kramskoi.eu@yandex.ru

Abstract. In the article, the author clarifies the concepts of "thinking" and "professional thinking". Thinking is one of the complex and leading cognitive processes in the psychological structure of a personality, which is a form of creative reflection of reality by a person, generating a result that does not exist in reality itself or in the subject at a given time. The purpose of the work is to reveal the structure of the key interrelated components of the professional thinking of military personnel. The specific features of military personnel's professional thinking are highlighted as ways of cognitive activity that make it possible to effectively solve problems in military service, including extreme and uncertain situations. The article presents a number of activities carried out within the framework of military service, which determine the formation and purposeful development of professional thinking of military personnel. The main factors influencing the formation and further development of professional thinking of military personnel are identified. The information published in the article can be used by commanders and military personnel personally to develop their potential in the field of professional thinking, as well as in the process of developing training programs for military personnel in the areas of service and combat activities.

Keywords: professional thinking, military personnel, service activities, cognitive process.

For citation: Varyanitsa S.Yu. Professional thinking is an integral part of the service activities of a military serviceman // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 6-11.

Введение

Человеческое восприятие мира, обогащенное поступающей информацией, открывает перед нами удивительные возможности. Мы можем не только воспринимать объекты во всей их полноте, но и воссоздавать их в своем воображении, даже когда они недоступны. Это позволяет нам прогнозировать изменения, путешествовать мыслью по бескрайним просторам и проникать в самые глубины микромира. Все эти способности – результат сложного и многогранного процесса мышления [1, с. 22]. Наблюдаемые модели поведения в разнообразных контекстах, профессиональная деятельность, установленные коммуникативные нормы и архетипы литературных героев служат эмпирическим подтверждением

универсальных обобщений. Они представляют собой форму надличностного опыта, который, наряду с логическим аппаратом, способствует объективации индивидуальных переживаний в различных когнитивных процессах [2, с. 56].

Человеческое мышление можно рассматривать как процесс активной трансформации существующих знаний и идей. Эта способность особенно ценна в ситуациях, выходящих за рамки привычного опыта, когда наши инстинктивные реакции и приобретенные навыки, общие с животными, оказываются недостаточными [3, 121].

В реальной профессиональной деятельности военнослужащего мышление не функционирует как изолированная психическая функция. Вместо этого оно интегрировано

во все остальные когнитивные процессы, такие как восприятие, внимание, воображение, память и речь. Высокоразвитые формы этих процессов неизбежно включают в себя мышление, а степень его вовлеченности напрямую коррелирует с уровнем их развития.

Мышление – это особого рода умственная и практическая деятельность, предполагающая систему включенных в нее действий и операций преобразовательного и познавательного характера [4, с. 211].

Понятие «мышление» имеет разные определения. С.Л. Рубинштейн определяет мышление как процесс познания объективной реальности, который осуществляется не напрямую, а через установление связей и отношений между явлениями. Этот процесс ведет к обобщенным выводам. Задача мышления, по Рубинштейну, заключается в том, чтобы выявить подлинные, закономерные связи, отличая их от случайных совпадений. Мышление всегда опирается на обобщения и представляет собой движение мысли от единичного к общему и обратно. К.К. Платонов и Г.Г. Голубев рассматривают мышление как процесс отражения общих свойств объектов и установления закономерных связей между ними. Таким образом, основными чертами мышления являются обобщенность (формирование представления об объекте на основе анализа множества данных, выделяя его главные признаки) и опосредованность (способность постигать то, что не воспринимается напрямую, через косвенные признаки). Мышление человека происходит с помощью понятий, которые выражаются словами. Понятие – это обобщенное знание о предмете, основанное на выявлении его существенных связей, а слово служит его формой [5, с. 76].

Рассматривая более детально процесс мышления сточки зрения в профессиональной, военной среде, можно выделить некоторые его ключевые особенности [6]:

1. Работа в условиях неопределённости и дефицита времени:

- в условиях нехватки данных и сжатых сроков: военнослужащим часто приходится

принимать решения, опираясь на неполную, противоречивую или даже сомнительную информацию, где последствия неверного шага могут быть очень серьезными;

- действия в условиях информационного вакуума и цейтнота: военнослужащий нередко сталкивается с ситуацией, когда информации недостаточно, она противоречива или ненадежна, а цена ошибки крайне высока;

- принятие решений при ограниченной информации и нехватке времени: Военнослужащим часто приходится действовать, имея дело с недостаточными, противоречивыми или даже недостоверными сведениями, при этом цена ошибки может быть очень значительной.

2. Высокая личная ответственность:

- персональная ответственность за результат: принятые в ходе выполнения задач решения имеют прямое влияние на исход операции, безопасность подчиненных и достижение поставленных целей;

- значительная личная подотчетность: решения, принимаемые военнослужащим при выполнении служебных обязанностей, напрямую определяют успешность операции, безопасность личного состава и достижение поставленных задач;

- непосредственная ответственность за последствия – решения, принимаемые в процессе выполнения задач, оказывают прямое воздействие на успех операции, безопасность личного состава и достижение поставленных целей.

3. Экстремальный характер деятельности:

- мышление в условиях повышенного риска и динамики: интеллектуальная деятельность военнослужащего разворачивается в сложной, опасной и быстро меняющейся обстановке, что требует высокой степени приспособляемости и гибкости ума;

- деятельность в экстремальных условиях: мыслительные процессы происходят в трудных, опасных и стремительно меняющихся обстоятельствах, что обуславливает необходимость высокого уровня адаптации и гибкости мышления;

- работа в стрессовых и непредсказуемых условиях – интеллектуальная деятельность военнослужащего протекает в сложных, опасных и быстро меняющихся условиях, что требует высокой степени адаптивности и гибкости мышления.

4. Тесная связь с практическими действиями:

- практическая направленность военного дела – в военной сфере теоретические знания и мыслительные процессы неразрывно связаны с реальными действиями, а эффективность решений проверяется непосредственно в ходе их реализации;

- единство теории и практики в военном деле – теоретические знания и мыслительные операции в военной деятельности неразделимы с реальными действиями, а правильность решения подтверждается в процессе его выполнения;

- прикладной характер военной мысли – в военном деле теоретические знания и мыслительные операции тесно переплетаются с реальными действиями, а оценка правильности решения происходит в ходе его практической реализации.

В структуре профессионального мышления военнослужащих можно выделить его ключевые компоненты. Профессиональное мышление военнослужащих включает в себя ряд взаимосвязанных аспектов, каждый из которых выполняет свою важную функцию:

1. Оперативное мышление обеспечивает мгновенное и эффективное преобразование текущей ситуации.

2. Тактическое мышление направлено на ведение боевых действий против противника.

3. Стратегическое мышление фокусируется на достижении долгосрочных целей и планировании крупных военных кампаний, связывая локальные тактические действия с общей стратегией.

4. Системно-прогностическое мышление позволяет рассматривать любую ситуацию как сложную систему, предсказывать результаты своих действий и действовать на опережение.

5. Критическое и аналитическое мышление служат для объективной оценки информации, понимания причинно-следственных связей, формулирования проблем и поиска нестандартных решений.

6. Творческое мышление является высшей формой умственной деятельности, необходимой для решения уникальных и сложных задач, не имеющих стандартных алгоритмов.

7. Саморегуляция представляет собой способность управлять своим внутренним состоянием и поведением в условиях высокого стресса, что напрямую влияет на качество принимаемых решений.

Особое внимание можно обратить на такой фактор формирования и развития профессионального мышления, как опыт практической деятельности, который закрепляет и развивает профессиональные навыки и мыслительные схемы:

- практический опыт, способствующий укреплению и совершенствованию профессиональных компетенций и когнитивных моделей;

- накопленный опыт реальной службы, который оттачивает профессиональные умения и формирует устойчивые мыслительные паттерны;

- значение практической деятельности в процессе профессионального роста и развития когнитивных стратегий;

- закрепление и эволюция профессиональных навыков и ментальных конструкций через практическое применение [7].

Заключение

Таким образом, профессиональное мышление военнослужащего – это не только ключевой, многоуровневый механизм, обеспечивающий качественное и эффективное выполнение служебно-боевых задач, но и система взаимодействующих процессов, находящихся в постоянном развитии, формируясь под воздействием служебных перспектив и применяемых образовательных подходов.

Список источников

1. Общая психология: Курс лекций для первой ступени педагогического образования / Е.И. Рогов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. С. 262.
2. Григорович Л.А. Педагогика и психология. М., 2011. С. 126.
3. Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления / Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухов. М.: Книга по Требованию, 2013. С. 305.
4. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. С. 800.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.
6. Пахолков Е.А. Развитие профессионально-важных видов мышления военнослужащих / Е.А. Пахолков, С.Ю. Варяница // Психолого-педагогические аспекты совершенствования подготовки студентов вуза: материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Новосибирск, 19 ноября 2018 года. Часть 1. Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, Инженерный институт, 2019. С. 124-128.
7. Середенко Г.Е. Критическое мышление как психологическое условие обеспечения надежности морально-политического и психологического состояния заместителей командиров частей по военно-политической работе / Г.Е. Середенко, В.М. Середенко // Военный академический журнал. 2021. № 4 (32). С. 108-112.

References

1. General Psychology: A Course of Lectures for the First Stage of Pedagogical Education / E.I. Rogov. M.: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2003. P. 262.
2. Grigorovich L.A. Pedagogy and psychology. M., 2011. P. 126.
3. Textbook on general psychology: Psychology of thinking / Yu.B. Gippenreiter, V.V. Petukhov. M.: Book on Demand, 2013. P. 305.
4. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Big Psychological Dictionary. M.: OLMA PRESS Obrazovanie, 2007. P. 800.
5. Rubinstein S.L. Fundamentals of general psychology. St. Petersburg, 1998.
6. Pakholkov E.A. Development of Professionally Important Types of Military Personnel's Thinking / E.A. Pakholkov, S.Yu. Varyanitsa // Psychological and Pedagogical Aspects of Improving the Training of University Students: Materials of the Interuniversity Student Scientific and Practical Conference with International Participation. In 2 parts, Novosibirsk, November 19, 2018. Volume Part 1. Novosibirsk: Novosibirsk State Agrarian University, Engineering Institute, 2019. P. 124-128.
7. Seredenko G.E. Critical thinking as a psychological condition for ensuring the reliability of the moral, political, and psychological state of deputy commanders of military units for military-political work / G.E. Seredenko, V.M. Seredenko // Military Academic Journal. 2021. No. 4 (32). P. 108-112.

Информация об авторах

Варяница Сергей Юрьевич, кандидат педагогических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Крамской Евгений Николаевич, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Sergey U. Varyanitsa, candidate of pedagogical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato, st. 6/2).

Evgeny N. Kramskoy, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato, st. 6/2).

Статья поступила в редакцию 05.06.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 05.06.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 6378.01

EDN: <https://elibrary.ru/YPAVPM>

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Потехин Павел Павлович¹

Спирин Александр Викторович²

Федоришина Алена Михайловна³

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

³Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

¹potechin_1988@mail.ru, ³maskarad14@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования психологической устойчивости военнослужащих в условиях современных вооружённых конфликтов. Обосновывается актуальность данной темы с учётом возрастания интенсивности боевых стрессоров, информационной неопределённости и высокого уровня психотравмирующих факторов. Представлен анализ психологической устойчивости как многокомпонентного образования, включающего когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационный и поведенческий компоненты. Раскрываются основные группы факторов, влияющие на её формирование: индивидуально-психологические, социальные и ситуативные. Особое внимание уделяется специфике стрессоров боевой обстановки, включая угрозу жизни, потери среди сослуживцев, информационную перегрузку и моральные травмы. Рассмотрены подходы и методы формирования психологической устойчивости на различных этапах военной службы, а также роль командного состава и воинского коллектива в обеспечении психологической безопасности. Сделан вывод о необходимости системного и непрерывного психологического сопровождения военнослужащих как ключевого условия поддержания их боеспособности и психического здоровья.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, военнослужащие, боевой стресс, стрессоустойчивость, психологическая подготовка, моральная травма, посттравматическое стрессовое расстройство, военная психология, сплочённость подразделения, психологическое сопровождение, экстремальные условия, психическое здоровье.

Для цитирования: Потехин П.П., Спирин А.В., Федоришина А.М. Формирование психологической устойчивости военнослужащих // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 12-23.

DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL RESILIENCE IN MILITARY PERSONNEL

Pavel P. Potekhin¹, Aleksandr V. Spirin², Alyona M. Fedorishina³

^{1, 2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

³Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk, Russia

¹potechin_1988@mail.ru, ³maskarad14@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of developing psychological resilience in military personnel under conditions of modern armed conflicts. The relevance of the topic is substantiated

in view of the increasing intensity of combat stressors, informational uncertainty, and the high level of traumatic factors. Psychological resilience is analyzed as a multidimensional construct including cognitive, emotional-volitional, motivational, and behavioral components. The main groups of factors influencing its development are identified: individual psychological, social, and situational. Particular attention is paid to the specific stressors of the combat environment, including threat to life, loss of comrades, information overload, and moral injury. The article reviews approaches and methods for developing psychological resilience at different stages of military service, as well as the role of command staff and military units in ensuring psychological safety. It is concluded that systematic and continuous psychological support is a key condition for maintaining both combat effectiveness and mental health of military personnel.

Keywords: psychological resilience, military personnel, combat stress, stress resistance, psychological training, moral injury, post-traumatic stress disorder, military psychology, unit cohesion, psychological support, extreme conditions, mental health.

For citation: Potekhin P.P., Spirin A.V., Fedorishina A.M. Development of psychological resilience in military personnel // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 12-23.

Введение

Современные вооружённые конфликты предъявляют к психике военнослужащего требования, несопоставимые по интенсивности с большинством гражданских профессий, что отмечают в своих работах И.А. Алёхин, А.А. Авуза, А.Г. Караяни, Е.В. Туркин, Ю.С. Шойгу и др. [1-3]. Высокий темп боевых действий, постоянная угроза жизни, информационная неопределённость, потери среди сослуживцев – всё это создаёт устойчивый психотравмирующий фон, способный разрушить даже физически крепкого и хорошо подготовленного бойца. В этих условиях психологическая устойчивость перестаёт быть абстрактным качеством личности и превращается в один из ключевых факторов боеспособности подразделения и выживания отдельного военнослужащего.

Понятие «психологическая устойчивость» в военном контексте охватывает способность человека сохранять функциональную эффективность, эмоциональный контроль и чёткость мышления в условиях экстремального стресса, а также восстанавливаться после воздействия психотравмирующих факторов без стойких нарушений психического здоровья. Заметим, что такое качество не врождённая черта, отличающая сильных от слабых, а динамическое свойство, которое поддаётся целенаправленному

развитию при наличии правильно выстроенной системы подготовки и сопровождения.

Итак, актуальность данной темы определяется рядом обстоятельств. Во-первых, статистика психических расстройств среди ветеранов боевых действий остаётся тревожной, потому что только по данным различных исследований, посттравматическое стрессовое расстройство развивается у 15-30 % участников активных боевых действий, что влечёт долгосрочные последствия как для самих военнослужащих, так и для их семей и общества в целом. Во-вторых, современный характер войны – с его гибридными угрозами, информационным противоборством и высокой степенью неопределённости – порождает качественно новые психологические нагрузки, к которым традиционные методы боевой подготовки зачастую не готовят в достаточной мере. В-третьих, накопленный в последние десятилетия научный и практический опыт в области военной психологии открывает реальные возможности для системного формирования психологической устойчивости – на уровне отдельной личности, малой группы и воинского института в целом.

Вместе с тем в отечественной практике данная область нередко остаётся на периферии боевой подготовки: психологическое

сопровождение воспринимается как вспомогательная, а не как стратегически значимая функция. Разрыв между накопленными знаниями и их практическим применением обуславливает необходимость переосмысления подходов к психологической работе с личным составом. Именно поэтому мы поставили следующую цель настоящей статьи – систематизировать современные научные представления о природе психологической устойчивости военнослужащих и рассмотреть доказательно обоснованные методы её формирования на различных этапах военной службы как в период подготовки, в ходе боевых действий, так и в процессе реабилитации. Для достижения этой цели мы последовательно решили следующие задачи: раскрыли структуру и факторы психологической устойчивости; охарактеризовали основные психологические угрозы военной среды; описали методы и технологии психологической подготовки и сопровождения; определили роль командного состава и воинского коллектива; обобщили институциональные меры и сформулировали практические рекомендации.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу нашей работы составили, во-первых, системный подход, представленный в работах И.А. Алёхина, Э.В. Барбашиной, А.Н. Дахина, Е.В. Туркина, З.И. Лаврентьевой [1, 4-8]. Во-вторых, деятельностный подход, раскрытый К.А. Абульхановой-Славской, С.Л. Рубинштейном, И.А. Федосеевой, Т.Л. Лопуха, С.Н. Сорокоумовой [9-12], ориентированный на анализ военно-психологических аспектов формирования психологической устойчивости военнослужащих.

В работе использовались как теоретический анализ научной литературы, так и контент-анализ нормативных документов, регламентирующих профессиональную подготовку будущих офицеров. Статья адресована военным психологам, офицерам командного звена, а также исследователям в области военной и экстремальной психологии.

Результаты исследования

Для вхождения в проблему исследования имеет смысл представить саму структуру психологической устойчивости. Итак, психологическая устойчивость как научная категория не имеет единого общепринятого определения, однако большинство исследователей сходятся в том, что она представляет собой не одномерное качество, а многокомпонентное системное образование. Применительно к военной среде наиболее продуктивным следует считать подход, рассматривающий психологическую устойчивость как интегральную характеристику личности, обеспечивающую сохранение профессиональной эффективности, нравственной ориентации и психического здоровья в условиях экстремального стресса. В структуре данного феномена принято выделять несколько взаимосвязанных компонентов.

Когнитивный компонент охватывает способность военнослужащего адекватно воспринимать и оценивать происходящее в условиях информационной перегрузки, неопределённости и угрозы. Устойчивое когнитивное функционирование предполагает сохранение ясности мышления под давлением стрессоров, гибкость в переработке поступающей информации, реалистичную оценку угроз без склонности ни к их катастрофизации, ни к опасному игнорированию. Важнейшую роль здесь играют так называемые когнитивные appraisals – субъективные интерпретации ситуации, которые во многом определяют интенсивность стрессовой реакции. Военнослужащий, воспринимающий экстремальную ситуацию как вызов, а не как непреодолимую угрозу, демонстрирует качественно иную стрессовую динамику по сравнению с тем, у кого доминирует катастрофическое мышление.

Эмоционально-волевой компонент является, пожалуй, наиболее очевидным для внешнего наблюдателя измерением психологической устойчивости. Он включает способность распознавать собственные эмоциональные состояния и управлять ими, не подавляя переживания полностью, но и не

позволяя им захватывать контроль над поведением. Волевая составляющая обеспечивает способность продолжать целенаправленные действия вопреки страху, усталости, боли и деморализующим факторам обстановки. При этом важно разграничивать подлинную эмоциональную устойчивость и её имитацию через аффективное онемение: последнее, хотя и выглядит функциональным в краткосрочной перспективе, нередко становится предиктором отсроченных психических нарушений.

Мотивационный компонент связан с наличием у военнослужащего устойчивой системы смыслов и ценностей, придающих его действиям субъективную значимость даже в самых тяжёлых обстоятельствах. Именно этот компонент лежит в основе того, что Виктор Франкл описывал как способность человека выносить любое «как», если он понимает «зачем». В военном контексте мотивационная устойчивость формируется через осмысление воинского долга, идентификацию с подразделением и его ценностями, ощущение ответственности за сослуживцев. Исследования показывают, что военнослужащие с выраженной просоциальной мотивацией – те, кто воспринимает свои действия как защиту других, а не только как личное выживание, – демонстрируют более высокую стрессоустойчивость и реже страдают от посттравматических расстройств.

Поведенческий компонент отражает практическую, деятельностную сторону устойчивости: наличие навыков совладания со стрессом, автоматизированных алгоритмов действий в экстремальных ситуациях, а также адаптивных стратегий поведения в межличностных конфликтах и условиях длительной изоляции. Поведенческий компонент в наибольшей степени поддаётся целенаправленному тренингу: многократное воспроизведение правильных алгоритмов действий в смоделированных стрессовых условиях формирует устойчивые нейронные паттерны, которые воспроизводятся даже при значительном когнитивном и эмоциональном истощении.

Перечисленные компоненты не существуют изолированно: они образуют динамическую систему, в которой изменение одного элемента неизбежно сказывается на остальных. Ослабление мотивационного компонента, например при утрате веры в правомерность происходящего, немедленно отражается на эмоциональной регуляции и поведении. Именно поэтому эффективная работа по формированию психологической устойчивости должна быть направлена на всю систему в целом, а не на отдельные её составляющие.

Далее перейдём к описанию факторов, влияющих на психологическую устойчивость. Заметим, что уровень психологической устойчивости военнослужащего определяется сложным взаимодействием факторов различной природы. Условно их можно разделить на три группы: индивидуально-психологические, социальные и ситуативные. Индивидуально-психологические факторы включают как относительно стабильные личностные характеристики, так и динамические психологические ресурсы. К числу первых относятся нейротизм и эмоциональная стабильность как черты личности, тип темперамента, базовый уровень тревожности, особенности когнитивного стиля. Исследования в области военной психологии устойчиво показывают, что лица с высоким нейротизмом и склонностью к руминации – навязчивому мысленному возвращению к негативным событиям – составляют группу повышенного риска по развитию боевых психических расстройств.

Среди динамических ресурсов особое место занимает концепция жизнестойкости (hardiness), разработанная Сьюзан Кобейса и получившая широкое применение в военной психологии. Жизнестойкость включает три взаимосвязанных установки: вовлечённость (убеждённость в значимости собственной деятельности), контроль (вера в способность влиять на происходящее) и принятие вызова (восприятие трудностей как возможностей для роста, а не как угроз).

Военнослужащие с высокими показателями жизнестойкости демонстрируют более эффективное совладание со стрессом и быстрее восстанавливаются после психотравмирующих событий.

Существенную роль играют также самоэффективность – убеждённость человека в собственной способности справиться с конкретными задачами – и локус контроля. Внутренний локус контроля, при котором военнослужащий воспринимает себя как активного субъекта, а не пассивного объекта обстоятельств, связан с более высокой стрессоустойчивостью и меньшей вероятностью развития выученной беспомощности в условиях затяжных боевых действий. Нельзя не упомянуть и физиологическую составляющую: уровень физической подготовленности, качество сна, состояние нейроэндокринной системы напрямую влияют на психологические ресурсы. Хроническое недосыпание, например, снижает функции префронтальной коры – именно той структуры мозга, которая обеспечивает эмоциональную регуляцию и рациональное принятие решений, – что делает военнослужащего значительно более уязвимым к психологическим срывам.

Социальные факторы в военной среде имеют особое значение, поскольку воинский коллектив представляет собой не просто рабочую группу, а тотальную социальную среду, в которой протекает практически вся жизнедеятельность военнослужащего. Ключевым социальным ресурсом психологической устойчивости является сплочённость подразделения – степень взаимного доверия, готовности к взаимопомощи и идентификации с группой. Исследования, проводившиеся начиная со Второй мировой войны, неизменно подтверждают: именно привязанность к сослуживцам, а не абстрактные идеологические конструкты, является главным мотивом, удерживающим солдата в бою и предохраняющим его от психологического коллапса.

Критически важна роль командира как источника психологической безопасности

для подчинённых. Командир, демонстрирующий эмоциональную стабильность, предсказуемость в принятии решений и искреннюю заботу о личном составе, формирует в подразделении атмосферу, которая сама по себе является мощным буфером против стресса. Напротив, непредсказуемое, жёсткое или пренебрежительное командование многократно усиливает психологическую нагрузку на личный состав, нередко становясь самостоятельным источником травматизации. Важным социальным ресурсом является также связь с семьёй и значимыми близкими. Наличие устойчивых семейных отношений коррелирует с более высокой психологической устойчивостью во время службы и более успешной адаптацией после неё. Вместе с тем семейные конфликты, тревога за близких и отсутствие коммуникации с домом могут существенно подрывать психологические ресурсы военнослужащего в боевой обстановке.

Ситуативные факторы определяют контекст, в котором разворачивается психологическая нагрузка. К ним относятся интенсивность и продолжительность боевых действий, степень непредсказуемости угроз, характер потерь (в том числе гибель командиров и близких сослуживцев), условия быта и отдыха, а также наличие чётких и понятных боевых задач. Принципиально важным ситуативным параметром является воспринимаемая контролируемость ситуации: даже объективно одинаковый уровень опасности переживается качественно по-разному в зависимости от того, ощущает ли военнослужащий возможность влиять на происходящее или воспринимает себя полностью беспомощным.

Отдельного внимания заслуживает фактор информационной среды. Противоречивая, избыточная или намеренно дезориентирующая информация создаёт когнитивную перегрузку, истощает ресурсы внимания и порождает тревогу неопределённости, которая в ряде случаев оказывается психологически более разрушительной, чем конкретная, пусть и тяжёлая, угроза. Однако,

по мнению таких исследователей, как А.Н. Дахин, М.Б. Ненашев, И.А. Федосеева, Р.С. Мерзеликин, а также зарубежных авторов Miendlarzewska E.A., Bavelier D., Schwartz S., именно информационная среда, оснащённая современными моделями искусственного интеллекта, способна создавать мотивационные основы для успешного преодоления постстрессового синдрома [13-18].

Понимание природы и взаимодействия перечисленных факторов является необходимой теоретической основой для проектирования эффективных систем формирования и поддержания психологической устойчивости военнослужащих как на индивидуальном, так и на организационном уровне. Особенно важное значение для современного военнослужащего имеют стресс-факторы боевой обстановки. Действительно, военная служба в зоне боевых действий представляет собой одну из наиболее психологически насыщенных форм человеческой деятельности. В отличие от гражданских профессий высокого риска, таких как работа спасателей, хирургов или сотрудников правоохранительных органов, боевая обстановка характеризуется не эпизодическим, а непрерывным воздействием множества стрессоров, действующих одновременно и взаимно усиливающих друг друга. Понимание природы этих стрессоров является необходимым условием для разработки эффективных мер психологической защиты личного состава.

Угроза жизни и физической целостности является наиболее очевидным и биологически фундаментальным стрессором боевой обстановки. Однако её психологическое воздействие далеко не однозначно и определяется не столько объективным уровнем опасности, сколько субъективными характеристиками угрозы. Исследования в области нейробиологии стресса показывают, что наиболее разрушительной для психики является не явная, воспринимаемая угроза, – к ней нервная система способна относительно быстро адаптироваться через механизмы

стрессовой мобилизации, – а угроза непредсказуемая, неконтролируемая и неизбежная. Именно поэтому артиллерийские обстрелы, минная война и применение беспилотных летательных аппаратов, – при которых военнослужащий лишён возможности видеть противника, предсказать момент атаки или эффективно противодействовать угрозе, оказывают особенно выраженное дезорганизующее воздействие на психику.

Хроническое пребывание в состоянии готовности к угрозе запускает устойчивую активацию гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и симпатической нервной системы. Длительный гиперкортизолизм истощает нейробиологические ресурсы организма, нарушает работу гиппокампа – структуры, ответственной за консолидацию памяти и контекстуализацию угроз, – и снижает активность префронтальной коры. Следствием этого становится характерное для затяжных боевых действий сочетание эмоционального притупления, гипербдительности и нарушений когнитивных функций, которое само по себе представляет значимую психологическую угрозу боеспособности.

Потери среди сослуживцев занимают особое место в иерархии боевых стрессоров. Как уже отмечалось, привязанность к членам подразделения является одним из главных психологических ресурсов военнослужащего. Именно поэтому гибель или тяжёлое ранение товарища одновременно наносит удар по двум уязвимым точкам: разрушает эмоциональную связь, служившую источником поддержки, и подрывает иллюзию собственной неуязвимости, которая в определённой мере необходима для сохранения боеспособности. Потери среди командиров несут дополнительную угрозу, поскольку лишают подразделения источника психологической стабилизации и дезорганизуют привычную иерархию безопасности. Реакция горя в боевых условиях не может протекать по естественным психологическим законам: военнослужащий, как правило, лишён возможности полноценно пере-

живать утрату, поскольку продолжение боевых действий требует немедленной мобилизации. Это вынужденное подавление горевания создаёт отсроченный психологический долг, который нередко проявляется уже после возвращения из зоны боевых действий в виде затяжных депрессивных реакций, злоупотребления алкоголем или психосоматических расстройств. Отдельную и крайне болезненную категорию составляют ситуации, когда военнослужащий не мог помочь раненому или погибшему сослуживцу, например, вследствие тактической обстановки или невозможности эвакуации. В этих случаях к горю примешивается острое переживание вины выжившего, которое является одним из наиболее стойких и труднокорректируемых компонентов посттравматической симптоматики.

Информационная перегрузка и неопределённость представляют собой характерную черту современного вооружённого конфликта, значительно отличающую его от войн предыдущих эпох. Насыщенность информационного пространства – одновременное воздействие оперативных данных, приказов, докладов и фоновой информации, усиленного цифровыми технологиями, – создаёт устойчивую когнитивную перегрузку, истощающую ресурсы рабочей памяти и внимания. В условиях, когда принятие правильного тактического решения требует быстрой переработки большого объёма противоречивой информации, такая перегрузка непосредственно угрожает как индивидуальной безопасности, так и эффективности подразделения в целом.

Не менее разрушительна информационная недостаточность – ситуация, при которой военнослужащий лишён понимания общего оперативного контекста, не знает о положении соседних подразделений или не понимает смысла полученных приказов. Отсутствие ясной картины происходящего порождает тревогу неопределённости, которая, как показывают нейропсихологические

исследования, активизирует те же мозговые структуры, что и конкретная угроза, однако значительно хуже поддаётся совладанию именно в силу своей бесформенности. Существенным современным стрессором является также воздействие враждебного информационного пространства: целенаправленная дезинформация, психологические операции противника, деморализующий контент в социальных сетях. Военнослужащий, имеющий доступ к смартфону и интернету, оказывается уязвим для информационных атак в режиме реального времени, что представляет качественно новую угрозу, к противодействию которой традиционные системы психологической подготовки нередко не готовы.

Моральные травмы заслуживают особого внимания как категория стрессоров, долгое время остававшаяся в тени классических исследований боевого стресса. Моральная травма – понятие, введённое в научный оборот психиатром Джонатаном Шеем и впоследствии систематически разработанное Брет Лиц и его коллегами, – возникает в ситуациях, когда военнослужащий совершает, становится свидетелем или не предотвращает действия, противоречащие его глубинным нравственным убеждениям. Это может быть гибель мирных жителей, приказы, воспринимаемые как несправедливые, невозможность соблюсти нормы обращения с ранеными или погибшими, а также предательство со стороны командования.

В отличие от классического боевого стресса, источником которого является угроза физическому существованию, моральная травма угрожает целостности самовосприятия и нравственной идентичности личности. Её последствия – острое чувство стыда, вины, нравственного отчуждения от прежних ценностей – нередко оказываются более стойкими и труднее поддаются стандартным методам психотерапевтической работы, поскольку затрагивают не отдельные симптомы, а базовое мировоззрение человека.

Заключение

Психологическая устойчивость военнослужащих является одним из ключевых факторов боеспособности вооружённых сил в условиях современного вооружённого конфликта. Проведённый в настоящей статье анализ теоретических оснований, психологических угроз, методов формирования устойчивости и институциональных условий её обеспечения позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как научное, так и практическое значение.

Первый и наиболее фундаментальный вывод состоит в том, что психологическая устойчивость не является врождённым и неизменным свойством личности, распределённым среди военнослужащих по принципу «есть или нет». Это динамическое, многокомпонентное образование, складывающееся из когнитивных, эмоционально-волевых, мотивационных и поведенческих ресурсов, каждый из которых поддаётся целенаправленному развитию при наличии правильно выстроенной системы подготовки и сопровождения. Это положение имеет принципиальное практическое следствие: инвестиции в психологическую подготовку личного состава являются не расходами на периферийную вспомогательную функцию, а стратегическими вложениями в боевой потенциал вооружённых сил.

Второй вывод касается природы психологических угроз современной войны. Анализ показывает, что эти угрозы значительно шире и многообразнее, чем традиционное представление о боевом стрессе как реакции на физическую опасность. Непредсказуемость угроз, информационная перегрузка и дезинформация, моральные травмы, разрушение привязанностей вследствие потерь, трудности постбоевой адаптации – всё это образует сложную систему психологических вызовов, эффективный ответ на которые требует столь же комплексного и многоуровневого подхода. Сведение психологической работы с военнослужащими исключительно к лечению ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) означает

реагирование лишь на наиболее видимые последствия при игнорировании широкого спектра менее очевидных, но не менее разрушительных психологических потерь.

Третий вывод связан с принципиальной ролью командира и воинского коллектива в системе психологической поддержки. Ни один институциональный механизм и ни один профессиональный специалист не способны заменить психологически грамотного командира и сплочённый воинский коллектив в качестве среды, формирующей и поддерживающей устойчивость военнослужащего. Командир является одновременно моделью психологической устойчивости, архитектором среды психологической безопасности и первым звеном системы раннего выявления нуждающихся в помощи. Воинский коллектив с высоким уровнем взаимного доверия и сплочённости является тем живым защитным механизмом, который действует непрерывно и повсеместно – там, где профессиональный психолог присутствует лишь эпизодически. Отсюда следует, что формирование психологической грамотности командного состава является одной из наиболее приоритетных задач системы военно-психологического обеспечения.

Четвёртый вывод касается институциональных условий эффективности психологической работы. Анализ отечественного и зарубежного опыта убедительно свидетельствует: психологическая служба, функционирующая как изолированное вспомогательное подразделение без реального институционального влияния, не способна реализовать свой потенциал вне зависимости от профессионального уровня её сотрудников. Системная интеграция психологической службы во все уровни военной иерархии, нормативное закрепление права военнослужащих на помощь без карьерных последствий, преодоление стигматизации через последовательную командную и институциональную культуру – всё это является необходимыми условиями превращения декларируемой заботы о психологическом здоро-

вые военнослужащих в реальную и действенную систему поддержки.

Пятый вывод относится к принципу системности и преемственности психологической работы. Эффективное формирование психологической устойчивости не может быть сведено к набору отдельных, пусть и качественных, вмешательств, будь то предбоевой тренинг, дебрифинг после боевого эпизода или реабилитационная программа после возвращения. Только непрерывная, последовательная и согласованная работа на всех этапах военной службы – от отбора и подготовки до боевых действий и постбоевой реабилитации – способна обеспечить ту степень психологической защищённости личного состава, которая соответствует вызовам современного вооружённого конфликта. Разрывы в этой непрерывности – периоды без психологического сопровождения, несогласованность между этапами, отсутствие преемственности в передаче информации о состоянии военнослужащего – являются точками наибольшей уязвимости всей системы.

Необходимо также признать, что, несмотря на значительный прогресс военной психологии за последние десятилетия, ряд важных вопросов остаётся открытым и требует дальнейших исследований. К числу таких вопросов относятся: оптимальные модели

психологического сопровождения в условиях высокоинтенсивных боевых действий с ограниченными ресурсами; эффективные методы работы с моральной травмой как самостоятельным, отличным от ПТСР феноменом; психологические механизмы посттравматического роста и условия его фасилитации; долгосрочные последствия современных форм информационно-психологического воздействия на боеспособность личного состава; наконец, вопросы межкультурной адаптации доказательно обоснованных методов психологической помощи к специфике различных военных культур и традиций.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется также изучение нейробиологических основ психологической устойчивости в военном контексте, в частности, механизмов индивидуальной вариативности реакций на боевой стресс и нейропластических изменений, лежащих в основе как психологической травматизации, так и посттравматического роста. Развитие нейровизуализации и молекулярной биологии открывает возможности для создания биомаркеров психологического риска и разработки таргетированных фармакологических и нейромодуляционных вмешательств, способных дополнить существующий арсенал психологических методов.

Список источников

1. Авуза А.А., Алёхин И.А., Туркин Е.В., Фасоля А.А., Шутько Д.В. и др. Теория и практика профессионального образования офицеров в военных вузах Российской Федерации: монография / А.А. Авуза, И.А. Алёхин, Е.В. Туркин, А.А. Фасоля, Д.В. Шутько и др. М.: ВУ, 2018. 194 с.
2. Караяни А.Г. Военная психология: учебник и практикум для вузов: 3-изд. доп. и перераб. М.: Юрайт, 2024. 655 с.
3. Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций: учебник для вузов. СПб.: Питер. 2024. 272 с.
4. Барбашина Э.В. Medical Humanities – вектор трансформации медицинского образования / Э.В. Барбашина // Профессиональное образование в современном мире. 2024. Т. 14, № 4. С. 578-584. DOI 10.20913/2618-7515-2024-4-3. EDN GLEXVN.
5. Барбашина Э.В. Критическое мышление в контексте перспектив развития современного высшего образования в России / Э.В. Барбашина // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-

Петербург, 09-10 июня 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 481-483. EDN AYFSXU.

6. Дахин А.Н., Ненашев М.Б. Психология выбора цели и что лежит в основе успешного выбора // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1 (1). С. 16-26.

7. Dakhin A.N. Development of a multilingual online course with the language support for teaching physics in English / Nursultan Ruslanovich Zhakupov, Ainur Seitkhanova, Alexander Dakhin // International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE). Vol. 13, No. 2, April 2024. P. 752-758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.

8. Лаврентьева З.И., Калугина Л.А. Понятие функциональной грамотности в педагогических исследованиях // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 4 (56). С. 167-172.

9. Абульханова-Славская К.А. Психология формирования и развития личности. М.: Наука 1991. С. 19-44.

10. Федосеева И.А. Предпрофильная подготовка подрастающего поколения в современных социокультурных условиях // Специфика педагогического образования в регионах России. 2024. № 1 (17). С. 76-78.

11. Федосеева И.А. Мотивация обучения военнослужащих – залог устойчивости и процветания государства // Образование и общество. 2025. №1 (150). С. 32-37.

12. Лопуха Т.Л., Сорокоумова С.Н. Профессиональное воспитание офицеров: современные тренды // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 4 (45).

13. Дахин А.Н. Место человека в эпоху ИИ: диалог между кремнием и духом // Педагогика. 2025. Т. 89, № 12. С. 115-120.

14. Дахин А.Н. Педагогика больших языковых моделей // Педагогика. 2025. Т. 89, № 2. С. 5-16.

15. Ненашев М.Б., Дахин А.Н. Персонализированное машинное обучение // Педагогика. 2025. Т. 89, № 6. С. 49-60.

16. Дахин А.Н. Цели и ценности педагогического проекта // Педагогика. 2026. Т. 90, № 4. С. 11-25.

17. Мерзеликин Р.С., Федосеева И.А. Формирование профессионально значимых и духовно-нравственных компетенций у курсантов в системе военно-патриотического воспитания // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4 (33). С. 303-309. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/12/032.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

18. Miendlarzewska E.A., Bavelier D., Schwartz S. Influence of reward motivation on human declarative memory // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2016. Vol. 61. P. 156-176.

References

1. Avuza A.A., Alekhin I.A., Turkin E.V., Fasolya A.A., Shutko D.V., et al. Theory and Practice of Professional Education of Officers in Military Higher Education Institutions of the Russian Federation: Monograph. M.: Military University, 2018. 194 p.

2. Karayani A.G. Military Psychology: Textbook and Practice Guide for Universities. 3rd ed., revised and expanded. M.: Yurait, 2024. 655 p.

3. Shoigu Yu.S. Psychology of Extreme Situations: University Textbook. Saint Petersburg: Piter, 2024. 272 p.

4. Barbashina E.V. Medical Humanities as a Vector of Transformation of Medical Education. Professional Education in the Modern World. 2024. Vol. 14, No. 4. P. 578-584. DOI: 10.20913/2618-7515-2024-4-3.

5. Barbashina E.V. Critical Thinking in the Context of Prospects for the Development of Modern Higher Education in Russia. In: Global Conflict and the Contours of a New World Order:

20th International Likhachev Scientific Readings, Saint Petersburg, June 9-10, 2022. Saint Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2022. P. 481-483.

6. Dakhin A.N., Nenashev M.B. Psychology of Goal Choice and the Foundations of Successful Decision-Making. *Siberian Socio-Humanitarian Journal*, 2025. No. 1 (1), P. 16-26.

7. Dakhin A.N., Zhakupov N.R., Seitkhanova A. Development of a Multilingual Online Course with Language Support for Teaching Physics in English. *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*, 2024. Vol. 13, No. 2. P. 752-758. DOI: 10.11591/ijere.v13i2.26803.

8. Lavrentyeva Z.I., Kalugina L.A. The Concept of Functional Literacy in Pedagogical Research. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2024. No. 4 (56). P. 167172.

9. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Psychology of Personality Formation and Development. M.: Nauka, 1991. P. 19-44.

10. Fedoseeva I.A. Pre-Profile Training of the Younger Generation in Modern Sociocultural Conditions. *Specifics of Pedagogical Education in the Regions of Russia*, 2024. No. 1 (17). P. 76-78.

11. Fedoseeva I.A. Motivation of Military Personnel Training as a Guarantee of Stability and Prosperity of the State. *Education and Society*, 2025. No. 1 (150). P. 32-37.

12. Lopukha T.L., Sorokoumova S.N. Professional Education of Officers: Modern Trends. *Bulletin of Minin University*, 2023. Vol. 11, No. 4 (45).

13. Dakhin A.N. The Place of Humans in the Era of AI: Dialogue Between Silicon and Spirit. *Pedagogy*, 2025. Vol. 89, No. 12. P. 115-120.

14. Dakhin A.N. Pedagogy of Large Language Models. *Pedagogy*, 2025. Vol. 89, No. 2. P. 5-16.

15. Nenashev M.B., Dakhin A.N. Personalized Machine Learning. *Pedagogy*, 2025. Vol. 89, No. 6. P. 49-60.

16. Dakhin A.N. Goals and Values of a Pedagogical Project. *Pedagogy*, 2026. Vol. 90, No. 4. P. 11-25.

17. Merzelikin R.S., Fedoseeva I.A. Formation of Professionally Significant and Spiritual-Moral Competencies in Cadets within the System of Military-Patriotic Education. *Bulletin of the Military Academy of the National Guard Troops*, 2025. No. 4 (33). P. 303-309. [Electronic resource]. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/12/032.pdf> (date of access: 12.02.2026).

18. Miendlarzewska E.A., Bavelier D., Schwartz S. Influence of Reward Motivation on Human Declarative Memory. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2016. Vol. 61. P. 156-176.

Информация об авторах

Потехин Павел Павлович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Спирин Александр Викторович, кандидат психологических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Федоришина Алена Михайловна, Новосибирский государственный педагогический университет (630126, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28).

Information about the authors

Pavel P. Potekhin, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plateau st., 6/2).

Aleksandr V. Spirin, candidate of psychological sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plateau st., 6/2).

Alyona M. Fedorishina, Novosibirsk state pedagogical university (630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya st., 28).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 23.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 159.9:37.015.3:004.77+316.6

EDN: <https://elibrary.ru/MIOCLA>

КИБЕРСУБЪЕКТНОСТЬ КУРСАНТОВ РОСГВАРДИИ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЦИФРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ И РЕСУРС ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Сабуров Александр Владимирович¹

Большунова Наталья Яковлевна²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹sabredrive@yandex.ru, ²nat_bolshunova@mail.ru

Аннотация. Цифровая трансформация высшего образования, включая военные вузы, создает новые возможности для обучения, но одновременно порождает риски: информационная перегрузка, алгоритмическое манипулирование, цифровая зависимость. Для курсантов, находящихся в условиях строгой регламентации и повышенных нагрузок, эти риски особенно актуальны. Одновременно актуализируется задача патриотического воспитания в цифровой среде, где разворачиваются информационные войны и попытки искажения исторической памяти. Традиционные запретительные меры малоэффективны и требуют поиска внутренних ресурсов личности. Цель статьи – теоретически обосновать шестикомпонентную модель киберсубъектности курсантов Росгвардии, которая выступает психолого-педагогическим условием профилактики цифровой зависимости и одновременно ресурсом патриотического воспитания в цифровом пространстве. Исследование опирается на субъектный подход С.Л. Рубинштейна, теории цифрового гражданства и саморегуляции. Проведен теоретический анализ и синтез существующих моделей цифровой компетентности, а также анализ современных исследований влияния цифровизации на личность. Предложена структурно-функциональная модель киберсубъектности, включающая когнитивный, ценностно-смысловой, мотивационно-волевой, регуляторно-рефлексивный, поведенческо-деятельностный и социально-коммуникативный компоненты. Показана связь каждого компонента с профилактикой зависимого поведения и формированием патриотических ценностей. Выделены и описаны пять уровней сформированности киберсубъектности (от минимального до продвинутого). Развитие киберсубъектности позволяет курсанту стать активным, осознанным субъектом цифровой среды, что одновременно защищает от манипуляций и зависимостей и открывает возможности для присвоения историко-патриотического опыта. Обозначены практические пути формирования киберсубъектности в образовательном процессе военного вуза.

Ключевые слова: киберсубъектность, курсанты Росгвардии, цифровая зависимость, патриотическое воспитание, субъектный подход, профилактика, цифровая среда, историческая память, саморегуляция, ценности.

Для цитирования: Сабуров А.В., Большунова Н.Я. Киберсубъектность курсантов Росгвардии как психолого-педагогическое условие профилактики цифровой зависимости и ресурс патриотического воспитания // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 24-36.

CYBERSUBJECTIVITY OF ROSGVARDIYA CADETS AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITION FOR THE PREVENTION OF DIGITAL ADDICTION AND A RESOURCE FOR PATRIOTIC EDUCATION

Aleksandr V. Saburov¹, Natalya Ya. Bolshunova²^{1, 2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia¹sabredrive@yandex.ru, ²nat_bolshunova@mail.ru

Abstract. The digital transformation of higher education, including military universities, creates new learning opportunities, but simultaneously generates risks: information overload, algorithmic manipulation, and digital addiction. For cadets living under strict regulations and increased stress, these risks are particularly relevant. Concurrently, the task of patriotic education in the digital environment, where information wars and attempts to distort historical memory unfold, becomes more pressing. Traditional prohibitive measures are ineffective and necessitate the search for internal personal resources. To provide a theoretical substantiation of a six-component model of cybersubjectivity among Rosgvardiya cadets as a psychological and pedagogical condition for preventing digital addiction and a resource for patriotic education in the digital space. The research is based on S.L. Rubinstein's subject-centered approach, as well as theories of digital citizenship and self-regulation. A theoretical analysis and synthesis of existing models of digital competence and contemporary research on the impact of digitalization on the individual were conducted. A structural-functional model of cybersubjectivity is proposed, comprising cognitive, value-meaning, motivational-volitional, regulatory-reflexive, behavioral-activity, and socio-communicative components. The connection of each component to the prevention of addictive behavior and the formation of patriotic values is demonstrated. Five levels of cybersubjectivity formation (from minimal to advanced) are identified and described. The development of cybersubjectivity allows a cadet to become an active, conscious subject of the digital environment, which simultaneously protects against manipulation and addiction and opens opportunities for internalizing historical and patriotic experience. Practical ways to foster cybersubjectivity in the educational process of a military university are outlined.

Keywords: cybersubjectivity; Rosgvardiya cadets; digital addiction; patriotic education; subject-centered approach; prevention; digital environment; historical memory; self-regulation; values.

For citation: Saburov A.V., Bolshunova N.Ya. Cybersubjectivity of rosgvardiya cadets as a psychological and pedagogical condition for the prevention of digital addiction and a resource for patriotic education // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 24-36.

Введение

Современный этап развития системы высшего образования, в том числе военного, характеризуется масштабной и необратимой цифровой трансформацией. С одной стороны, это открывает беспрецедентные возможности для доступа к информации, развития дистанционных форматов обучения, формирования новых профессиональных компетенций [1, 2]. С другой стороны, порождает комплекс серьезных вызовов

психологическому благополучию обучающихся: хроническая информационная перегрузка, стресс постоянной доступности, риск кибербуллинга, формирование цифровой зависимости [3-5].

Для курсантов военных вузов, находящихся в условиях частичной социальной изоляции, строгой регламентации быта и повышенных психоэмоциональных нагрузок, эти риски оказываются особенно актуальными. Цифровая среда может становить-

ся для них как каналом компенсаторной коммуникации, так и источником дополнительного стресса, который усугубляет внутреннее напряжение [6]. Исследования фиксируют устойчивую корреляцию между временем, проводимым перед экранами, и снижением показателей психологического благополучия среди молодежи [7].

Одновременно перед военными вузами стоит задача патриотического воспитания будущих офицеров. В условиях гибридных войн и информационного противоборства историческая память становится полем битвы за умы. Курсанты должны не только знать историю войск правопорядка и Отечества, но и эмоционально присваивать её, делать частью своей идентичности [8, 9]. Однако традиционные методы воспитания, построенные на трансляции знаний и запретах, часто не достигают цели, так как не учитывают новые реалии цифрового пространства, где молодёжь проводит значительную часть времени, и где представлены нередко ложные или недостоверные сведения о ключевых событиях.

Сложившаяся практика противодействия цифровым рискам в закрытых учебных заведениях зачастую носит запретительно-ограничительный характер, что не только малоэффективно в долгосрочной перспективе (феномен «запретного плода»), но и может само по себе выступать источником фрустрации, не формируя внутренних механизмов совладания с цифровыми вызовами [10]. Возникает потребность в поиске и развитии внутренних психологических ресурсов личности, которые позволили бы ей не просто пассивно адаптироваться к цифровой среде, но и активно, осознанно и продуктивно использовать её потенциал для своего профессионального и личностного развития, сохраняя при этом психологическое благополучие и ценностный стержень.

Таким ключевым ресурсом, на наш взгляд, выступает киберсубъектность – интегративная способность личности к осознанной, ответственной и ценностно-ориентированной деятельности в цифровой среде.

В отличие от подходов, рассматривающих взаимодействие с цифровой средой преимущественно в парадигме рисков и аддикций (дефицитарная модель), предлагаемый конструкт позволяет сместить акцент на позитивные аспекты цифровизации и личностный потенциал [11, 12].

В отдельном исследовании нами была предложена трёхкомпонентная модель киберсубъектности (когнитивный, мотивационно-волевой, поведенческий компоненты) и получены эмпирические данные о связи когнитивного компонента с уровнем цифровой зависимости [12]. Однако для решения задач патриотического воспитания и более полного охвата личностных регуляторов этой модели недостаточно. В настоящей статье мы развиваем ранее предложенную четырёхкомпонентную модель [8] до шестикомпонентной, уточняя и дополняя её структуру. Шестикомпонентная модель включает когнитивный, ценностно-смысловой, мотивационно-волевой, регуляторно-рефлексивный, поведенческо-деятельностный и социально-коммуникативный компоненты.

Цель настоящей статьи – теоретически обосновать расширенную шестикомпонентную модель киберсубъектности курсантов Росгвардии и показать её роль в решении двух взаимосвязанных задач: профилактики цифровой зависимости и патриотического воспитания в цифровой среде.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составляет субъектный подход, разработанный в отечественной психологии С.Л. Рубинштейном и развитый в трудах К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, Н.Я. Большуновой и др. [13-16]. Согласно этому подходу, субъект характеризуется активностью, осознанностью, способностью к выбору и ответственности. Иными словами, киберсубъектность позволяет курсанту выступать не пассивным объектом манипуляций, а активной, преобразующей цифровую среду и себя причиной, используя её как средство саморазвития и решения значимых задач.

Методы исследования включают теоретический анализ философской, психологической и педагогической литературы по проблеме; синтез и обобщение данных современных отечественных и зарубежных исследований цифрового поведения, цифровой зависимости, саморегуляции, цифрового гражданства; моделирование структурно-функциональной организации киберсубъектности; контент-анализ публикаций, посвященных патриотическому воспитанию в виртуальной среде.

В работе использованы материалы исследований, выполненных в рамках культурно-исторической психологии и психологии личности, а также современные данные о влиянии цифровизации на развитие индивидуальности и субъектности [17, 18].

Результаты исследования

Теоретические основания исследования: субъектный подход и его проекция в цифровую среду

Понятие субъекта является фундаментальным для отечественной психологии. С.Л. Рубинштейн определял субъекта как человека, способного к инициативному, творческому и ответственному преобразованию действительности и самого себя [13, 14]. В отличие от индивида (принадлежность к роду) и личности (приобщённость к социуму), субъект характеризуется активностью, осознанностью, способностью к выбору и рефлексии. Именно эта способность к инициативному, осмысленному и ответственному действию, по Рубинштейну, составляет ядро субъектности и становится основой для проекции субъектной позиции в цифровую реальность – киберсубъектности.

Развивая эти идеи, К.А. Абульханова-Славская подчёркивала, что субъектность проявляется в умении выстраивать стратегию жизни, согласовывать внешние требования с внутренними ценностями [15]. А.В. Брушлинский акцентировал роль субъекта как источника активности, непрерывно взаимодействующего с миром [16]. В работах К.В. Карпинского обосновывается положение о человеке как авторе собственной

жизни и деятельности, то есть её субъекте [19]. Развивая эти идеи, Н.Я. Большунова определяет субъектность как способность человека быть автором собственной деятельности и нести за неё ответственность [11, с. 124]. В контексте цифровой трансформации эти идеи обретают новое звучание: современная цифровая среда – не просто инструмент, а особая реальность, обладающая собственной логикой и механизмами влияния. Человек может выступать в ней либо объектом манипуляций, либо субъектом, осознанно ставящим цели и управляющим своей активностью.

Анализ зарубежных аналогов показывает, что существуют концепции, близкие к киберсубъектности, но не тождественные ей. Digital citizenship (цифровое гражданство) акцентирует нормативно-этические аспекты поведения в сети: ответственность, безопасность, соблюдение прав [20] с ориентацией скорее на внешние нормы. Digital agency (цифровая агентность) рассматривается как способность интенционально использовать цифровые инструменты для достижения целей [21], однако не охватывает ценностно-смысловую регуляцию. Self-regulation (саморегуляция) в цифровой среде изучается как ключевой фактор защиты от интернет-зависимости [22], но сама по себе не гарантирует осмысленности деятельности. Киберсубъектность, опираясь на традиции отечественной психологии, интегрирует эти подходы и дополняет их ценностно-смысловым измерением, что особенно важно для военно-профессиональной деятельности.

Подтверждение значимости когнитивного компонента киберсубъектности было получено в эмпирическом исследовании на выборке курсантов [12]. Выявлена положительная корреляция между незащищённостью от манипуляций (обратный индикатор сформированности критического мышления) и уровнем цифровой зависимости ($r = 0,42$; $p < 0,001$), а также статистически значимые различия между курсантами 1-го и 5-го курсов по уровню незащищённости от манипуляций ($t(122) = 10,56$;

$p < 0,001$). Эти данные обосновывают необходимость целенаправленного развития когнитивного компонента. Однако для комплексной профилактики зависимости и решения задач духовно-нравственного воспитания, неотъемлемой частью которого является патриотическое, требуется более широкая модель, включающая ценностно-смысловую и социально-коммуникативную сферы.

Расширенная структурно-функциональная модель киберсубъектности курсантов

Ранее нами была предложена четырёх-компонентная модель киберсубъектности [8]. Анализ практики воспитательной работы в военном институте, а также углублённое изучение феноменологии цифрового поведения курсантов позволили расширить модель до шести взаимосвязанных компонентов (рисунок 1). Каждый компонент отражает определённую сторону субъектной позиции в цифровой среде.

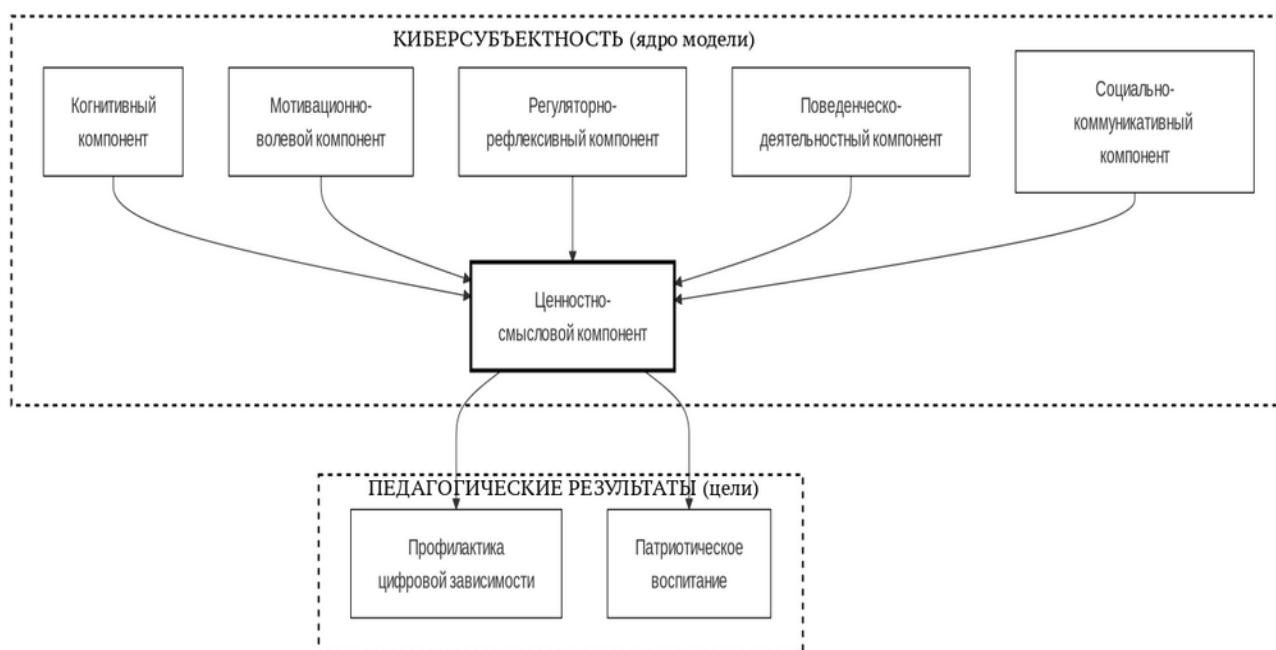

Рисунок 1 – Структурно-функциональная модель киберсубъектности курсантов

1. Когнитивный компонент включает способность к критическому анализу цифровой информации, понимание архитектуры платформ и алгоритмов, а также цифровую рефлексию – осознание собственных цифровых привычек и эмоциональных реакций на онлайн-контент. Курсант с развитым когнитивным компонентом отличает достоверные источники от фейков, понимает механизмы «фильтрующих пузырей» и «экономики внимания» [23, 25].

Значимость когнитивного компонента эмпирически подтверждена: по данным исследования [12], уровень незащищённости от манипуляций положительно коррелирует с выраженностью цифровой зависимости ($r=0,42$; $p<0,001$), а у курсантов 5-го курса

этот показатель значимо ниже, чем у первокурсников ($t(122)=10,56$; $p<0,001$). Это обосновывает необходимость целенаправленного развития критического мышления и цифровой рефлексии в процессе профессиональной подготовки.

2. Ценностно-смысловой компонент выступает стержневым. Он отражает осознание иерархии профессиональных и личностных ценностей (долг, честь, ответственность, патриотизм) и их проекцию на деятельность в сети. Сюда же входят осознание цифровой ответственности (за свой цифровой след, за производимый контент) и смысловая регуляция – соотнесение цифровых практик с жизненными целями [25, 18].

3. Мотивационно-волевой компонент характеризует внутреннюю движущую силу, направляющую курсанта на осознанное взаимодействие с цифровой средой. Ключевое понятие – киберпсихологическая автономия, способность действовать на основе внутренней мотивации (потребности в автономии, компетентности, связанности), а не под влиянием внешних стимулов [26]. Включает целеполагание и волевую регуляцию (способность противостоять цифровым соблазнам).

4. Регуляторно-рефлексивный компонент обеспечивает самоорганизацию и самоконтроль в цифровой среде. Это управление временем, вниманием, эмоциональным состоянием, а также рефлексия цифрового опыта – анализ эффективности своих действий, осознание ошибок, коррекция стратегий [22].

5. Поведенческо-деятельностный компонент проявляется в способности к продуктивной, конструктивной и этичной активности в сети. Это цифровая агентность: создание контента, участие в профессиональных

сообществах, решение учебных и служебных задач с помощью цифровых инструментов. Включает технологическую компетентность и навыки эффективной коммуникации [21].

6. Социально-коммуникативный компонент отражает способность строить и поддерживать позитивные отношения в цифровой среде, проявлять цифровую эмпатию, соблюдать этические нормы, работать в виртуальных командах и управлять профессиональной цифровой идентичностью [26].

Все компоненты тесно взаимосвязаны, а их единство образует киберсубъектность как целостное качество личности.

Уровни сформированности киберсубъектности

На основе анализа компонентов можно выделить пять качественных уровней развития киберсубъектности, которые отражают переход от позиции пассивного объекта цифровой среды к позиции активного, творческого субъекта (таблица 1).

Таблица 1 – Уровни сформированности киберсубъектности курсантов

Уровень	Краткая характеристика
Минимальный	Пассивный потребитель контента, не осознаёт риски, легко поддаётся манипуляциям, цифровая активность хаотична, ценности не связаны с поведением в сети. Отсутствует рефлексия и контроль времени.
Низкий	Отдельные проявления осознанности, но они неустойчивы. Наблюдается слабый контроль времени, поверхностная рефлексия, ценности ситуативны и легко подвержены влиянию цифровых трендов. Может создавать простой контент (репосты).
Средний	Базовые навыки сформированы: способен выявить очевидный фейк, понимает базовые принципы работы алгоритмов, ставит простые цели в сети. Прилагает усилия для самоконтроля, но в сложных ситуациях может срываться. Ценности осознаёт, но не всегда следует им в цифровом пространстве.
Высокий	Устойчивая субъектная позиция: критически анализирует информацию, понимает механизмы «фильтрующих пузырей», в том числе применительно к информационным атакам на историческую память, и может им противостоять, эффективно управляет вниманием и временем. Ценности (долг, честь, патриотизм) выступают регуляторами цифровой активности. Активно создаёт полезный контент, участвует в профессиональных сетевых сообществах.
Продвинутый	Творческий, лидерский уровень: глубокое понимание алгоритмической архитектуры, системная рефлексия, ценности образуют устойчивый внутренний фильтр для всей цифровой активности. Цифровая деятельность полностью согласована с жизненными и профессиональными целями, служение Отечеству как высший смысл цифровой активности. Выступает инициатором и организатором в сетевых сообществах, создаёт сложные профессиональные продукты.

Предложенные уровни являются предварительными и выделены теоретически, на основе анализа компонентов киберсубъектности. Их эмпирическая валидизация и разработка диагностического инструментария составляют перспективу дальнейших исследований.

Данные уровни могут служить ориентиром для диагностики и планирования психолого-педагогической работы по формированию киберсубъектности.

Киберсубъектность как условие профилактики цифровой зависимости и ресурс патриотического воспитания

Цифровая зависимость характеризуется потерей контроля над временем в сети, сужением круга интересов, негативными эмоциями при невозможности доступа. С позиций субъектного подхода зависимость – это утрата субъектности, переход в позицию объекта, управляемого внешними стимулами. Поэтому профилактика должна быть направлена на развитие внутренних механизмов саморегуляции и смыслообразования. Каждый компонент киберсубъектности вносит специфический вклад:

1. Когнитивный компонент позволяет распознавать манипулятивные техники (бесконечная лента, автовоспроизведение) и сознательно противостоять им.

2. Ценностно-смысловой компонент задаёт иерархию: если для курсанта значимы учёба и служба, то бесцельный скроллинг вступает с ними в конфликт.

3. Мотивационно-волевой компонент обеспечивает способность ставить цели в цифровой среде, удерживать намерение, преодолевать сиюминутные импульсы («ещё 5 минут»), сознательно переключать внимание с отвлекающего контента на учебные или служебные задачи, действовать вопреки желанию отвлечься.

4. Регуляторно-рефлексивный компонент помогает контролировать время, затрачиваемое на разные виды онлайн-активности, и, главное, анализировать свои срывы: осознавать, какие триггеры (скука, тревога, давление группы) ведут к потере самоконтроля, и

на основе этого самоанализа корректировать стратегии поведения.

5. Поведенческо-деятельностный компонент предлагает альтернативные продуктивные формы активности в сети.

6. Социально-коммуникативный компонент обеспечивает поддержку значимых отношений онлайн, снижая риск ухода в патологическое одиночество.

В условиях информационных войн и обилия фейков патриотическое воспитание сталкивается с вызовами: поверхностное потребление контента, изоляция в «эхо-камерах», искажение истории. Киберсубъектность даёт инструменты для их преодоления.

1. Когнитивный компонент позволяет критически оценивать историческую информацию, отличать достоверные источники от манипулятивных.

2. Ценностно-смысловой компонент напрямую связан с присвоением патриотических ценностей. Если для курсанта значимы долг и служение, он будет искать контент, укрепляющий эти ценности. Историческая память становится частью внутреннего мира.

3. Мотивационно-волевой компонент побуждает курсанта к самостоятельному, инициативному изучению истории семьи, края, войск правопорядка, даже если это требует усилий и времени, отвлекаемого от развлекательного контента.

4. Регуляторно-рефлексивный компонент позволяет осмысливать своё отношение к историческим событиям, замечать, как те или иные материалы постепенно меняют мировоззрение, и сознательно выстраивать свою позицию.

5. Поведенческо-деятельностный компонент даёт возможность самому создавать патриотический контент (посты о героях-земляках, видео, участие в сетевых акциях памяти).

6. Социально-коммуникативный компонент помогает строить диалог на темы истории, уважительно обсуждать спорные вопросы.

Ценностно-смысловой компонент выступает точкой пересечения двух задач: именно ценности определяют устойчивость к зависимостям и направленность на патриотические смыслы.

Психолого-педагогические условия и методы формирования киберсубъектности в военном институте

Развитие киберсубъектности требует интеграции специальных методов в учебно-воспитательный процесс.

1. Развитие когнитивного компонента:

- Введение в курсы общественных наук и информатики модулей по цифровой гигиене, критическому мышлению, верификации информации.

- Практикумы по анализу механизмов работы алгоритмов, разбору фейков (в том числе исторических), ознакомление с приемами манипулятивного воздействия и защитой от него [23, 24].

- Дискуссии о «фильтрующих пузырях» и способах их преодоления.

Эмпирические данные о естественном развитии когнитивного компонента в ходе профессиональной социализации (сравнение 1-го и 5-го курсов) [12] позволяют предположить, что целенаправленная психолого-педагогическая работа способна ускорить этот процесс и распространить его на другие компоненты киберсубъектности: ценностно-смысловой, регуляторно-рефлексивный и социально-коммуникативный.

2. Развитие ценностно-смыслового компонента:

- Проект «Семейная хроника служения Отечеству»: курсанты исследуют историю своей семьи в контексте истории войск, создают цифровые презентации с последующим обсуждением. Это напрямую связывает личную историю с историей страны и войск [8].

- Круглые столы: «Цифровая культура офицера», «Профессиональная этика в социальных сетях», «Ответственность за цифровой след».

- Встречи с ветеранами с возможностью записи и трансляции их воспоминаний.

3. Развитие мотивационно-волевого и регуляторно-рефлексивного компонентов:

- Тренинги саморегуляции и тайм-менеджмента, адаптированные к цифровым вызовам (метод «Помodoro», техники управления уведомлениями).

- Внедрение практик «цифрового детокса» как осознанной стратегии восстановления, а не запрета.

- Ведение рефлексивных дневников цифровой активности.

4. Развитие поведенческо-деятельностного и социально-коммуникативного компонентов:

- Организация проектной деятельности с созданием профессионально-ориентированного контента (учебные видео, инструкции, аналитические обзоры, материалы для музея института).

- Стимулирование участия в профессиональных онлайн-сообществах, вебинарах, конкурсах.

- Создание внутривузовской цифровой платформы для обмена опытом (с модерацией).

5. Подготовка преподавательского состава:

- Обучение офицеров-преподавателей методам модерации цифрового диалога, организации исследовательской деятельности курсантов в сети.

- Повышение цифровой компетентности самих преподавателей.

Ключевой принцип – переход от запретов к развитию субъектности, от трансляции знаний к организации осмысленной деятельности.

Заключение

Проведённый теоретический анализ позволил обосновать расширенную шестикомпонентную модель киберсубъектности курсантов Росгвардии, включающую когнитивный, ценностно-смысловой, мотивационно-волевой, регуляторно-рефлексивный, поведенческо-деятельностный и социально-коммуникативный компоненты. Показано, что киберсубъектность выступает не узкопрофильным цифровым навыком, а

комплексным метаресурсом, обеспечивающим одновременно профилактику цифровой зависимости и развитие патриотического сознания.

Ценностно-смысловой компонент является стержневым, связывая две задачи: именно система ценностей определяет устойчивость к деструктивным влияниям и направленность на присвоение историко-патриотического опыта. Выделенные пять уровней сформированности киберсубъектности (от минимального до продвинутого) могут служить ориентиром для диагностики и планирования педагогической работы.

Предложенные психолого-педагогические методы (проект «Семейная хроника служения Отечеству», тренинги саморегуляции, анализ фейков, создание патриотического контента и др.) позволяют целенаправленно формировать все компоненты киберсубъектности в образовательном процессе военного вуза.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую валидизацию предложенной модели, разработку диагностического инструментария и апробацию программ формирования киберсубъектности, а также на изучение её взаимосвязи с реальными показателями цифровой зависи-

мости и патриотической воспитанности курсантов.

Настоящая теоретическая работа развивает ранее предложенную четырёхкомпонентную модель до шестикомпонентной, а также интегрирует результаты эмпирического подтверждения когнитивного компонента, полученные на трёхкомпонентной модели. Шестикомпонентная модель (когнитивный, ценностно-смысловой, мотивационно-волевой, регуляторно-рефлексивный, поведенческо-деятельностный, социально-коммуникативный компоненты) позволяет впервые связать киберсубъектность с задачами патриотического воспитания. Эмпирическая верификация полной шестикомпонентной модели составляет перспективу дальнейших исследований.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные подходы могут быть интегрированы в действующую систему воспитания и обучения в военных институтах Росгвардии, способствуя подготовке не только компетентных, но и психологически устойчивых, ценностно-ориентированных офицеров, способных эффективно действовать в условиях цифровой реальности.

Список источников

1. Nishimwe G., Kamali S., Gatesi E. and Wong R. Assessing the Perceptions and Preferences between Online and In-Person Classroom Learning among University Students in Rwanda. *Journal of Service Science and Management*, 15, 2022. P. 23-34. DOI: <https://doi.org/10.4236/jssm.2022.151003>.
2. Bond M. Digital transformation in German higher education: Student and teacher perceptions and usage of digital media. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 17 (1), 2020. P 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-020-00184-4>.
3. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=qyblkr> (дата обращения: 18.05.2026).
4. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=uilwun> (дата обращения: 18.05.2026).
5. Brian A. Primack, Ariel Shensa, Jaime E. Sidani, Erin O. Whaite, Liu yi Lin, Daniel Rosen, Jason B. Colditz, Ana Radovic, Elizabeth Miller, Social Media Use and Perceived Social Isolation Among Young Adults in the U.S., *American Journal of Preventive Medicine*, Vol. 53, Issue 1, 2017, P. 1-8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2017.01.010>.

6. Bartone P.T. Resilience under military operational stress: Can leaders influence hardiness? *Military Psychology*, 18 (Suppl), 2006. P. 131-148. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327876mp1803s_10.
7. Twenge J.M., Joiner T.E., Rogers M.L., & Martin G.N. Increases in depressive symptoms, suicide-related outcomes, and suicide rates among U.S. adolescents after 2010 and links to increased new media screen time. *Clinical Psychological Science*, 6 (1), 2018. P. 3-17. DOI: <https://doi.org/10.1177/2167702617723376>.
8. Сабуров А.В., Большунова Н.Я. Киберсубъектность как ресурс психологического благополучия курсантов в условиях цифровизации образовательной среды. *Развитие человека в современном мире*, (4), 2025. С. 73-86. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=86583905> (дата обращения: 18.05.2026).
9. Нора П. Проблематика мест памяти // *Франция-память*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50. [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 18.05.2026).
10. Livingstone S., Helsper E.J. Balancing opportunities and risks in teenagers' use of the internet: The role of online skills and internet self-efficacy. *New Media & Society*, 12 (2), 2010. P. 309-329. DOI: 10.1177/1461444809342697.
11. Большунова Н.Я. Условия и средства развития субъектности // *Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика*. М.: Кредо. 2014. С. 124-132. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/gkzkka> (дата обращения: 18.05.2026).
12. Сабуров А.В. Киберсубъектность как фактор профилактики цифровой зависимости: теоретико-эмпирическое исследование (на примере курсантов военного вуза) // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ)*. 2026. № 1 (75). С. 209-223. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89133420> (дата обращения: 18.05.2026).
13. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/lbqest> (дата обращения: 18.05.2026).
14. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самостоятельности (к философским основаниям современной педагогики). *Вопросы психологии*, (4), 1986. С. 101-108. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/ystapr> (дата обращения: 18.05.2026).
15. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/sgbtrn> (дата обращения: 18.05.2026).
16. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке. *Психологический журнал*, 12 (6), 1991. С. 3-11. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/trbftd> (дата обращения: 18.05.2026).
17. Большунова Н.Я., Беданоква А.К., Устинова О.А. Индивидуальность человека в условиях цифровизации: обзор современных исследований и подходов. *Психологическая наука и образование*, 30 (6), 2025. С. 151-162. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2025300609>.
18. Большунова Н.Я., Устинова О.А. Проблема развития индивидуальности в современной социокультурной ситуации. *Развитие человека в современном мире*, (4), 2024. С. 7-21. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/nwblpy> (дата обращения: 18.05.2026).
19. Карпинский К.В. Человек как субъект жизни. Гродно: ГрГУ, 2002. 279 с. URL: <https://elib.grsu.by/doc/246> (дата обращения: 27.05.2026).
20. Ribble M. Digital citizenship in schools: Nine elements all students should know. *International Society for Technology in Education*. 2015. 220 p. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com.hk/books/about/Digital_Citizenship_in_Schools.html?id=z6WpC_gAAQBAJ (дата обращения: 18.05.2026).

21. Passey D., Shonfeld M., Appleby L. et al. Digital Agency: Empowering Equity in and through Education. *Tech Know Learn* 23, 2018. P. 425-439. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10758-018-9384-x>.
22. Baumeister, R.F., Vohs, K.D. Self-regulation, ego depletion, and motivation. *Social and Personality Psychology Compass*, 1 (1), 2007. P. 115-128. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2007.00001.x>.
23. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. М.: АСТ, 2021. 653 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/paper-book/daniel-kaneman/dumay-medlenno-reshay-bystro-73608701/> (дата обращения: 19.05.2026).
24. Паризер Э. За стеной фильтров: что Интернет скрывает от вас? / Пер. с англ. А. Широкова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 297 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/b/za-stenoi-fil-trov-d104a7?page=1> (дата обращения: 19.05.2026).
25. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 2000, 55 (1). P. 68-78. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>.
26. Turkle S. Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books, 2011. 348 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10615-014-0511-4> (дата обращения: 19.05.2026).

References

1. Nishimwe G., Kamali S., Gitesi E., Wong R. Assessing the Perceptions and Preferences between Online and In-Person Classroom Learning among University Students in Rwanda. *Journal of Service Science and Management*, 2022. Vol. 15 P. 23-34. DOI: <https://doi.org/10.4236/jssm.2022.151003>.
2. Bond M. Digital transformation in German higher education: Student and teacher perceptions and usage of digital media. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 2020. Vol. 17 (1). P. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-020-00184-4>.
3. Voiskunsky A.E. Psychology and the Internet. М.: Akropol, 2010, 439 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=qyblkr> (date of access: 18.05.2026).
4. Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Yu. Digital competence of adolescents and parents: results of an all-Russian study. Moscow: Fond Razvitiya Internet, 2013/ 144 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=uilwun> (date of access: 18.05.2026). In Russian)
5. Primack B.A., Shensa A., Sidani J.E., Whaite E.O., Lin L.Y., Rosen D., Colditz J.B., Radovic A., Miller E. Social Media Use and Perceived Social Isolation Among Young Adults in the U.S. *American Journal of Preventive Medicine*, 2017. Vol. 53. Issue 1. P. 1-8. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2017.01.010>.
6. Bartone P.T. Resilience under military operational stress: Can leaders influence hardiness? *Military Psychology*, 2006. Vol. 18 (Suppl). P. 131-148. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327876mp1803s_10.
7. Twenge J.M., Joiner T.E., Rogers M.L., Martin G.N. Increases in depressive symptoms, suicide-related outcomes, and suicide rates among U.S. adolescents after 2010 and links to increased new media screen time. *Clinical Psychological Science*, 2018. Vol. 6 (1). P. 3-17. DOI: <https://doi.org/10.1177/2167702617723376>.
8. Saburov A.V., Bolshunova N.Ya. Cybersubjectivity as a resource for psychological well-being of cadets in the context of digitalization of the educational environment. *Human*

Development in the Modern World, 2025. No. 4. P. 73-86. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=86583905> (date of access: 18.05.2026).

9. Nora P. The problematics of places of memory. In: France-Memory. St. Petersburg: Saint Petersburg University Press, 1999. P. 17-50. [Electronic resource]. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (date of access: 18.05.2026).

10. Livingstone S., Helsper E.J. Balancing opportunities and risks in teenagers' use of the internet: The role of online skills and internet self-efficacy. *New Media & Society*, 2010. Vol. 12 (2). P. 309-329. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444809342697>.

11. Bolshunova N.Ya. Conditions and means of subjectivity development // General theory of meaning, psychological concepts of meaning formation, meaning didactics. M.: Credo, 2014. P. 124-132. [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/gkzkka> (date of access: 18.05.2026).

12. Saburov A.V. Cybersubjectivity as a factor in the prevention of digital addiction: a theoretical and empirical study (on the example of military university cadets). *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Bulletin of KSPU)*, 2026. No. 1 (75). P. 209-223. [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89133420> (date of access: 18.05.2026).

13. Rubinshtein S.L. Being and consciousness. Man and the world. St. Petersburg: Piter, 2003. 512 p. [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/lbqest> (date of access: 18.05.2026).

14. Rubinshtein S.L. The principle of creative initiative (toward the philosophical foundations of modern pedagogy). *Voprosy psikhologii*, 1986. No. 4. P. 101-108. [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/ystapr> (date of access: 18.05.2026).

15. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Life strategy. M.: Mysl, 1991. 299 p. [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/sgbtrn> (date of access: 18.05.2026).

16. Brushlinsky A.V. The problem of the subject in psychological science. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1991. Vol. 12 (6). P. 3-11. [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/trbftd> (date of access: 18.05.2026).

17. Bolshunova N.Ya., Bedanokova A.K., Ustinova O.A. Human individuality in the context of digitalization: a review of modern research and approaches. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2025. Vol. 30 (6). P. 151-162. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2025300609>.

18. Bolshunova N.Ya., Ustinova O.A. The problem of individuality development in the modern socio-cultural situation. *Human Development in the Modern World*, 2024. No. 4. P. 7-21. [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/nwblpy> (date of access: 18.05.2026).

19. Карпинский К.В. Человек как субъект жизни. Гродно: ГрГУ, 2002. 279 с. [Electronic resource]. URL: <https://elib.grsu.by/doc/246> (date of access: 27.05.2026).

20. Ribble M. Digital citizenship in schools: Nine elements all students should know. *International Society for Technology in Education*, 2015. 220 p. [Electronic resource]. URL: https://books.google.com.hk/books/about/Digital_Citizenship_in_Schools.html?id=z6WpCgAAQBAJ (date of access: 18.05.2026).

21. Passey D., Shonfeld M., Appleby L. et al. Digital Agency: Empowering Equity in and through Education. *Tech Knowledge and Learning*, 2018. Vol. 23. P. 425-439. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10758-018-9384-x>.

22. Baumeister R.F., Vohs K.D. Self-regulation, ego depletion, and motivation. *Social and Personality Psychology Compass*, 2007. Vol. 1 (1). P. 115-128. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2007.00001.x>.

23. Kahneman D. Think Slowly, Decide Quickly (Russian translation). M.: AST, 2021. 653 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.litres.ru/paper-book/daniel-kaneman/dumay-medlennoreshay-bystro-73608701/> (date of access: 19.05.2026).

24. Pariser E. Behind the Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You (Russian translation). М.: Alpina Business Books, 2012. 297 p. [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/b/za-stenoi-fil-trov-d104a7?page=1> (date of access: 19.05.2026).

25. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 2000, Vol. 55 (1). P. 68-78. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>.

26. Turkle S. Alone together: Why we expect more from technology and less from each other. New York: Basic Books, 2011. 348 p. [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10615-014-0511-4> (date of access: 19.05.2026).

Информация об авторах

Сабуров Александр Владимирович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Большунова Наталья Яковлевна, доктор психологических наук, профессор, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Aleksandr V. Saburov, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plateau st., 6/2).

Natalya Ya. Bolshunova, doctor of philological sciences, professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard troops of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plateau st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 27.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 159.9

EDN: <https://elibrary.ru/NBDQJA>**ДИНАМИКА РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ВУЗОВ РОСГВАРДИИ
НА ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ (1-5 КУРСЫ)****Третьяков Виталий Владимирович¹****Гудин Захар Сергеевич²**¹Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия²Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия¹tvv2025@mail.ru, ²zahargudin@eandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования динамики ролевого поведения курсантов высших военных учебных заведений войск национальной гвардии Российской Федерации на этапах профессиональной подготовки (1-5 курсы). Актуальность работы обусловлена необходимостью психологического сопровождения профессионального становления будущих офицеров, которые в современных условиях должны гибко реализовывать множество социальных и профессиональных ролей. Цель исследования – выявление закономерностей трансформации ролевого репертуара, ролевой гибкости, локуса ролевого конфликта и рефлексивности курсантов в процессе пятилетнего обучения. Выборку составили 214 курсантов мужского пола Новосибирского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии РФ (1 курс – 48 чел., 2 курс – 42 чел., 3 курс – 44 чел., 4 курс – 41 чел., 5 курс – 39 чел.). Применялись следующие методики: опросник «Мои социальные роли» (А.В. Орлова) [6], тест «Командные роли» (Р.М. Белбин) [1], методика «Ролевая гибкость» и «Шкала локуса ролевого конфликта» (П.П. Горностаев) [2, 3], опросник рефлексивности (А.В. Карпов) [5]. Установлено, что динамика ролевого поведения курсантов носит нелинейный характер. На начальных этапах (1-2 курсы) доминируют пассивные и зависимые ролевые позиции, характерные для этапа ролевой адаптации. На 3 курсе происходит качественный кризисный переход, сопровождающийся значимым повышением ролевой гибкости и рефлексивности. На завершающих этапах (4-5 курсы) формируется устойчивый ролевой репертуар с преобладанием организаторских и руководящих ролей. Выявлена положительная корреляция между показателями ролевой гибкости и рефлексивности ($r = 0,48$; $p < 0,01$), а также между рефлексивностью и интернальным локусом ролевого конфликта ($r = 0,41$; $p < 0,05$). Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения курсантов, направленных на развитие ролевой компетентности.

Ключевые слова: ролевое поведение, курсанты Росгвардии, ролевая гибкость, локус ролевого конфликта, профессиональная подготовка, рефлексивность, динамика ролевого репертуара.

Для цитирования: Третьяков В.В., Гудин З.С. Динамика ролевого поведения курсантов вузов Росгвардии на этапах профессиональной подготовки (1-5 курсы) // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 37-47.

DYNAMICS OF ROLE BEHAVIOR OF ROSGVARDDIA UNIVERSITY CADETS AT THE STAGES OF PROFESSIONAL TRAINING (1-5 COURSES)

Vitaly V. Tretyakov¹, Zakhar S. Gudín²

¹Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

²Order of Zhukov military academy of the national guard troops of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹tvv2025@mail.ru, ²zahargudin@eandex.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the dynamics of role behavior of cadets of higher military educational institutions of the National Guard of the Russian Federation at the stages of professional training (1-5 courses). The relevance of the work is due to the need for psychological support for the professional formation of future officers, who in modern conditions must flexibly implement many social and professional roles. The purpose of the study is to identify the patterns of transformation of the role repertoire, role flexibility, locus of role conflict and reflexivity of cadets in the process of five-year training. The sample consisted of 214 male cadets of the Novosibirsk Military Institute of the National Guard of the Russian Federation (1 course – 48 people, 2 courses – 42 people, 3 courses – 44 people, 4 courses – 41 people, 5 courses – 39 people). The following methods were used: questionnaire "My social roles" (A.V. Orlova) [6], test "Command roles" (R.M. Belbin) [1], method "Role flexibility" and "Scale of locus of role conflict" (P.P. Ermine) [2, 3], reflexivity questionnaire (A.V. Karpov) [5]. It has been established that the dynamics of the role behavior of cadets is non-linear. The initial stages (1-2 courses) are dominated by passive and dependent role positions characteristic of the role adaptation stage. In the 3rd year, a qualitative crisis transition takes place, accompanied by a significant increase in role flexibility and reflexivity. At the final stages (4-5 courses), a stable role-playing repertoire is formed with a predominance of organizational and leadership roles. A positive correlation was found between role flexibility and reflexivity ($r = 0.48$; $p < 0.01$), as well as between reflexivity and the international locus of role conflict ($r = 0.41$; $p < 0.05$). The results obtained can be used in the development of psychological support programs for cadets aimed at developing role competence.

Keywords: role behavior, Rosgvardia cadets, role flexibility, role conflict locus, professional training, reflexivity, role repertoire dynamics.

For citation: Tretyakov V.V., Zakhar S.G. Dynamics of role behavior of rosgvardia university cadets at the stages of professional training (1-5 courses) // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 37-47.

Введение

В условиях реформирования системы высшего военного образования Российской Федерации и повышения требований к подготовке офицерских кадров для войск национальной гвардии особую актуальность приобретает изучение социально-психологических механизмов профессионального становления курсантов. Одним из ключевых аспектов этого становления выступает процесс освоения и трансформации курсантами

социальных и профессиональных ролей. Как справедливо отмечает П.П. Горностай [2], в социальной психологии личности долгое время доминировало одностороннее представление о социальных ролях как о закреплённых в обществе нормах выполнения определённых функций, в то время как психологические аспекты ролевого поведения – ролевая идентичность, ролевая Я-концепция, ролевая гибкость – оставались недостаточно изученными.

В военной психологии проблема ролевого поведения приобретает особое звучание. Процесс обучения в военном вузе предполагает не только усвоение профессиональных знаний, умений и навыков, но и формирование качественно новой ролевой позиции – переход от гражданской идентичности («студент», «сын») к военно-профессиональной («курсант», «член воинского коллектива», «будущий командир»). По данным исследований С.Б. Перевозкина, Ю.М. Перевозкиной и В.Г. Федосова [7], в процессе межличностного взаимодействия в воинском коллективе курсанты реализуют свою потребность в общении, самовыражении и принадлежности к группе, что в совокупности способствует развитию профессиональных компетенций будущего офицера.

Вместе с тем работы, посвящённые динамике ролевого поведения курсантов на протяжении всего периода обучения (с 1-го по 5-й курс), носят фрагментарный характер. В диссертационном исследовании Т.И. Кармазина [4] было установлено, что динамика ролевого выбора курсантов связана с попытками реализовать свой ролевой потенциал при вхождении в процесс обучения и последующим формированием учебной и военно-профессиональной мотивации. Однако вопрос о специфике трансформации ролевого репертуара на каждом курсе, а также о взаимосвязи ролевых характеристик с личностными свойствами (в частности, с рефлексивностью) остаётся открытым.

Цель настоящего исследования – выявить динамику ролевого поведения курсантов вузов Росгвардии на этапах профессиональной подготовки (1-5 курсы) и определить ключевые психологические детерминанты этой динамики.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что динамика ролевого поведения курсантов в процессе пятилетнего обучения носит нелинейный характер и включает качественный переход (кризисный этап) на 3 курсе, который сопровождается повышением ролевой гибкости и

рефлексивности, а также сменой доминирующего типа локуса ролевого конфликта с экстернального на интернальный.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Новосибирского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации в 2025-2026 учебном году. В исследовании приняли участие 214 курсантов, распределённых по курсам обучения следующим образом: 1-й курс – 48 человек (средний возраст 18 лет), 2-й курс – 42 человека (средний возраст 19 лет), 3-й курс – 44 человека (средний возраст 20 лет), 4-й курс – 41 человек (средний возраст 21 год), 5-й курс – 39 человек (средний возраст 22 года). Выборка является репрезентативной для курсантов военных институтов войск национальной гвардии проходящих обучение по программам высшего образования.

Для решения поставленных задач был использован комплекс психодиагностических методик, позволяющих оценить различные аспекты ролевого поведения и связанные с ними личностные свойства.

Опросник «Мои социальные роли» (А.В. Орлова) [6] предназначен для выявления субъективного ролевого репертуара личности. Курсантам предлагалось отметить, какие социальные роли они реально выполняют в различных сферах жизнедеятельности (учеба, семья, межличностное общение, воинский коллектив и др.). Методика позволяет определить ведущие роли и их иерархию.

Тест «Командные роли» (Р.М. Белбин) [1] диагностирует естественные для человека роли в коллективе: исполнитель, мыслитель, коллективист, формирователь, председатель (координатор), разведчик, оценщик, доводчик. В данном исследовании учитывались доминирующие роли, набравшие максимальное количество баллов.

Методика «Ролевая гибкость» (П.П. Горностай) [2] позволяет измерить способность личности легко переходить от одной роли к другой, не «застывать» на отдельных ролях. Респондент оценивает по 10-балльной

шкале, насколько ему легко переключаться между разными ролевыми позициями в зависимости от ситуации. Ролевая гибкость рассматривается как важное условие социально-психологической адаптированности.

«Шкала локуса ролевого конфликта» (П.П. Горностай) [3] – интегральная характеристика личности, определяющая доминирующую стратегию поведения в условиях ролевого конфликта. Выделяются три типа: экстернальный локус (человек склонен связывать ролевые противоречия с внешними обстоятельствами и искать опору в социальных ожиданиях), интернальный локус (способность самостоятельно разрешать ролевые конфликты на основе осознанной ролевой Я-концепции) и промежуточный тип.

Опросник рефлексивности (А.В. Карпов) [5] – измеряет уровень развития рефлексивности как обобщённого метакогнитивного свойства личности. Опросник включает три шкалы: ретроспективная рефлексивность (анализ прошлых событий), актуальная рефлексивность (осознание и анализ текущей ситуации) и перспективная рефлексивность (планирование и прогнозирование). Подсчитывается также общий балл рефлексивности.

Процедура проведения исследования. Исследование проводилось в групповой форме в специально отведённых аудиторных условиях. Курсантам последовательно предъявлялись бланки методик с письменными инструкциями. Время выполнения

всех заданий составляло в среднем 50-60 минут. Для обеспечения достоверности данных перед началом тестирования проводился краткий инструктаж, разъяснялись цели исследования и гарантировалась конфиденциальность полученных результатов.

Первичные данные были обработаны с использованием пакета статистического анализа SPSS Statistics (версия 26.0). Применялись следующие методы: расчёт средних арифметических значений и стандартных отклонений, однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для сравнения показателей между разными курсами, корреляционный анализ (коэффициент линейной корреляции Пирсона, r) для выявления взаимосвязей между ролевыми характеристиками и рефлексивностью. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты исследования

1. Динамика ролевого репертуара курсантов 1-5 курсов. Анализ результатов, полученных с помощью опросника «Мои социальные роли» (А.В. Орлова) [6], позволил выявить закономерную динамику содержания и иерархии социальных ролей, которые курсанты разных курсов считают для себя наиболее значимыми и актуальными. В таблице 1 представлено процентное распределение выборов ведущих ролей по каждому курсу (респонденты могли выбирать несколько ролей, поэтому сумма процентов превышает 100).

Таблица 1 – Динамика ведущих социальных ролей курсантов (в % от общего числа респондентов на курсе)

Роль	1 курс (n=48)	2 курс (n=42)	3 курс (n=44)	4 курс (n=41)	5 курс (n=39)
сын	68,8	52,4	38,6	29,3	23,1
студент	83,3	76,2	68,2	48,8	30,8
курсант	52,1	71,4	86,4	87,8	92,3
друг	64,6	66,7	59,1	63,4	51,3
член воинского коллектива	33,3	54,8	72,7	82,9	87,2
будущий/настоящий командир	8,3	19,0	34,1	63,4	74,4
муж/отец	0	4,8	18,2	29,3	33,3

Как видно из таблицы 1, на первом курсе доминирующими являются роли, связанные с гражданской идентичностью и прежним социальным опытом: «студент» (83,3 %), «сын» (68,8 %) и «друг» (64,6 %). Роль «курсанта» встречается лишь у 52,1 % первокурсников, что свидетельствует о незавершённости процесса ролевого перехода. Роль «члена воинского коллектива» признают для себя значимой только 33,3 % курсантов первого года обучения.

Ко второму курсу происходит постепенное смещение акцентов: роль «курсанта» начинает доминировать (71,4 %), увеличивается частота выбора роли «члена воинского коллектива» (54,8 %). В то же время роль «студента» хоть и остаётся довольно высокой (76,2 %), но постепенно идёт на спад. А вот на третьем курсе, как показывают опросы, происходит настоящий перелом: роль «курсанта» становится главной уже для 86,4 % респондентов, а роль «члена воинского коллектива» – для 72,7 %. Одновременно начинает проклёвываться и роль «будущего командира» (34,1 %). И это

не случайно: именно на третьем курсе курсантов обычно впервые привлекают к реальному командованию – они становятся командирами отделений или заместителями командиров взводов.

Что касается четвёртого и пятого курсов, то здесь военно-профессиональные роли закрепляются окончательно. Скажем, у пятикурсников уже 92,3 % ощущают себя в первую очередь «курсантами», 87,2 % – «членами воинского коллектива», а роль «командира» отмечают 74,4 % опрошенных. Зато значимость таких ролей, как «студент» (30,8 %) и «сын» (23,1 %), резко падает. В итоге к моменту выпуска курсант оказывается полностью включённым в военно-профессиональную ролевую систему, а гражданские роли уходят на второй план [6].

Аналогичная динамика прослеживается и при анализе распределения командных ролей по Р.М. Белбину [1]. Данные представлены в таблице 2 (учитывались доминирующие роли, набравшие максимальные баллы по соответствующей шкале).

Таблица 2 – Динамика доминирующих командных ролей курсантов (в % от числа респондентов на курсе)

Командная роль	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс
Исполнитель	45,8	38,1	27,3	19,5	15,4
Мыслитель	20,8	26,2	31,8	29,3	28,2
Коллективист	37,5	45,2	40,9	31,7	23,1
Формирователь	8,3	16,7	27,3	41,5	48,7
Председатель (Координатор)	4,2	9,5	22,7	36,6	43,6

На начальных этапах обучения (1-2 курсы) доминирующими командными ролями выступают «исполнитель» (45,8 % на первом курсе) и «Коллективист» (45,2 % на втором курсе). Это отражает объективное положение младших курсантов в системе воинских отношений: они находятся в позиции подчинённых, их основная задача – точное выполнение приказов и поддержание сплочённости в коллективе. Роль «мыслителя» (генератора идей) встречается реже и преимущественно у тех курсантов, кото-

рые проявляют склонность к аналитической работе.

Начиная с третьего курса, заметно возрастает доля ролей, связанных с управлением и влиянием на других. Роль «формирователя» (лидера, ориентированного на результат и преодоление препятствий) увеличивается с 8,3 % на первом курсе до 48,7 % на пятом. Роль «председателя» (координатора, умеющего слушать и принимать взвешенные решения) возрастает с 4,2 % до 43,6 %. Эти изменения соответствуют

логике профессионального становления: курсант старших курсов готовится к роли командира взвода, где необходимы навыки руководства, распределения задач и принятия ответственности [1].

2. Динамика ролевой гибкости и локуса ролевого конфликта.

По методике «Ролевая гибкость» (П.П. Горностай) [2] были получены средние значения для каждой курсовой группы (таблица 3). Ролевая гибкость измерялась по 10-балльной шкале (0 – полная ригидность, 10 – максимальная гибкость).

Таблица 3 – Динамика ролевой гибкости курсантов 1-5 курсов

Курс	Среднее значение	Стандартное отклонение
1 курс (n=48)	3,2	1,1
2 курс (n=42)	3,8	1,0
3 курс (n=44)	5,6	1,3
4 курс (n=41)	6,2	1,2
5 курс (n=39)	6,9	1,1

Представленные данные свидетельствуют о том, что на начальных этапах обучения (1-2 курсы) курсанты демонстрируют низкие показатели ролевой гибкости (3,2 и 3,8 балла соответственно). Это объясняется несколькими факторами: во-первых, жесткой регламентацией поведения и распорядком дня в военном вузе, которые требуют от курсанта четкого следования единой роли («курсант-исполнитель»); во-вторых, психологической фиксацией на преодолении трудностей адаптационного периода; в-третьих, слабо развитой способностью к рефлексии собственного ролевого поведения.

Значительное повышение ролевой гибкости наблюдается на третьем курсе (5,6 балла). Однофакторный дисперсионный анализ показал, что различия между вторым и третьим курсами статистически значимы ($F(1,84) = 12,47$; $p < 0,01$). Этот скачок совпадает с началом активной командирской практики: курсант 3 курса назначается на должность командира отделения и начинает

реально управлять подчинёнными (курсантами младших курсов). В этой ситуации он вынужден быстро переключаться между ролями «подчинённого» (по отношению к командирам взвода, роты) и «начальника» (по отношению к своим подчинённым). Такая двойственность требует высокой ролевой гибкости и стимулирует её развитие [2].

На четвёртом и пятом курсах ролевая гибкость продолжает расти, достигая 6,9 балла к выпуску. Это означает, что старшекурсник способен эффективно реализовывать различные ролевые позиции в зависимости от ситуации, не испытывая при этом значительного внутриличностного дискомфорта. Высокая ролевая гибкость рассматривается как важная составляющая управленческой компетентности будущего офицера.

Анализ результатов «Шкалы локуса ролевого конфликта» (П.П. Горностай) [3] позволил увидеть, как именно меняется доминирующий тип локуса на разных этапах профессиональной подготовки (таблица 4).

Таблица 4 – Динамика локуса ролевого конфликта курсантов 1–5 курсов (в % от числа респондентов на курсе)

Тип локуса	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс
Экстернальный	45,8	38,1	27,3	19,5	15,4
Интернальный	20,8	26,2	31,8	29,3	28,2
Промежуточный	37,5	45,2	40,9	31,7	23,1

На первом курсе у большинства курсантов (64,6 %) явно преобладает экстернальный локус ролевого конфликта. Проще говоря, возникающие противоречия (скажем, между жёсткой воинской дисциплиной и привычками гражданской жизни) они склонны объяснять внешними причинами. Такой курсант ищет опору в чужих ожиданиях и правилах, не проявляя особой самостоятельности в разрешении ролевых конфликтов. Промежуточный тип встречается у 22,9 % первокурсников, а интернальный – только у 12,5 %.

Ко второму курсу доля экстернального локуса немного снижается (до 57,1 %), а интернального подрастает до 19,0 %. Но по настоящему заметные изменения происходят на третьем курсе: здесь доля экстер-

нального локуса падает уже до 38,6 %, а интернального поднимается до 31,8 %. К четвёртому курсу интернальный локус становится преобладающим (53,7 %), а на пятом доходит до 61,5 %. Это значит, что к старшим курсам большинство курсантов уже способны самостоятельно разрешать ролевые противоречия за счёт сформировавшейся ролевой Я-концепции. Они перестают чувствовать себя просто пассивными исполнителями внешних требований и начинают активно выстраивать собственную ролевую систему [3].

3. Динамика рефлексивности и её взаимосвязь с ролевыми характеристиками.

По опроснику рефлексивности А.В. Карпова [5] мы получили результаты, которые сведены в таблицу 5.

Таблица 5 – Динамика показателей рефлексивности курсантов 1-5 курсов (средний балл)

Показатель	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс
Общая рефлексивность	98,4	104,2	121,7	128,5	135,2
Ретроспективная рефлексивность	31,2	33,1	38,4	40,1	41,5
Актуальная рефлексивность	36,8	38,9	46,2	49,8	52,3
Перспективная рефлексивность	30,4	32,2	37,1	38,6	41,4

Из таблицы 5 видно, что рефлексивность курсантов постепенно растёт от курса к курсу. Самый сильный скачок общей рефлексивности приходится на промежуток между вторым и третьим курсами (со 104,2 до 121,7 балла; $F(1,84) = 15,83$; $p < 0,01$). Особенно выражена динамика по шкале актуальной рефлексивности – способности осознавать и анализировать происходящие события в настоящем (увеличение с 36,8 до 52,3 балла за период обучения). Ретроспективная и перспективная рефлексивность также повышаются, но менее резко.

Полученные данные позволяют утверждать, что третий курс является не только этапом повышения ролевой гибкости и смены локуса ролевого конфликта, но и периодом активного развития метакогнитивных способностей курсанта. Именно в этот пе-

риод он начинает более осознанно относиться к своему поведению, своим ролям и их последствиям, что создаёт основу для формирования зрелой ролевой идентичности.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи ролевых характеристик и рефлексивности был проведён корреляционный анализ (коэффициент Пирсона, r). Результаты представлены в таблице 6.

Выявлены положительные корреляции средней силы между общей рефлексивностью и ролевой гибкостью ($r = 0,48$; $p < 0,01$), а также между общей рефлексивностью и интернальным локусом ролевого конфликта ($r = 0,41$; $p < 0,05$). При этом актуальная рефлексивность оказалась ещё более тесно связана с ролевой гибкостью ($r = 0,52$; $p < 0,01$). А отрицательная

корреляция между рефлексивностью и экстернальным локусом ($r = -0,39$; $p < 0,05$) говорит о том, что курсанты с низкой рефлексивностью

чаще переключаются на разрешение ролевых противоречий на внешние обстоятельства.

Таблица 6 – Корреляционные связи между показателями ролевой гибкости, локуса ролевого конфликта и рефлексивности (r , $n=214$)

Показатель	Ролевая гибкость	Интернальный локус	Экстернальный локус
Общая рефлексивность	0,48**	0,41*	-0,39*
Актуальная рефлексивность	0,52**	0,38*	-0,35*

*Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Из этих корреляций можно сделать вывод: рефлексивность – это один из главных психологических механизмов, который помогает развивать ролевую гибкость и интернальный локус ролевого конфликта. Поэтому развитие рефлексивных способностей у курсантов (особенно актуальной и перспективной рефлексии) вполне может стать важной задачей психологической поддержки на всём протяжении профессиональной подготовки [5].

Наше исследование подтвердило исходную гипотезу: динамика ролевого поведения курсантов вузов Росгвардии в процессе обучения меняется не линейно. Полученные данные позволяют выделить три качественно разных этапа этого развития.

Первый этап (1-2 курсы) – этап ролевой адаптации.

Здесь курсант только осваивает военно-профессиональные роли. Приходится отказываться от прежних гражданских ролей или сильно их ограничивать. В ролевом репертуаре пока доминируют «студент», «сын», «друг» это говорит о том, что связь с доармейским опытом ещё очень сильна. В командных ролях чаще всего встречаются «исполнитель» и «коллективист». Ролевая гибкость низкая, и это понятно: на первых курсах поведение жёстко регламентировано нормативами. Локус ролевого конфликта в основном экстернальный: курсант видит в возникающих противоречиях результат внешних требований, с которыми сам справиться не может. Рефлексивность находится в пределах средних значений для этого возраста, но её пока не

хватает для осознанного управления своим ролевым поведением. Такая картина хорошо вписывается в данные Т.И. Кармазина [4] о том, что на начальном этапе обучения ведущей является учебная мотивация, а военно-профессиональная ещё только формируется.

Второй этап (3 курс) – этап ролевого кризиса и перелома.

Именно третий курс становится переломным в профессиональном становлении курсанта. Именно на этом этапе происходит реальное включение в управленческую деятельность (должность командира отделения). Ситуация двойного подчинения и одновременного руководства младшими создаёт мощное ролевое напряжение, которое выступает катализатором психологических изменений. Как показали наши данные, на третьем курсе наблюдается значительный скачок ролевой гибкости (с 3,8 до 5,6 балла), интернальный локус ролевого конфликта начинает преобладать над экстернальным, а общая рефлексивность возрастает на 17,5 балла. В ролевом репертуаре появляется и закрепляется роль «будущего командира» (34,1 %). В командных ролях возрастает доля «формирователя» и «председателя». Этот этап можно охарактеризовать как кризисный в позитивном смысле: преодоление кризиса ведёт к повышению ролевой компетентности. Сходные результаты были получены в исследовании С.Б. Перевозкина, Ю.М. Перевозкиной и В.Г. Федосова [7], которые отмечали, что усложнение учебных программ и повышение требований к подготовке командиров подразделений трансфор-

мируют ролевую структуру межличностного взаимодействия курсантов.

Третий этап (4-5 курсы) – этап ролевой интеграции. На старших курсах происходит окончательное становление устойчивого ролевого репертуара. Доминирующими становятся военно-профессиональные роли («курсант», «член воинского коллектива», «командир»), а гражданские роли (особенно «студент» и «сын») отходят на периферию. Ролевая гибкость к этому моменту достигает высоких значений (6,9 балла), то есть курсант уже легко переключается между разными ролевыми позициями в зависимости от служебной ситуации. Интернальный локус ролевого конфликта становится преобладающим (61,5 % на 5 курсе) – это значит, что выпускник вполне способен самостоятельно разрешать ролевые противоречия, опираясь на осознанную ролевую Я-концепцию. Рефлексивность продолжает расти и выходит на максимум. Наши данные по ролевой интеграции у старшекурсников хорошо совпадают с тем, что пишут М.И. Федоришин и Ю.М. Перевозкина [8]: у старшекурсников действительно складывается развитая метакогнитивная подсистема ментальных моделей взаимодействия, которая позволяет гибко подстраиваться под меняющиеся условия служебно-боевой деятельности.

Обращает на себя внимание выявленная взаимосвязь между рефлексивностью, ролевой гибкостью и интернальным локусом ролевого конфликта. Из этого следует практический вывод: рефлексивность вполне можно целенаправленно развивать как один из механизмов повышения ролевой компетентности курсантов. Например, программы психологического сопровождения с тренингами рефлексивных навыков (особенно актуальной рефлексии – анализа текущей ситуации) могут помочь курсантам легче и с меньшими потерями пройти кризисный этап на третьем курсе.

Если обобщить, динамика ролевого поведения курсантов – это естественный переход от позиции, которая определяется внеш-

ними факторами, к внутренне детерминированной позиции, от пассивного исполнения предписанных ролей к активному выстраиванию собственного ролевого репертуара. И главную роль в этом процессе играет развитие рефлексивности, особенно в момент кризисного перехода.

Заключение

Проведённое нами эмпирическое исследование (курсанты вузов войск национальной гвардии 1-5 курсы) позволяет выделить несколько основных выводов.

Ролевое поведение курсантов в процессе пятилетнего обучения претерпевает закономерные трансформации, которые проявляются в смене доминирующих социальных и командных ролей. На начальных курсах преобладают гражданские роли («студент», «сын») и пассивные командные роли («исполнитель», «коллективист»). К выпуску доминирующими становятся военно-профессиональные роли («курсант», «член воинского коллектива», «командир») и управленческие командные роли («формирователь», «председатель»).

Динамика ролевой гибкости и локуса ролевого конфликта имеет нелинейный характер. Ролевая гибкость возрастает с 3,2 балла на первом курсе до 6,9 балла на пятом, при этом наиболее значимый скачок происходит на третьем курсе. Доля курсантов с интернальным локусом ролевого конфликта увеличивается с 12,5 % на первом курсе до 61,5 % на пятом, тогда как доля экстернального локуса снижается с 64,6 % до 17,9 %.

Третий курс обучения выступает ключевым «кризисным» периодом, в котором происходит качественный переход в ролевом развитии курсантов. Именно на этом этапе, совпадающем с началом реальной командирской практики, наблюдаются статистически значимые изменения всех исследуемых показателей (ролевой гибкости, локуса ролевого конфликта, рефлексивности). Грамотное психологическое сопровождение этого этапа может способствовать более успешному формированию ролевой компетентности.

Развитие рефлексивности (особенно актуальной рефлексивности) является важным психологическим условием повышения ролевой гибкости и перехода к интернальному локусу ролевого конфликта. Выявленные корреляционные связи ($r = 0,48$ и $r = 0,41$ соответственно) подтверждают, что рефлексивные способности выступают механизмом, опосредующим успешность ролевого развития.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ психологического сопровождения профессиональной подготовки курсантов. Целесообразно акцентировать внимание на целе-

направленном развитии рефлексивных навыков (в том числе с помощью тренинговых технологий) на этапе перехода со второго на третий курс, а также при подготовке курсантов старших курсов к самостоятельной командирской деятельности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением влияния боевого опыта на ролевую структуру личности военнослужащих Росгвардии, а также с разработкой и апробацией тренинговых программ по формированию ролевой компетентности курсантов и оценкой их эффективности в лонгитюдных исследованиях.

Список источников

1. Белбин Р.М. Тест «Командные роли» / Р.М. Белбин. Текст: электронный // Психологические тесты онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://psycabi.net/testy/602-test-komandnye-rol-r-m-belbina> (дата обращения: 18.05.2026).
2. Горностай П.П. Личностные характеристики ролевого поведения / П.П. Горностай // Вісник Харківського державного університету. 1999. № 439. С. 18-22.
3. Горностай П.П. Шкала локуса ролевого конфликта / П.П. Горностай. Текст : электронный // StudFiles. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/9321132/page:6/> (дата обращения: 18.05.2026).
4. Кармазин Т.И. Социально-психологические особенности ролевого поведения курсантов вузов сухопутных войск в процессе обучения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Т.И. Кармазин. М., 2004. 240 с.
5. Карпов А.В. Опросник рефлексивности / А.В. Карпов. Текст: электронный // Psylab.info. [Электронный ресурс]. URL: https://psylab.info/Опросник_рефлексивности_Карпова (дата обращения: 18.05.2026).
6. Орлова А.В. Опросник «Мои социальные роли» / А.В. Орлова. Текст: электронный // StudFiles. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/8312474/page:3/> (дата обращения: 18.05.2026).
7. Перевозкин С.Б. Трансформации ролевой структуры межличностного взаимодействия курсантов / С.Б. Перевозкин, Ю.М. Перевозкина, В.Г. Федосов // Развитие человека в современном мире. 2018. № 2. С. 99-109.
8. Федоришин М.И. Особенности структурной организации метакогнитивной подсистемы ментальных моделей взаимодействия военнослужащих Росгвардии / М.И. Федоришин, Ю.М. Перевозкина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2025. Т. 14, вып. 1. С. 62-76. DOI: 10.18500/2304-9790-2025-14-1-62-76.

References

1. Belbin R.M. Test "Team Roles" / R.M. Belbin. Text: electronic // Psychological tests online. [Electronic resource]. URL: <https://psycabi.net/testy/602-test-komandnye-rol-r-m-belbina> (date of access: 18.05.2026).
2. Gornostay P.P. Personal characteristics of role behavior / P.P. Gornostay // Bulletin of Kharkiv State University. 1999. No. 439. P. 18-22.

3. Gornostay P.P. Role Conflict Locus Scale / P.P. Gornostay. Text: electronic // StudFiles. [Electronic resource]. URL: <https://studfile.net/preview/9321132/page:6/> (date of access: 18.05.2026).

4. Karmazin T.I. Social and psychological characteristics of role behavior of cadets of higher educational institutions of the ground forces during the training process: dissertation ... candidate of psychological sciences: 19.00.05 / T.I. Karmazin. M., 2004. 240 p.

5. Karpov A.V. Reflexivity Questionnaire / A.V. Karpov. Text: electronic // Psylab.info. [Electronic resource]. URL: https://psylab.info/Опросник_рефлексивности_Карпова (date of access: 18.05.2026).

6. Orlova A.V. Questionnaire "My Social Roles" / A.V. Orlova. Text: electronic // StudFiles. [Electronic resource]. URL: <https://studfile.net/preview/8312474/page:3/> (date of access: 18.05.2026).

7. Perevozkin S.B. Transformations of the role structure of interpersonal interaction of cadets / S.B. Perevozkin, Yu.M. Perevozkina, V.G. Fedosov // Human development in the modern world. 2018. No. 2. P. 99-109.

8. Fedorishin M.I. Features of the structural organization of the metacognitive subsystem of mental models of interaction of the Russian National Guard servicemen / M.I. Fedorishin, Yu.M. Perevozkina // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2025. Vol. 14, issue 1. P. 62-76. DOI: 10.18500/2304-9790-2025-14-1-62-76.

Информация об авторах

Третьяков Виталий Владимирович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Гудин Захар Сергеевич, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1).

Information about the authors

Vitaly V. Tretyakov, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Zakhar S. Gudin, Military order of Zhukov academy of the national guard troops of the Russian Federation (198206, St. Petersburg, Pilyutova st., 1).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 21.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 21.02.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 81'322.5

EDN: <https://elibrary.ru/QFMYCS>

ИНФОРМИРОВАНИЕ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Везнер Сергей Иванович

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

veznersergey@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается лингводидактический потенциал обзорного информирования, совершаемого курсантами-первокурсниками в вузе ВНГ РФ. Показано, что преподаватель может использовать обзорное информирование как средство медиалекта в образовательных целях. Показано, что в процессе обзорного информирования реализуются информативная, аналитическая, риторическая функции языковой личности будущего офицера ВНГ РФ. Лингводидактический потенциал связан с освоением лингвостилистических особенностей новостного текста, экспрессивно-оценочных средств, фразеологии медиалекта, различных функций медиатекста на базе коммуникативной функции языка.

Ключевые слова: информирование, новостной текст, публицистический стиль, оценочные средства, фразеология, лингводидактика, анализ речи.

Для цитирования: Везнер С.И. Информирование в аспекте лингводидактического потенциала // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 48-52.

PHILOLOGICAL SCIENCES

NEWS BRIEFINGS: LINGUODIDACTIC POTENTIAL

Sergey I. Vezner

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

veznersergey@mail.ru

Abstract. This article examines the linguodidactic potential of news briefings conducted by first-year cadets of the Russian National Guard Institute. It demonstrates that instructors can use news briefings as a medialect tool for educational purposes. It is shown that the process of news briefings realizes the informative, analytical, and rhetorical functions of the linguistic personality of future officers of the of the Russian National Guard. Realization of this linguodidactic potential is associated with the study of the linguostylistic features of news texts, expressive and evaluative means, medialect phraseology, and various functions of media texts based on the communicative function of language.

Keywords: informing, news text, journalistic style, evaluative tools, phraseology, linguodidactics, speech analysis.

For citation: Vezner S.I. News briefings: linguodidactic potential // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 48-52.

Введение

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, задачами формирования и развития у курсантов навыка анализа речи в рамках освоения содержания программы курса «Русский язык и культура речи» в военном вузе, с другой – возрастающим интересом современной лингвистики к языку информационных текстов, и шире – к масс-медийному дискурсу.

Данная работа является продолжением начатого нами ранее исследования языковой личности офицера войск национальной гвардии Российской Федерации на основе лингвокультурологического подхода, в рамках которого были выделены риторическая, педагогическая, юридическая, аналитическая, информативная, патриотическая и тактическая функции языковой личности [2]. Для данного исследования имеет значение информативная составляющая языковой личности офицера.

В военном вузе практикуется информирование. В частности, курсанты-первокурсники ежедневно выступают перед своим подразделением с кратким обзором последних событий мира, страны, региона, города, вуза.

Отметим, что информирование осуществляется без лингвистической рефлексии, без анализа речи, без чёткого осознания курсантами речевого инструментария, благодаря которому запускается механизм эффективной передачи содержания.

Однако, на наш взгляд, помимо других важных возможностей для развития (коммуникативных, воспитательных, когнитивных, риторических и др.), такое обзорное информирование имеет большой лингводидактический потенциал, который пока еще должным образом не задействован в образовательном процессе преподавателями.

Цель настоящего исследования – раскрыть часть лингводидактического потенциала информирования, которую можно реализовать преподавателю в процессе обучения по дисциплине «Русский язык и культура речи».

Обнаружение разноаспектного лингводидактического потенциала материалов, используемых для составления курсантами сводного текста информирования, возможно на основе достижений современной медиалингвистики.

Во-первых, в современных исследованиях в фокусе внимания учёных находится влияние языковых элементов медийных высказываний на восприятие: на то, как информация будет осваиваться аудиторией; а также разработка стратегий коммуникации в связи с успешным использованием тех или иных языковых средств в разных контекстах медиапространства [4].

Во-вторых, в поле исследовательского внимания в настоящее время находится проблема трансформации современных новостных текстов, которые, будучи по определению фактуальными, вместе с тем выражают субъективные авторские оценки и порождают индивидуальную интерпретацию описываемых событий, что реализуется прежде всего в средствах как явной оценочности [1], так и в средствах неявной, скрытой оценки, имеющей воздействующий потенциал и требующей извлечения её из имплицитного содержания при анализе [7].

В-третьих, лингвисты, специализирующиеся на изучении медиалекта, указывают на то, что богатым потенциалом воздействия обладают и такие элементы медиатекста (в том числе и новостного), как фразеологизмы, специфичные для медиалекта в современном его состоянии [5, с. 474].

В-четвёртых, новость может быть представлена в самых разных информационных жанрах, если нет противоречия с основным её качеством – новизной. При этом она интерпретируется как оперативное и актуальное для аудитории сообщение, которое передаётся по разным каналам массовой коммуникации, о новых фактах, событиях, явлениях, процессах, протекающих в природе или социуме. Примечательно, что выбор новостной информации обусловлен разно-

видностью журналистики, видом СМИ и приоритетами в конкретном обществе в конкретное время [3].

Иванова С.В. справедливо обосновывает статус новости как дискурсивного жанра. Этот подход позволяет полностью описать специфику этого типа медиапродукта, учитывая особенности содержания высказывания на уровне передачи «фактуальной (что, когда, где и с кем произошло) и концептуальной (каков социальный посыл данного события) информации, и его структурных характеристик, соотносящихся с различными форматами передачи информации» [3].

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что эффективным способом раскрытия лингводидактического потенциала информирования является лингводидактический комплекс, включающий теоретические сведения о новостном типе современного публицистического текста и практику анализа речи информатора.

Эмпирическое исследование проводилось на базе 1 курса Новосибирского военного ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Для достижения поставленной цели перед прослушиванием информирования курсанты должны были освоить теорию публицистического стиля речи и новостного дискурса в частности, познакомиться с примерами типов языковых средств, которые могут встретиться при анализе текстов информирования.

Методами исследования послужили коммуникативный анализ, анализ текста, лингводидактический анализ.

Процедура проведения исследования. На первом этапе анализировалась коммуникативная ситуация информирования, сложившаяся в подразделении курсантов. На втором этапе преподавателем выявлялся лингводидактический потенциал информирования. На третьем этапе курсантам предлагалось освоить лингвистическую теорию информирования и заполнить таблицу языковых средств при его восприятии.

Результаты исследования

В результате анализа коммуникативной ситуации с использованием информирования, сложившейся в подразделениях курсантов первого курса, было выявлено, что

- курсанты затруднялись назвать признаки публицистического стиля;
- не могли сформулировать чётко коммуникативную цель информирования;
- не могли определить роли участников коммуникации с использованием информирования.

На втором этапе преподавателем выявлялся лингводидактический потенциал информирования. Ключевым его содержанием являются:

- оценочные средства;
- устойчивые выражения.

Потенциал доводился до курсантов через примеры и комментарий к ним.

На третьем этапе курсантам предлагалось освоить лингвистическую теорию информирования и заполнить таблицу языковых средств при его восприятии.

В результате большинство курсантов подразделения:

- усвоили главные признаки публицистического стиля, общие особенности информационных текстов;
- сформулировали коммуникативную цель информирования;
- определили (или скорректировали определение) роль участников коммуникации с использованием информирования;
- стали учитывать оценочность текста и фиксировать оценочные средства;
- самостоятельно выявили устойчивые выражения;
- стали применять табличное оформление для быстрой фиксации специфических речевых средств при анализе информирования в процессе его восприятия.

Заключение

Проведённое нами исследование позволяет выделить несколько основных выводов.

Обзорное новостное информирование, готовящееся курсантами первого курса, имеет лингводидактический потенциал.

Преподаватель может использовать его в образовательных целях как носитель медиа-лекта. В процессе обзорного новостного информирования реализуются информативная, аналитическая, риторическая функции языковой личности будущего офицера ВНГ РФ. Развивается жанровая компетентность военнослужащего, активно осваивается репертуар публицистических типов текста. При регулярном использовании информирования появляются новые дискурсивные навыки.

В ходе его подготовки закрепляются речевые нормы, расширяется словарный запас, закрепляются различные нормы (орфоэпические, орфографические, пунктуационные и др.). Реализация лингводидактического потенциала связана также с освоением лингвостилистических особенностей новостного текста, экспрессивно-оценочных средств русского языка, фразеологии медиалекта, различных регистров публицистики на базе

коммуникативной функции языка. Кроме того, формируются ораторские навыки курсанта, что способствует развитию командирских качеств.

Перспективы дальнейшего исследования связаны: а) с расширением жанровой палитры лингводидактического потенциала информирования, использованием новостных заметок на политическую, военную, образовательную, спортивную и др. тематику; б) с выявлением роли лексики других стилей (научного, разговорного, художественного, официально-делового) в материалах информирования в) в систематизации устойчивых выражений новостных материалов по тематическим сферам; г) в развитии навыков анализа межжанрового взаимодействия новостных материалов информирования; д) в разработке коммуникативных ролей информатора и связанного с ними речевого поведения.

Список источников

1. Бичарова М.М. Трансформация новостного текста: от субъективной модальности к очевидной оценочности / М.М. Бичарова // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 1 (9). С. 6-21.
2. Везнер С.И., Померлян А.Н. Языковая личность офицера войск национальной гвардии Российской Федерации / С.И. Везнер, А.Н. Померлян // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 1 (6). С. 16-20.
3. Иванова С.В. Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура / С.В. Иванова // Terra Linguistica. 2022. Том 13, № 3. С. 7-14.
4. Крючков Н.Ю., Глебенко Л.Ю. Лингвостилистические особенности новостных текстов / Н.Ю. Крючков, Л.Ю. Глебенко // «Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема». 2023. № 4 (53). С. 128-133.
5. Пригарина Н.К., Попова М.А. Функциональный потенциал фразеологизмов в новостных медиатекстах / Н.К. Пригарина, М.А. Попова // Современное педагогическое образование. 2023. № 11. С. 474-477.
6. Стеценко Н.М. О соотношении понятий текст-медиатекст-медиадискурс / Н.М. Стеценко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Том 24 (63), № 4. Часть 2. С. 372-378.
7. Цыбикова Н.С. Прагматика оценочных имплицитов в электронном новостном тексте / Н.С. Цыбикова // Вестник Костромского государственного университета. 2007. № 3. С. 174-177.

References

1. Bicharova M.M. Transformation of a News Text: From Subjective Modality to Obvious Evaluation / M.M. Bicharova // Eurasian Philological Bulletin. 2025. Issue 1 (9). P. 6-21.
2. Vezner S.I., Pomerlyan A.N. The Linguistic Personality of an Officer in the National Guard of the Russian Federation / S.I. Vezner, A.N. Pomerlyan. // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2019. No. 1 (6). P. 16-20.
3. Ivanova S.V. News as a Discursive Genre: Not an Absent Structure / S.V. Ivanova // Terra Linguistica. 2022. Vol. 13, No. 3. P. 7-14.
4. Kryuchkov N.Yu., Glebenko L.Yu. Linguistic and Stylistic Features of News Texts. Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleichem". 2023. No. 4 (53). P. 128-133.
5. Prigarina N.K., Popova M.A. Functional potential of phraseological units in news media texts / N.K. Prigarina, M.A. Popova // Modern Pedagogical Education. 2023. No. 11. P. 474-477.
6. Stetsenko N.M. On the Relationship between the Concepts of Text, Mediatext, and Mediadiscourse / N.M. Stetsenko // Scientific Notes of Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Series "Philology. Social Communications". 2011. Vol. 24 (63), No. 4. Part 2. P. 372-378.
7. Tsybikova N.S. Pragmatics of Evaluative Implicatives in Electronic News Text / N.S. Tsybikova // Vestnik of Kostroma State University. 2007. No. 3. P. 174-177.

Информация об авторе

Везнер Сергей Иванович, кандидат филологических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Sergey I. Vezner, candidate of philological sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 811.1/.8

EDN: <https://elibrary.ru/RDKNCE>

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ

Девятяров Дмитрий Владимирович

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
dimad9@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности составления корпусов текстов с применением современных программ для обработки естественного языка. Данная лингвистическая проблема изучается в рамках такого направления, как корпусная лингвистика, находящегося на пересечении компьютерной и цифровой лингвистики. В рамках работы над составлением корпуса политических интернет-комментариев, посвященных кризисам легитимности власти, был собран массив из 8000 текстов на русском и английском языках, который был рассмотрен через призму основных принципов классификации корпусов текстов. Проанализирован терминологический аппарат корпусной лингвистики, связанный с аннотированием текстов (токены, токенизация, теггеры, конкордансы и др.). Отмечается, что на сегодняшний день естественный язык обрабатывается при помощи корпусных менеджеров, основанных на использовании статистических языковых моделей, и программного обеспечения, функционирующего на базе архитектуры современных нейросетей. К основным проблемам создания корпуса политических интернет-комментариев следует отнести процесс перехода российских научных организаций на операционные системы Linux и трудности предварительной обработки текстов комментариев, написанных обычными пользователями.

Ключевые слова: естественный язык, корпусная лингвистика, политические интернет-комментарии, корпусный менеджер, нейросеть.

Для цитирования: Девятяров Д.В. Современные системы обработки естественного языка как основа формирования корпуса политических интернет-комментариев // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 53-60.

MODERN NATURAL LANGUAGE PROCESSING SYSTEMS AS THE BASIS FOR BUILDING A CORPUS OF POLITICAL INTERNET COMMENTS

Dmitriy V. Devyatiyarov

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
dimad9@rambler.ru

Abstract. This article examines the specifics of compiling text corpora using modern natural language processing software. This linguistic problem is studied within the framework of corpus linguistics, a field situated at the intersection of computational and digital linguistics. As part of the work on compiling a corpus of political Internet comments devoted to legitimacy crises, a

collection of 8,000 texts in Russian and English was assembled and analyzed through the lens of the basic principles of text corpus classification. The terminological apparatus of corpus linguistics related to text annotation (tokens, tokenization, taggers, concordances, etc.) is analyzed. It is noted that today, natural language is processed using corpus managers based on statistical language models and software operating on the architecture of modern neural networks. The main challenges in creating a corpus of political online comments include the transition of Russian research organizations to Linux operating systems and the difficulties of preprocessing comment texts written by ordinary users.

Keywords: natural language, corpus linguistics, political Internet comments, corpus manager, neural network.

For citation: Devyatiyarov D.V. Modern natural language processing systems as the basis for building a corpus of political internet comments // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 53-60.

Нередко, для того чтобы доказать гипотезу своего исследования, лингвистам необходимо обращаться к крупным массивам языковых данных, анализ которых позволяет статистически выявлять закономерности в употреблении лексических единиц в контексте рассматриваемой ученым проблемы. Современные компьютерные технологии значительно облегчают работу с корпусами текстов, однако для получения желаемых результатов от исследователя требуется глубокое знание актуального инструментария цифровой обработки естественного языка. Данный инструментарий постоянно развивается, в том числе за счет стремительного внедрения в исследовательский процесс систем искусственного интеллекта.

В период с 2020 по 2025 гг. нами был аккумулирован крупный массив текстов интернет-комментариев, посвященных кризисам легитимности власти на Украине и в странах Ближнего Востока и Северной Африки [1]. Он содержал 8000 текстов и был проанализирован с применением программного обеспечения, входящего в пакет программ Microsoft Office (MS Word, MS Excel) и предлагающего в том числе ряд возможностей для статистической обработки данных. В результате проведенного анализа были выявлены некоторые важные особенности функционирования сетевых фреймовых структур в непрофессиональном политическом дискурсе (далее – НПД) кризисов легитимности власти. Под НПД мы понима-

ем «дискурс реагирования рядовыми гражданами на политические решения, события, происходящие в обществе в текущий момент; дискурс, возникающий в ситуациях бытового общения, в сфере межличностной коммуникации», разновидностью которого являются политические интернет-комментарии [2, с. 61].

Несмотря на то, что наше исследование сетевых фреймов в НПД кризисов легитимности власти имеет заверченный характер, мы полагаем, что собранный массив интернет-комментариев обладает потенциалом для создания полноценного корпуса текстов, отражающих обыденный взгляд интернет-пользователей на события, связанные с мировыми кризисами легитимности власти. Для его создания нам необходимо изучить текущее положение дел в области программного обеспечения, направленного на обработку естественного языка, и выбрать наиболее подходящие решения, которые будут способствовать качественному аннотированию и разметке разрабатываемого корпуса. Таким образом, **объектом** нашей работы являются современные цифровые технологии анализа и обработки естественного языка, а **предметом** – программные решения, подходящие для разработки корпуса текстов политических интернет-комментариев, посвященных кризисам легитимности власти. **Цель** настоящей статьи заключается в описании основных существующих на сегодняшний день компьютерных способов

обработки и анализа больших массивов текстов, а также выборе программ, подходящих для работы с корпусом политических интернет-комментариев.

Говоря о проблеме цифровой обработки языка, мы отмечаем, что она рассматривается учеными в контексте таких лингвистических направлений, как прикладная лингвистика, компьютерная лингвистика, цифровая лингвистика и корпусная лингвистика, которые, безусловно, являются смежными. Под прикладной лингвистикой понимают область языкознания, в рамках которой решаются задачи практического применения языка, такие как, например, преподавание и перевод [3]. В отечественном языкознании, однако, она часто подразумевает тесную связь с вычислительной техникой и выступает синонимом компьютерной лингвистики [4]. Следует также разграничить компьютерную и цифровую лингвистику, которые различаются по своим целям и задачам. Так, компьютерная лингвистика нацелена прежде всего на создание алгоритмов автоматической обработки естественного языка, в то время как цифровая лингвистика фокусируется на непосредственном использовании разработанных компьютерными лингвистами программ для анализа текстового материала [4]. Что касается корпусной лингвистики, то хрестоматийным является определение данного направления, предложенное В.П. Захаровым, которое гласит, что «корпусная лингвистика – это раздел компьютерной лингвистики, который занимается разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с применением компьютерных технологий» [5, с. 7]. Исходя из предложенных выше определений, мы делаем вывод, что корпусная лингвистика находится на пересечении компьютерной и цифровой лингвистики, поскольку в её интересы входит как разработка корпусных менеджеров (специальных программ для поиска и удобного отображения запрашиваемой исследователем в массиве корпуса информации [3, 4, 6, 7]), так и исследование языко-

вого материала с применением этих программ.

Понятием, лежащим в основании корпусной лингвистики, является *обработка естественного языка* (Natural Language Processing). Данное направление подразумевает автоматизированный анализ текста на синтаксическом, морфологическом и семантическом уровнях [3, 4, 6, 8]. Л.О. Микалlef отмечает, что обработка естественного языка применяется в том числе для анализа медиадискурса и позволяет создавать мультимодальные корпуса, то есть содержащие информацию в разных форматах (текст, аудио и видео) [8]. Поскольку планируемый нами корпус политических интернет-комментариев представляет собой очевидный пример интернет-дискурса, алгоритмы обработки естественного языка будут играть первостепенную роль в его создании.

Под корпусами текстов в широком смысле подразумеваются любые крупные массивы текстовых данных, объединенных на основании определенного исследовательского замысла или иного принципа (жанр, язык, автор и др.), анализируя которые, можно обнаружить некоторые новые закономерности в языке [3, 9, 10]. Однако данное явление имеет и более узкую трактовку, согласно которой на первый план выходит тот факт, что корпус должен храниться в электронном виде и пройти предварительную обработку, которая заключается в аннотировании, структурировании и унификации текстов [5, 11]. Благодаря этой обработке для исследователей упрощается работа по сбору необходимых метаданных.

Как мы отмечали выше, существует множество принципов, на основании которых составляются корпуса. Н.Г. Складорова провела масштабную работу по систематизации подходов к их классификации [4]. Мы стараемся выделить среди них наиболее релевантные для настоящей работы и определить четкое место, которое будет занимать корпус тестов политических интернет-комментариев в парадигме корпусного исследования языка. Так, по **форме хранения** кор-

пус комментарий является *письменным*. Согласно **принципу «литературности»**, он *разговорный*. С точки зрения **параллельности** он может быть как *двуязычным*, так и *многоязычным*. На данный момент собран материал на русском и английском языках, но в перспективе могут быть добавлены комментарии и на других языках. **По назначению** корпус будет *исследовательским*. Важным принципом в нашем случае является **способ существования**. С этой точки зрения корпус будет *динамическим*, что обусловлено самой природой продуцирования непрофессионального политического дискурса, который непрерывно развивается и изменяется параллельно с описываемыми им политическими событиями. Поскольку предполагается, что комментарии будут представлены в полном объеме, то **по принципу объема текстов** корпус будет *полнотекстовым*. Важным параметром современных корпусов текстов является наличие разметки. Таким образом, **по принципу индексации** корпус будет *аннотированным*. Что касается **характера разметки**, то предполагается, что она будет сочетать элементы *морфологической, синтаксической и семантической*.

В связи с тем, что корпусная лингвистика прошла уже достаточно длинный путь в своем развитии, в рамках данного направления сформировался устойчивый терминологический аппарат, непосредственно связанный с процессом аннотирования корпусов текстов. Он включает такие термины, как *токен* и *токенизация*, *лемма* и *лемматизация*, *эмбединг*, *тег* и *теггер*, *конкорданс*. Разметка корпусного текста подразумевает его представление в виде последовательности мелких фрагментов (токенов), чаще всего являющихся отдельными лексемами [3]. Однако отмечается, что токены могут представлять собой еще более мелкие единицы, такие как, например, отдельные морфемы [8]. Процесс разделения текста на токены называется *токенизацией*. Для того чтобы корпусные менеджеры и другие, в том числе нейросетевые программы, могли

адекватно обрабатывать большие массивы данных, каждому токену должно быть присвоено числовое значение. Этот процесс получил название *эмбединг*. Близким к токену понятием является *лемма*. Она также представляет собой лексему, но процесс *лемматизации* призван отождествить все словоформы в корпусе текстов, содержащие одну и ту же основу [3]. Удобство работы пользователя с корпусом текстов обеспечивают теггеры, программные решения, позволяющие присвоить каждому токену свой тег. Теггеры частей речи являются одним из самых распространенных вариантов разметки [3]. Аннотирование корпусных текстов может выходить далеко за рамки выделения отдельных лексем. Особое значение имеет их помещение в контекст. В этом случае мы имеем дело с *конкордансами*, которые представляют собой подборки контекстов употребления слов и фраз, служащие инструментом для анализа их семантики и синтаксических свойств [12]. Перечисленные термины не передают всей полноты существующего инструментария для аннотирования корпусов текстов, однако они позволяют получить общее представление о том, как осуществляется данный процесс.

Работа с корпусами текстов производится с помощью специально разработанных для этих нужд программ, которые называются корпусными менеджерами. В их задачи входит вычленение в корпусе текстов запрашиваемой лингвистом статистической информации. Чаще всего в результате подобного запроса корпусный менеджер предлагает исследователю набор интересующих его конкордансов, поэтому такие программы известны как конкордансеры [13]. Наиболее популярными корпусными менеджерами являются AntConc, WordSmith, Sketch Engine, MicroConcord и ряд других. Принцип их работы основан на использовании статистических языковых моделей, таких как *n-грамм* модели и *марковские цепи*, согласно которым предполагается, «что слово в каждой позиции зависит только от слов в *n-1* предыдущих», где *n* – это порядок слов

[14, с. 231]. Недостатком использования менеджеров, основанных на этих моделях, является отсутствие учета длинных контекстов при анализе объемных массивов текстов [3]. Однако активное развитие нейросетевых алгоритмов, происходившее в последние годы, становится очевидным решением данной проблемы. Передовыми сегодня считаются модели обработки естественного языка, основанные на архитектуре Transformer (GPT, BERT, T5). Особого внимания в контексте нашего исследования НПД заслуживает модель BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers). Данная модель использует контекстуальные эмбединги, позволяющие анализировать контекст слов вне зависимости от их положения в тексте [8, 15]. Она призвана анализировать тексты, извлекать из них и классифицировать релевантные фрагменты, а также выстраивать смысловые связи. В целом модели, функционирующие на архитектуре Transformer, способны выполнять ряд важных для нашего исследования задач, к которым относятся:

1. Распознавание именованных сущностей (Named Entity Recognition).
2. Разметка на основании частеречной принадлежности (Part-of-Speech Tagging).
3. Анализ тональности текста (Sentiment Analysis).
4. Анализ грамматической структуры предложения (Parsing) [8].

Нельзя, однако, обойти стороной тот факт, что во многих научных организациях и высших учебных заведениях, в том числе и в НВИ войск национальной гвардии, происходит планомерный переход на операционные системы линейки Linux, что может накладывать ряд ограничений на использование зарубежного программного обеспечения. В этой связи М.В. Каменским был проведен анализ совместимости популярного программного обеспечения для обработки естественного языка с операционной систе-

мой Linux [16]. Автор пришел к выводу, что существующее лингвистическое программное обеспечение демонстрирует высокую степень совместимости с указанной операционной системой. В частности, указываются программы, написанные на языке программирования Python, а также такие корпусные менеджеры, как GATE12 и LancsBox13.

На современном этапе развития технологий цифровой обработки естественного языка в распоряжении лингвистов находится широкий инструментарий, позволяющий адаптировать существующие программные решения для нужд конкретного исследования. Так, в зависимости от поставленных целей и задач, возможно комбинирование корпусных менеджеров, основанных на использовании статистических языковых моделей, и программного обеспечения на базе нейросетевых архитектур, таких как BERT. Поскольку планируемый корпус текстов основывается на образцах политических интернет-комментариев, возникает проблема плохого качества исходного материала. Она заключается в том, что большинство текстов не соответствует в полной мере принятым в русском и английском языках орфографическим и синтаксическим нормам. Из этого следует, что при составлении корпуса потребуется объемная предварительная обработка текстов, которая с большой долей вероятности потребует поиска программного нейросетевого решения. Другой важной проблемой является проблема импортозамещения при переходе на операционную систему Linux в государственных образовательных организациях. Проведенный анализ современного программного обеспечения для обработки естественного языка, а также обозначенные выше проблемные вопросы, закладывают фундамент для дальнейшей работы по составлению корпуса политических интернет-комментариев, повешенных мировым кризисам легитимности власти.

Список источников

1. Девятяров Д.В. Применение методики анализа динамики сетевых фреймов при изучении политических интернет-комментариев // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения: сборник научных статей по материалам международной научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Л.А. Араевой, Кемерово, 06-08 февраля 2025 года. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. С. 420-426.
2. Савельева И.В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования: дис. ... д-ра. филол. наук. Кемерово, 2022. 496 с.
3. Катермина В.В., Чернова И.В. Современные информационно-коммуникационные технологии в лингвистике и переводе: теория и практика: учебное пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. 278 с.
4. Складорова Н.Г. Введение в прикладную лингвистику. Информационные технологии в лингвистике. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2016. 86 с.
5. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: уч.-метод. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 2005. 48 с.
6. Красикова Е.А. Роль корпусного менеджера в анализе употребления имен собственных в текстах электронных СМИ (на примере англоязычного корпуса CNN) // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: Сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 45-49.
7. Романова С.А. Сферы применения корпусных менеджеров в российском и зарубежном научном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 6 (900). С. 105-112.
8. Микаллеф Л.О. Лингвистика нейросетей как парадигма современной науки о языке // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 467-468. DOI 10.24412/1991-5497-2025-1110-467-469.
9. Шадрина О.В., Маруневич О.В. Корпусный анализ репрезентации терминологии искусственного интеллекта в русском языке с использованием инструмента AntConc (на материале альманаха «Искусственный интеллект») // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 7. С. 133-160. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-7-133-160.
10. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: University of Oxford, 1991. 179 p.
11. Козлова Н.В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестник НГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 79-88.
12. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 312 p.
13. Сафонкина О.С., Иргизова К.В. Использование корпусной лингвистики в условиях цифрового образовательного пространства // Нижегородское образование. 2019. № 2. С. 112-117.
14. Прошина М.В. Эволюция языковых моделей // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 230-235. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-yazykovyh-modeley> (дата обращения: 14.03.2026).
15. Бобков И.А., Бурдина А.А., Нехрест-Бобкова А.А. Моделирование неопределенности при помощи нейронных сетей // Ars Administrandi. 2023. Т. 15, № 1. С. 45-59.
16. Каменский М.В. Цифровой инструментарий автоматизированной обработки текста и речи в условиях перехода на операционные системы семейства Linux // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 38-44.

References

1. Devyatiyarov D.V. Application of the methodology for analyzing the dynamics of network frames in the study of political Internet comments // Current issues in linguistics and literary studies: Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific conference in memory of Doctor of Philological Sciences, Professor L.A. Arayeva, Kemerovo, February 6-8, 2025. Kemerovo: Kemerovo State University, 2025. P. 420-426.
2. Savelyeva I.V. Non-professional political discourse as a new communicative phenomenon: lingua-pragmatic and lingua-personological aspects of modeling: dis. ... dr. of philol. sciences. Kemerovo, 2022. 496 p.
3. Katermina V.V., Chernova I.V. Modern information and communication technologies in linguistics and translation: theory and practice: a tutorial. Krasnodar: Kuban State University, 2025. 278 p.
4. Sklyarova N.G. Introduction to Applied Linguistics. Information Technologies in Linguistics. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2016. 86 p.
5. Zakharov V.P. Corpus linguistics: Teaching aid. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2005. 48 p.
6. Krasikova E.A. The Role of a Corpus Manager in the Analysis of the Use of Proper Nouns in Electronic Media Texts (using the English-language CNN Corpus as an Example) // Philological Sciences in the 21st Century: Relevance, Multipolarity, Development Prospects: Collection of Scientific Papers. Krasnodar: Kuban State University, 2024. P. 45-49.
7. Romanova S.A. Areas of application of corpus managers in the Russian and foreign scientific space. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 2025. No. 6 (900). P. 105-112.
8. Micallef L.O. Linguistics of neural networks as a paradigm of modern language science. World of science, culture, education, 2025, No. 1 (110), P. 467-468. DOI 10.24412/1991-5497-2025-1110-467-469.
9. Shadrina O.V., Marunovich O.V. Corpus analysis of the representation of artificial intelligence terminology in the Russian language using the AntConc tool (based on the almanac "Artificial Intelligence"). Scientific Dialogue, 2025. Vol. 14, No. 7. P. 133-160. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-7-133-160.
10. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: University of Oxford, 1991. 179 p.
11. Kozlova N.V. Linguistic corpora: definition of basic concepts and typology. Bulletin of NSU. Linguistics and intercultural communication, 2013. No. 1. P. 79-88.
12. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 312 p.
13. Safonkina O.S., Irgizova K.V. Use of corpus linguistics in the digital educational space. Nizhny Novgorod education, 2019. No. 2. P. 112-117.
14. Proshina M.V. Evolution of language models. Innovations and investments, 2023. No. 10. P. 230-235. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-yazykovyh-modeley>.
15. Bobkov I.A., Burdina A.A., Nekhrest-Bobkova A.A. Modeling uncertainty using neural networks. Ars Administrandi, 2023. Vol. 15, No. 1. P. 45-59.
16. Kamensky M.V. Digital tools for automated text and speech processing in the context of the transition to Linux operating systems. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 2025. Iss. 9 (903). P. 38-44.

Информация об авторе

Девятяров Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Dmitriy V. Devyatiyarov, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Kluch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Статья поступила в редакцию 31.03.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 31.03.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 811.111

EDN: <https://elibrary.ru/SHWGEO>

ОЦЕНКА ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Крюкова Елена Викторовна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия
kovalenko1971@mail.ru

Аннотация. На протяжении тысячелетий лидерство является важным элементом человеческих отношений. Хотя системное изучение данного понятия было начато еще в прошлом веке, однозначного толкования «лидерства» не разработано до сих пор. Терминологическая вариативность объясняется, прежде всего, обилием школ и направлений его исследования, поскольку лидерство затрагивает разные области социальных институтов: управление государством, военную сферу, религию, бизнес, культуру, СМИ и т.д. Наибольшее распространение в исследовании лидерства приобрели подходы, основанные на личностных качествах; поведенческие; ситуационные и психологические. В данной статье предлагается лингвистический анализ оценочных характеристик лидерских качеств современных политиков высшего эшелона власти, репрезентированных идиомой «lame duck» в англоязычных СМИ. Методология системного анализа оценочных средств направлена на выявление эксплицитных и имплицитных способов выражения оценочного значения. Языковые ресурсы оценочности могут быть представлены как отдельными лексемами, коллокациями, так и синтаксическими конструкциями, где оценочное значение распространяется с одной лексемы на целую конструкцию.

Ключевые слова: лидерство, политическое лидерство, лидер, оценка, оценочность, лидерские качества, политический портрет.

Для цитирования: Крюкова Е.В. Оценка лидерских качеств современных политиков в англоязычных СМИ: социально-психологические и лингвистические аспекты исследования // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 61-71.

ASSESSMENT OF THE LEADERSHIP QUALITIES OF CONTEMPORARY POLITICIANS IN THE ENGLISH MEDIA: SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF THE STUDY

Elena V. Kryukova

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia
kovalenko1971@mail.ru

Abstract. Leadership has been an essential element of human relationships for thousands of years. Although systems research of this concept was begun in the last century, an unambiguous definition of «leadership» has not been developed yet. The terminological variability is explained primarily by the abundance of schools of study and research directions since leadership affects

various areas of social institutions such as government, military sphere, religion, business, culture, media etc. Approaches to studying personal qualities of a leader are also quite common. The article focuses on a linguistic analysis of the evaluative characteristics of the leadership qualities of contemporary politicians at the highest echelons of power represented by the idiom «lame duck» in the English media. The methodology of systems analysis of evaluative means is aimed at identifying explicit and implicit ways of expressing evaluative meaning. Linguistic means of evaluation can be represented by lexemes, collocations and syntactic constructions where evaluative meaning extends from one lexeme to an entire construction.

Keywords: leadership, political leadership, leader, assessment, evaluation, leadership qualities, political portrait.

For citation: Kryukova E.V. Assessment of the leadership qualities of contemporary politicians in the english media: social, psychological and linguistic aspects of the study// Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 61-71.

Введение

В современной крайне нестабильной геополитической ситуации понятия «лидер» и «лидерство» выходят на первый план и приобретают новые смыслы. Потребность в энергичных, уверенных в себе, инициативных лидерах, умеющих повести за собой, обладающих ценностными ориентациями, аналитическими и политическими способностями, эмоциональным интеллектом, остро ощущается в текущей реальности. Конфликт на Украине продемонстрировал кризис лидерства в Европе и вскрыл несостоятельность политических лидеров Запада.

Актуальность исследования обусловлена значимостью понятия «лидерство» для реалий сегодняшнего дня, когда в условиях геополитических перемен лидерские качества политика влияют на стиль управления государством, принятие стратегических решений, выбор направления экономического развития страны и способов формирования благосостояния граждан. Данная проблема требует лингвистического осмысления и анализа способов выражения оценочного мнения в отношении лидерских качеств современных политиков, средств достижения целей и результатов лидерства в конкретной исторической ситуации с учетом определенных культурных контекстов.

Материалы и методы

Термин «leadership» появился в первой половине XIX века [1, 2, с. 7]. Теории лидерства формировались с позиций филосо-

фии и психологии, социологии и политологии, но несмотря на популярность тематики однозначного определения и согласованной структуры понятия пока не представлено.

В зарубежной психологии и социологии феномен лидерства исследуется в трех основных научных парадигмах: личностной, поведенческой и ситуационной [3, с. 162]. В рамках данных направлений определяется множество стилей лидерства: авторитарное, демократическое, директивное, трансформационное, транзакционное, партисипативное, харизматическое и т. д. [3, с. 162].

Теория изучения лидерства с позиции личностных качеств является самой распространенной и встречается еще в трудах античных философов. Так, Аристотель считал, что «практическая мудрость, благожелательность и добродетель» [4, с. 136] являются важными качествами достойного лидера.

С позиций современных зарубежных исследователей политический лидер рассматривается «как значимое лицо политического процесса, принимающее политические решения, осуществляющее публичную политическую деятельность, функции объединения и сплочения социальных сил, задающее направление деятельности государственным и/или общественным институтам, политическим движениям, влияющее на политическую ситуацию в стране» [5, с. 12].

Объектом исследования лингвистического направления являются языковые маркеры

лидерства [6], речевые и коммуникативные стратегии лидерства [7], особенности языковой личности политического лидера [8], ценностные аспекты концепта «лидерство» [9]. В сфере политической лингвистики рассматривается феномен профессиональной языковой личности в политической коммуникации [10].

В последние десятилетия в российской науке выделилось отдельное направление – лингвополитическая персонология. Особого внимания заслуживают исследования Н.Б. Руженцевой, Е.Н. Ивановой, Е.А. Нахимовой и М.В. Никифоровой [11].

Политический портрет в дискурсе печатных и электронных СМИ появился сравнительно недавно. Многообразие жанровых вариантов политического портрета позволяет показать профессиональные и личные качества лидеров прошлого и настоящего через восприятие людей, имеющих разные точки зрения. Оценка политического лидера может быть как индивидуальной, сделанной автором статьи, историком или его современником, так и коллективной, когда мнение о политике выражает группа исследователей, редакция или издание в целом. «Мнение же определяет выбор аксиологического модуса жанровой модификации политического портрета – позитивно-оценочного, негативно-оценочного или смешанного» [12, с. 85].

Лингвоперсонологический анализ позволяет выявить особенности личности политика, специфику его внешности, речемыслительные, аксиологические и другие характеристики.

Цель статьи состоит в лингвистическом анализе оценочных характеристик лидерских качеств современных политиков высшего эшелона власти, репрезентированных идиомой «lame duck» в англоязычных СМИ.

На начальном этапе исследования фактологический материал был отобран методом целенаправленной выборки из англоязычных СМИ. Впоследствии идентификация оценочности лексических единиц осуществлялась путем использования целого ряда

приемов и процедур лингвистического анализа, включающих дефиниционный анализ, прием семантического дефиниционного развертывания, тезаурусное тестирование, цепочечный анализ (субституцию) и контекстуальную интерпретацию.

Результаты исследования

Понятие «leadership» (лидерство) в английском языке трактуется как «the set of characteristics that make a good leader» [13] и имеет положительную семантику. Однако в оценках западных лидеров все чаще доминирует идиома «lame duck» – сленговое прозвище в американской политике, ставшее в реалиях сегодняшнего дня своего рода противопоставлением понятию «лидер».

В этой связи целесообразно проследить происхождение данной идиомы и выявить ее эксплицитный и имплицитный смысл в реалиях сегодняшнего дня.

К 1863 году в американском варианте английского языка сформировалось выражение «lame duck» с устойчивым значением «a public official who has lost an election or one who is not permitted by law to seek reelection for an additional term but is serving out a term» [14, с. 338].

В то время в британском варианте английского языка клише «lame duck» уже существовало в другом значении «someone who cannot meet the obligations» [15, с. 179]. По мнению Джеймса Роджерса, данное выражение пришло из раннего лондонского фондового сленга и связано с Лондонской биржей, которая располагалась в переулке Exchange Alley вплоть до 1773 года. Брокер, разоренный на бирже, был известен как «хромая утка», потому что он «ковылял из переулка». Данный топоним «Alley» нашел отражение в семантике идиомы «a stockbroker who had been cleaned out of the market was known as a lame duck because he “walked out of the Alley”» [14, с. 179].

Идиома «lame duck», плотно вошедшая в лексикон представителей англоязычного лингвокультурного сообщества, с течением времени метафоризировалась и приобрела целый ряд новых коннотаций.

Смысловое наполнение коллокации "lame duck" выявляется путем применения семантического дефиниционного анализа и может быть представлено следующим образом:

2. "lame duck"

- «someone who cannot meet the obligations» [15];

- «a politician or a government that has little real power e.g. the period of office is coming to the end» [16];

- «one that is weak or that falls behind in ability or achievement» [17];

- «an unsuccessful person, thing, or organization» [13];

- «not successful and need to be helpful a lot» [16] (с пометой *disapproval*).

Тезаурусное тестирование идиомы "lame duck" выявило несколько синонимов, входящих в ее семантическое поле, таких как: *crumbling power, holdover, incumbent, loser, weakling, powerless, ineffective* [18].

Рассмотрим употребление данной идиомы в англоязычных текстах СМИ, репрезентирующих современных политических лидеров, а именно: Д. Трампа, К. Стармера, Ф. Мерца, Э. Макрона и В. Зеленского.

(1) «*Sir Keir Starmer is facing fresh criticism of his leadership after Labour's humiliating loss to the Green Party in Gorton and Denton, where the party came third behind Reform. <...>And the embarrassing result came after Labour blocked hugely popular Greater Manchester mayor Andy Burnham from standing. <...>A spokesman for the Conservative Party, which came a distant fourth and lost its deposit, said: "Keir Starmer has killed the Labour Party. Starmer has shown he no longer commands the support of Labour voters and is now a **lame duck leader**"*» [19].

В самом начале данного смыслового фрагмента адресантом оценочного суждения является автор статьи. Поводом для критики лидерства К. Стармера послужило поражение лейбористской партии на дополнительных выборах в парламент страны. В оценке ситуации автор использует лексему «humiliating» (унизительный) в значении

«extremely destructive to one's self-respect or dignity» [17]. Недальновидная политика К. Стармера и боязнь конкуренции в лице Э. Бернхема привели к блокировке его кандидатуры от партии лейбористов. В этой связи результаты выборов характеризуются лексемой «embarrassing», которая в Оксфордском словаре трактуется через «humiliating» [18]. В последней части смыслового фрагмента субъектом оценки выступает представитель Консервативной партии Великобритании. Действия К. Стармера расцениваются как «политическое убийство партии». Оценочная образность достигается при метафорическом употреблении глагола «to kill», имплицитно пейоративную семантику. Потеряв поддержку избирателей спустя два года после назначения на должность, К. Стармер становится «хромой уткой». Ему придется бороться за свою должность, чтобы избежать отставки. Все вышесказанное свидетельствует о негативном характере оценки лидерства К. Стармера.

В нижеследующем примере оценка содержится уже в заголовке статьи (2) «*Trump's Authoritarian Envy: The Plight and Peril of a **Lame Duck***» [20]. Прагматический потенциал данного заголовка чрезвычайно велик. Через аллитерацию двух крайне негативных лексем «plight» со значением «an unpleasant condition, esp. a serious, sad, or difficult one» [13] и «peril» – «great danger, or something that is very dangerous» [13] автор указывает на бедственное положение и смертельную опасность, в которой оказалась «хромая утка» (Д. Трамп). Употребление устойчивой английской идиомы «the Plight and Peril» подчеркивает драматичность и сложность ситуации, сложившейся вокруг правления Д. Трампа. Рассмотрим фрагмент данной статьи:

(3) «*But now, well into his second and final term, which began on January 20, 2025, Trump's conquest envy is haunted by the political reality he sought to deny: he is a **lame duck**. The 22nd Amendment's clock is not just ticking; its alarm is ringing in the West Wing.*»

The decay of his authority is palpable. Congressional Republicans, their eyes fixed on a future beyond him, openly defy him on crucial national issues like immigration and budget policy and crucial personal issues like the Jeffrey Epstein documents» [20].

В данном фрагменте основанием для оценивания стала внутренняя политика Д. Трампа. Критикуя Д. Трампа, автор употребляет лексику «envy», с одной стороны, лексема не является оценочной, поскольку называет сложное человеческое чувство «зависть». Однако в данном смысловом контексте при помощи «conquest envy» (зависть к завоеваниям) выражена субъективная эмоциональная отрицательная оценка. Применяя цепочечный анализ семантики лексемы «envy», мы докажем ее оценочность через дефиницию прилагательного «painful», входящего в его семный состав. Envy – «painful or resentful awareness of an advantage enjoyed by another joined with a desire to possess the same advantage» [16].

Представим процедуру поиска следующим образом:

envy – painful (feeling)

↓

unpleasant [16]

↓

bad (feeling) [16].

Наличие компонента «unpleasant», синонима семантического примитива «bad», в значении лексемы свидетельствует о негативном характере оценки. Посредством «conquest envy» автор пытался показать восхищение Д. Трампа авторитарными режимами, возможностью править пожизненно, без оглядки на институты власти. Однако личностный и геополитический нарциссизм Д. Трампа, проявляющийся в его качествах бизнесмена, в сегодняшней политической реальности терпит неудачу. Так, автор оценивает Д. Трампа как «хромую утку» и указывает на то, что его пребывание у власти находится в очень уязвимой ситуации. Использование метафорической градации «the 22nd Amendment's clock is not just ticking; its alarm is ringing in the West Wing» (Часы

22-й поправки не просто тикают; в Западном крыле звенит сигнал тревоги) способствует яркому эмоциональному воздействию на читателя и указывает на невозможность Д. Трампа баллотироваться на следующие выборы. Негативная оценочность контекста подкрепляется использованием целого ряда средств выражения имплицитной оценки. Использование метафоры «the decay of his authority is palpable» свидетельствует об осязаемом падении авторитета президента. Негативная семантика заключена в лексеме «decay», которая описательно определяется как «damage, or a state that becomes gradually worse» [13]. При помощи аллюзии «the Jeffrey Epstein documents» автор делает отсылку к личным файлам Дж. Эпштейна, которые подрывают авторитет Д. Трампа и бросают тень на его моральный облик. В нижеследующем примере основанием для оценивания становятся последствия внешней политики Д. Трампа.

(4) «*The hawks will keep trying to manufacture crises. They succeeded with Trump because they found a president gullible and unstrategic enough to actually follow their advice. Now he's paying the political price. Until a few months ago, Republicans were seen as heavy favorites to retain control of the Senate. Thanks to the spike in gas prices and inflation the Iran war is doing nothing to solve, Democrats are rapidly gaining ground. It's suddenly plausible that they could control both chambers of Congress in a few months, at which point Trump will be a **lame-duck president** possibly facing his third impeachment trial» [21].*

Автор статьи журнала «The New York Magazine» считает, что подстрекатели войны «hawks» (ястребы) или «warmongers», как их называет автор в более широком контексте, способствуют разжиганию кризиса и манипулируют президентом в своих целях. Автор намеренно использует метафору в отношении влиятельных кругов США, имплицитно отрицательную оценку через лексику «hawks» без указания на представи-

телей какой-либо политической партии. Прилагательное «gullible» описательно определяется в Кембриджском словаре как «easily deceived or tricked, and too willing to believe everything that other people say» [13], «unstrategic», производная лексемы «nonstrategic» – «not used to provide military forces with an advantage» [13]. Обе лексемы «доверчивый» и «нестратегический» демонстрируют слабые стороны политического лидерства Д. Трампа. Однако оценка в этом случае выражена на грамматическом уровне при помощи целой синтаксической конструкции «gullible and unstrategic enough to actually follow their advice». Оценочное значение с лексических единиц «gullible» и «unstrategic» распространяется на всю конструкцию в целом, включая инфинитивный оборот [22, с. 96], то есть оценка выглядит следующим образом: «им удалось добиться успеха с Трампом, потому что они нашли президента, достаточно доверчивого и не обладающего стратегическим мышлением для того, чтобы действительно следовать их советам». Трамп относится к категории лидеров, принимающих сиюминутные решения, концентрируется на решении краткосрочных задач, пренебрегая долгосрочным планированием. Все вышесказанное отрицательно сказывается на развитии государства. Наличие метафоры «paying the political price» указывает на то, что поддержка подстрекателей войны обходится дорого Д. Трампу. Нефтяной кризис, растущие цены на бензин, инфляция и набирающая обороты демократическая партия способствуют превращению Д. Трампа в «хромую утку», которая может столкнуться с импичментом. Характер оценки лидерства Д. Трампа явно отрицательный.

(5) «*The "cardboard Maidan" that is currently taking place in major cities of Ukraine is not so much a protest as a proof of the absolute helplessness of the authorities. This was stated in his telegram channel by Verkhovna Rada deputy Alexander Dubinsky. Protests in support of NABU and SAP have exposed the complete confusion of the head of*

the Kiev regime, Vladimir Zelensky, turning him into a "lame duck," he notes» [23].

Депутат Верховной Рады А. Дубинский считает, что протесты в поддержку НАБУ и САП в крупных городах Украины являются доказательством беспомощности властей. В оценке ситуации автор иронично использует выражение «cardboard Maidan» (картонный Майдан). При помощи эпитета «cardboard» со значением «does not seem to be real or interesting» [13] имплицитно отрицательная оценка и подчеркивается сфабрикованность ситуации. Аллюзия «Maidan» дает отсылку к событиям 2013-2014 годов, которые не имеют ничего общего с реалиями сегодняшних дней. А. Дубинский указывает на полную растерянность главы киевского режима В. Зеленского и характеризует его как «хромую утку». В данном фрагменте имплицитно полна зависимость политика от западных кураторов и неспособность принимать взвешенные решения самостоятельно.

(6) «*Merz turned into a lame duck on the move: Germany's political system went haywire*» <...> *the country is returning to the era of the permanent crisis of the Weimar Republic*» [24].

Наличие сразу двух идиом «lame duck» и «go haywire» в одном заголовке указывает на его эмоционально-экспрессивный и оценочный характер. Так, идиома «go haywire» описательно определяется как «to stop working correctly» [13]. Значение идиомы «lame duck» имплицитно в контексте заголовка и выглядит следующим образом: «политическая система Германии вышла из-под контроля и Мерц «на всех скоростях» превращается в «хромую утку». Ироничное использование коллокации «on the move» в значении «advancing, progressing» [16] показывает, что Мерц неспособен справиться со сложившейся ситуацией и теряет доверие избирателей. Употребление аллюзии «Weimar Republic» в нижеследующем контексте дает отсылку к кризису Веймарской республики (1919-1933), связанному с серьезными экономическими проблемами, несостоятельностью

государственных институтов власти, массовой безработицей и обнищанием населения и т.д. Несмотря на то, что Ф. Мерц был избран канцлером Германии всего год назад, его популярность, согласно опросу, проведенному социологическим институтом INSA по заказу газеты «Bild», достигла исторического минимума и составила 28,9 баллов [25]. Таким образом, на данный момент Ф. Мерц является самым непопулярным политическим лидером ФРГ, неспособным вывести страну из политического кризиса и справиться с целым рядом экономических проблем.

(7) «*President Macron is a **lame duck** running out of options. France is facing a crisis of democracy not seen since Charles de Gaulle. The need for a strong head of state with a mandate has seldom been greater*» [26].

Объектом оценки в данном примере становится Э. Макрон. Основанием для оценивания стала его слабая, безынициативная политика. В данном контексте имеет место контекстуальная пейоративность. Прагматические смыслы отрицательной оценки содержатся в использовании стилистических выразительных средств. Газета «The Times» характеризует его как «хромую утку, у которой заканчиваются варианты» («a lame duck running out of options»). В данном случае имплицирована негативная оценка возможностей Э. Макрона найти достойную кандидатуру на пост премьер-министра. Отставка трех министров за один год привела к тяжелым политическим последствиям. Наличие аллюзии «Charles de Gaulle» и сравнение сегодняшнего политического положения во Франции с демократическим кризисом времен правления Ш. де Голля свидетельствует о тупиковой политической ситуации в стране. Использование в контексте антономасии «a strong head of state with a mandate» также указывает на личность Ш. де Голля, который в сложные для Франции времена предложил конституционную реформу, а в отсутствие поддержки избирателей добровольно покинул пост, доказав верность принципам демократии. Острая

необходимость в сильных инициативных лидерах ощущается сейчас как никогда раньше. Данный смысл эксплицирован в контексте компаративом «*greater*». Таким образом, Э. Макрон оценивается как хромая утка, ковыляющая к концу своего президентского срока, неспособная справиться с тремя основными задачами: решить кризис в правительстве, назначить премьер-министром представителя левых партий и самому уйти в отставку.

Заключение

Проведенное лингвистическое исследование оценки лидерских качеств современных политиков, репрезентированных в англоязычных СМИ, демонстрирует крайне негативную аксиологическую картину. При помощи языковых средств пейоративной оценки, выраженных на разных лингвистических уровнях, имплицирован непрофессионализм, беспомощность и неэффективность политических лидеров Европы и США. Идиома «lame duck», позаимствованная из американской политической традиции, стала сленговой номинацией и закрепилась за образом лидера, утратившего реальный вес ещё до формального истечения полномочий, как в случае с Ф. Мерцем, Э. Макроном и К. Стармером и Д. Трампом. Прагматический смысл, имплицированный в статьях англоязычных СМИ, выходит за рамки основного значения идиомы и используется для оценки любого главы государства, потерявшего авторитет, не пользующегося популярностью у избирателей, неспособного влиять на ситуацию в стране и принимать самостоятельные решения (Э. Макрон, В. Зеленский). Стилистические выразительные средства в контексте с идиомой «lame duck» характеризуют объекты исследования наиболее ярко в эмоционально-оценочном плане. Исследование показало важность персонализации политического лидерства и психологической связи между гражданами и политическими лидерами. В результате исследования мы выявили потребность в дальнейшем изучении данной проблемы, рассмотрении взаимодействия

личностных черт характера политика с состоянием лидера на объективную эффективность контекстными факторами и поведением, а также изучении влияния эмоционального

Список источников

1. Bass B.M. The Bass handbook of leadership: Theory, research, and managerial applications. New York: Free Press. 2009. 1516 p.
2. Stogdill R. Handbook of Leadership. A Survey of Theory and Research. New York: Free Press. 1981. 856 p.
3. Hamid H., Sarosh A., Yasuo H. Determinants of Leadership Style in Big Five // Personality Dimensions Universal Journal of Management 4 (4), 2016. P. 161-179. DOI: 10.13189/ujm.2016.040402.
4. Рындак В.Г., Дзугкоев С.Д. Ретроспективный анализ теорий лидерства // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2024. № 1. С. 131-157. DOI 10.25588/CSPU.2024.179.1.007.
5. Комлева В.В. Лидерство как фактор устойчивого развития общества. Российские и зарубежные исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Том 10, № 6. С. 12-22. DOI: 10.12737/16786.
6. Литвишко О.М., Гхашим М., Львова С.Н. Языковые маркеры лидерства в политическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 134-146. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-134-146.
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
8. Кричун Ю.А. Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2011. 172 с.
9. Трощенко Е.В. Ценностный концепт «лидерство» в современном американском общественно-политическом дискурсе // Языкознание. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnyy-kontsept-leadership-v-sovremennom-amerikanskom-obschestvenno-politicheskom-diskurse/viewer> (дата обращения: 12.04.2025).
10. Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Том 9, № 1. С. 14-31. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.
11. Лингвополитическая персонология: методология и коммуникативные портреты политических лидеров: монография / Н.Б. Руженцева, Е.Н. Иванова, Е.А. Нахимова, М.В. Никифорова; Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2021. 192 с.
12. Руженцева Н.Б. Жанровые модификации политического портрета в дискурсе СМИ / Н.Б. Руженцева, Н.Н. Кошкарлова, А.П. Чудинов // Язык и культура. 2021. № 53. С. 85-104. DOI: 10.17223/19996195/53/6.
13. Cambridge Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 12.05.2026).
14. Chapman R.L. with Kipfer B.N. Dictionary of American Slang. New York: HarperCollins Publishers. 1995. 617 p.
15. The Dictionary of Cliches. J. Roger (Ed.). New York: Ballantine Books. 1991. 369 p.
16. Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners. J Sinclair (Ed.). Glasgow: HarperCollins Publishers. 2001. 1824 p.
17. Langenscheidt's Pocket Merriam-Webster Dictionary. New York: Langenscheidt Publishers, Inc., 1999. 905 p.

18. The Pocket Oxford Dictionary and Thesaurus. F.R. Abate (Ed.). New York: Oxford University Press, Inc., 1997. 972 p.
19. Stone W. Keir Starmer branded a 'lame duck leader' after losing one of Labour's safest seats. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailystar.co.uk/news/latest-news/keir-starmer-branded-lame-duck-36793580> (дата обращения: 09.04.2026).
20. Kounalakis M. Trump's Authoritarian Envy: The Plight and Peril of a Lame Duck. [Электронный ресурс]. URL: <https://washingtonmonthly.com/2026/02/06/trumps-authoritarian-envy-the-plight-and-peril-of-a-lame-duck/> (дата обращения: 09.04.2026).
21. Barkan R. Iran Will Be Neoconservatism's Death Blow. [Электронный ресурс]. URL: <https://nymag.com/intelligencer/article/iran-war-trumpneoconservatives.html> (дата обращения: 09.04.2026).
22. Коваленко Е.В. Языковая актуализация пейоративной оценки (на материале английского языка): монография / Е.В. Коваленко. Новосибирск: Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева ВНГ РФ. 2017. 185 с.
23. Lame duck: Protests exposed Zelensky's complete confusion – МР. [Электронный ресурс]. URL: <https://easaily.com/en/news/2025/07/31/lame-duck-protests-exposed-zelenskys-complete-confusion-mp> (дата обращения: 09.04.2026).
24. Merz turned into a lame duck on the move: Germany's political system went haywire. [Электронный ресурс]. URL: <https://easaily.com/en/news/2025/05/07/merz-turned-into-a-lame-duck-on-the-move-germanys-political-system-went-haywire> (дата обращения: 09.04.2026).
25. Bild: Мерц впервые стал последним в рейтинге популярности политиков ФРГ URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27238539> (дата обращения: 12.05.2026).
26. President Macron is a lame duck running out of options. [Электронный ресурс]. URL: www.thetimes.com/world/europe/article/president-macron-is-a-lame-duck-running-out-of-options-7nqhgct90 (дата обращения: 07.10 2025).

References

1. Bass B.M. The Bass handbook of leadership: Theory, research, and managerial applications. New York: Free Press. 2009. 1516 p.
2. Stogdill R. Handbook of Leadership. A Survey of Theory and Research. New York: Free Press. 1981. 856 p.
3. Hamid H., Sarosh A., Yasuo H. Determinants of Leadership Style in Big Five // Personality Dimensions Universal Journal of Management. 4 (4). 2016. P.161-179. DOI: 10.13189/ujm.2016.040402.
4. Ryndak V.G., Dzugkoev S.D. Retrospective analysis of leadership theories. The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University. 2024. No. 1. P. 131-157. DOI 10.25588/CSPU.2024.179.1.007.
5. Komleva V.V. Leadership as a factor of sustainable development of society: Russian and foreign researches // Central Russian Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 10. No. 6. P. 12-22. DOI: 10.12737/16786.
6. Litvishko O.M., Ghashim M., Lvova S.N. Language Markers of Leadership in Political Discourse // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2021. No. 4. P. 134-146. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-134-146.
7. Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. M.: LKI Publishing House, 2008. 288 p.
8. Krichun Yu. A. Linguistic personality of a political figure: discursive characteristics: diss. ... Cand. Philological sciences: 10.02.19. Krasnodar, 2011. 172 p.

9. Troshhenkova E.V. Value concept of leadership in modern American sociopolitical discourse. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnyy-kontsept-leadership-v-sovremennom-amerikanskom-obschestvenno-politicheskom-diskurse/viewer> (date of access: 12.04.2026).
10. Chudinov A.P., Nakhimova E.A., Nikiforova M.V. Russian linguopolitical personology: political leaders discourse // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 2018. Vol. 9. No. 1. P. 14-31. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.
11. Linguopolitical personology: methodology and communicative portraits of political leaders: monograph / N.B. Ruzhentseva, E.N. Ivanova, E.A. Nakhimova, M.V. Nikiforova; Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg. 2021. 192 p.
12. Ruzhentseva N.B. Genre modifications of the political portrait in the media discourse / N.B. Ruzhentseva, N.N. Koshkarova, A.P. Chudinov // Language and Culture. 2021. No. 53. P. 85-104. DOI: 10.17223/19996195/53/6.
13. Cambridge Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 12.04.2026).
14. Chapman R.L. with Kipfer B.N. Dictionary of American Slang. New York: HarperCollins Publishers. 1995. 617 p.
15. The Dictionary of Cliches. J. Roger (Ed.). New York: Ballantine Books. 1991. 369 p.
16. Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners. J Sinclair (Ed.). Glasgow: HarperCollins Publishers. 2001. 1824 p.
17. Langenscheidt's Pocket Merriam-Webster Dictionary. New York: Langenscheidt Publishers, Inc., 1999. 905 p.
18. The Pocket Oxford Dictionary and Thesaurus. F.R. Abate (Ed.). New York: Oxford University Press, Inc., 1997. 972 p.
19. Stone W. Keir Starmer branded a 'lame duck leader' after losing one of Labour's safest seats. [Electronic resource]. URL: <https://www.dailystar.co.uk/news/latest-news/keir-starmer-branded-lame-duck-36793580> (date of access: 09.04.2026).
20. Kounalakis M. Trump's Authoritarian Envy: The Plight and Peril of a Lame Duck. [Electronic resource]. URL: <https://washingtonmonthly.com/2026/02/06/trumps-authoritarian-envy-the-plight-and-peril-of-a-lame-duck/> (date of access: 09.04.2026).
21. Barkan R. Iran Will Be Neoconservatism's Death Blow. [Electronic resource]. URL: <https://nymag.com/intelligencer/article/iran-war-trumpneoconservatives.html> (date of access: 09.04.2026).
22. Kovalenko E.V. Linguistic actualization of pejorative assessment (based on the English language): monograph / E.V. Kovalenko. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the Armed Forces of the Russian Federation, 2017. 185 p.
23. Lame duck: Protests exposed Zelensky's complete confusion – MP. [Electronic resource]. URL: <https://easaily.com/en/news/2025/07/31/lame-duck-protests-exposed-zelenskys-complete-confusion-mp> (date of access: 09.04.2026).
24. Merz turned into a lame duck on the move: Germany's political system went haywire. [Electronic resource]. URL: <https://easaily.com/en/news/2025/05/07/merz-turned-into-a-lame-duck-on-the-move-germanys-political-system-went-haywire> (date of access: 09.04.2026).
25. Bild: Merz became the last in the popularity rating of German politicians for the first time. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/27238539> (date of access: 12.05.2026).
26. President Macron is a lame duck running out of options. [Electronic resource]. URL: <https://thetimes.com/world/europe/article/president-macron-is-a-lame-duck-running-out-of-options-7nqhgc90> (date of access: 07.10.2025).

Информация об авторе

Крюкова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Elena V. Kryukova, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 20.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 378:811.581

EDN: <https://elibrary.ru/SWWDJG>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Кубарич Анастасия Михайловна¹

Ступкина Марина Владиславовна²

Лю Шо³

^{1, 2} Бийский филиал имени В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета, Бийск, Россия

³ Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

¹wei.laoshi@yandex.ru, ²malitaitai@mail.ru, ³sure1994@163.com

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения цифровых технологий в преподавании китайского языка на начальном этапе в русскоязычной аудитории. Актуальность исследования обусловлена методической сложностью начального этапа обучения, связанной с освоением тональной фонетики, иероглифической письменности, аналитической грамматики и формированием интеръязыка. Цель работы заключается в классификации цифровых инструментов, применимых в обучении китайскому языку, и в экспериментальной проверке эффективности их использования. Материалом исследования стали результаты двухлетнего педагогического эксперимента, проведённого на базе двух российских вузов с участием 160 студентов. В работе использовались методы тестирования, анкетирования, педагогического наблюдения и анализа устных и письменных работ обучающихся. В экспериментальных группах применялись Moodle, Яндекс Формы, Wordwall, Quizizz, Telegram, WeChat, PowerPoint, а также авторские видео- и аудиоматериалы преподавателя. Полученные результаты показали положительную динамику учебной успеваемости, фонетической точности, грамматической подготовки и мотивации студентов. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенной классификации и апробированной модели цифровой поддержки при разработке курсов китайского языка на начальном этапе.

Ключевые слова: китайский язык, цифровые технологии, начальный этап обучения, лингводидактика, фонетика, грамматика, учебная автономия, интеръязык, педагогический эксперимент.

Для цитирования: Кубарич А.М., Ступкина М.В., Лю Шо. Цифровые технологии в преподавании китайского языка на начальном этапе: классификация и результаты педагогического эксперимента // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 72-81.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN TEACHING CHINESE AT THE BEGINNER LEVEL: CLASSIFICATION AND RESULTS OF A PEDAGOGICAL EXPERIMENT

Anastasia M. Kubarich¹, Marina V. Stupkina², Liu Shuo³

^{1,2} Biysk Branch named after V.M. Shukshin of Altai State Pedagogical University, Biysk, Russia

³Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia

¹wei.laoshi@yandex.ru, ²malitaitai@mail.ru, ³sure1994@163.com

Abstract. The article examines the use of digital technologies in teaching Chinese at the beginner level in a Russian-speaking educational context. The relevance of the study is determined by the methodological complexity of the initial stage of learning Chinese, including tonal phonetics, Chinese character writing, analytic grammar, and interlanguage formation. The aim of the study is to classify digital tools applicable to Chinese language teaching and to experimentally evaluate their effectiveness. The research is based on the results of a two-year pedagogical experiment conducted at two Russian universities involving 160 students. The methods included testing, questionnaires, pedagogical observation, and analysis of students' oral and written tasks. The experimental groups used Moodle, Yandex Forms, Wordwall, Quizizz, Telegram, WeChat, PowerPoint, as well as teacher-created video and audio materials. The results showed positive dynamics in academic performance, phonetic accuracy, grammar acquisition, and student motivation. The practical significance of the study lies in the possibility of using the proposed classification and the tested model of digital support in developing beginner-level Chinese language courses.

Keywords: Chinese language, digital technologies, beginner level, language teaching methodology, phonetics, grammar, learner autonomy, interlanguage, pedagogical experiment.

For citation: Kubarich A.M., Stupkina M.V., Liu Shuo. Digital technologies in teaching chinese at the beginner level: classification and results of a pedagogical experiment // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 72-81.

Введение

На современном этапе развития лингводидактики преподавание китайского языка как иностранного приобретает особую значимость в системе высшего педагогического образования. Это обусловлено расширением академических, культурных и профессиональных контактов с Китаем, а также возрастающей потребностью в подготовке специалистов, способных осуществлять межкультурное взаимодействие в образовательной и профессиональной сферах. Вместе с тем начальный этап освоения китайского языка представляет собой сложную методическую задачу, поскольку обучающиеся сталкиваются с языковой системой, существенно отличающейся от русского языка по фонетическим, грамматическим и графическим параметрам.

Специфика китайского языка проявляется уже на первых этапах обучения. Студентам необходимо овладеть тональной системой, научиться воспринимать и воспроизводить звуки, не имеющие прямых аналогов в русском языке, усвоить аналитический характер грамматики, начать работу с иероглифической письменностью и одновременно преодолеть устойчивую зависимость от родного языка при построении высказывания. В этих условиях у обучающихся нередко формируется интерязык, то есть промежуточная система, в которой элементы родного и изучаемого языков взаимодействуют и могут становиться источником типичных ошибок. Данная проблема усиливается отсутствием естественной языковой среды: контакт с китайской речью чаще всего ограничивается аудиторной рабо-

той, учебными материалами и самостоятельной практикой, что делает особенно важной продуманную организацию языкового входа и регулярной тренировки.

В связи с этим цифровые технологии могут рассматриваться не как внешнее дополнение к традиционному занятию, а как значимый инструмент методической организации начального этапа обучения. Их дидактический потенциал связан с возможностью визуализировать сложный материал, обеспечивать многократное обращение к языковым образцам, индивидуализировать темп усвоения, расширять формы контроля и поддерживать более оперативную обратную связь между преподавателем и студентом. Такое понимание цифровых средств соотносится с идеей опосредованного обучения, представленной в трудах Л.С. Выготского: внешние знаковые и инструментальные средства помогают обучающемуся выполнять действия, которые первоначально затруднены без поддержки преподавателя или специально организованной образовательной среды [1, с. 286-289].

С позиции общей лингводидактики результативность обучения иностранному языку определяется не только содержанием учебного материала, но и способом его предъявления, последовательностью тренировки, характером контроля и степенью активности самого обучающегося [2]. В отношении китайского языка это положение приобретает особую значимость, поскольку на начальном этапе студенту необходимо одновременно осваивать новые фонетические, графические, лексические и грамматические механизмы. Цифровая среда в данном случае позволяет создавать дополнительные опоры: визуальные схемы, аудиомодели, интерактивные упражнения, автоматизированные формы контроля, каналы учебной коммуникации и материалы для самостоятельного повторения.

В современных исследованиях, посвящённых цифровизации преподавания китайского языка, подчёркивается, что эффективность электронных ресурсов определяет-

ся не самим фактом их включения в образовательный процесс, а степенью их методической обоснованности и функциональной встроенности в структуру занятия [3, с. 1129-1134]. Иначе говоря, цифровой инструмент становится педагогически значимым лишь тогда, когда он связан с конкретной учебной задачей: предъявлением нового материала, тренировкой навыка, контролем, обратной связью или организацией самостоятельной работы. При этом в научной литературе справедливо отмечается и необходимость методической осторожности: избыточное, случайное или нецеленаправленное использование цифровых платформ может приводить к фрагментарности учебного опыта, перегрузке обучающихся и снижению качества живого речевого взаимодействия [4, с. 131-136].

Существенным теоретическим основанием для анализа цифровых средств в обучении китайскому языку является также концепция понятного языкового входа С. Крашена. Согласно данной концепции, успешное усвоение иностранного языка происходит при регулярном восприятии материала, который немного превышает текущий уровень обучающегося, но остаётся доступным для понимания [5]. В преподавании китайского языка цифровые ресурсы позволяют создавать подобные условия за счёт сочетания аудиального, визуального и интерактивного каналов: студент получает возможность многократно прослушивать образец, сопоставлять устную и письменную форму, выполнять задания в индивидуальном темпе и возвращаться к материалу после получения обратной связи.

Китайская методическая традиция также акцентирует внимание на поэтапной организации обучения, системной тренировке языкового материала и включении обучающихся в разные виды речевой деятельности [6]. Особенно заметно это проявляется при обучении иероглифике, поскольку китайская письменность требует не только механического запоминания знаков, но и осмысленного восприятия их графической

структуры. Обзор исследований, посвящённых обучению китайским иероглифам, показывает, что успешность освоения письменности во многом зависит от сочетания визуальных опор, регулярной практики и структурного анализа знакового материала [7, р. 39-72].

В рамках настоящей статьи цифровые технологии рассматриваются как система методически организованных средств, направленных на поддержку начального этапа обучения китайскому языку. Особое внимание уделяется их функциональному распределению: одни инструменты обеспечивают подачу и структурирование материала, другие – тренировку и закрепление, третьи – контроль и обратную связь, четвёртые – самостоятельную работу и развитие учебной автономии. Такой подход позволяет перейти от общего утверждения о полезности цифровизации к анализу конкретных педагогических функций цифровых ресурсов в обучении китайскому языку.

Цель статьи состоит в классификации цифровых инструментов, применимых на начальном этапе преподавания китайского языка, и в экспериментальной проверке их влияния на учебные результаты, фонетическую точность, грамматическую подготовку, мотивацию и учебную автономию студентов. Гипотеза исследования заключается в том, что системное включение цифровых технологий в учебный процесс способствует повышению академической успеваемости, снижению количества фонетических и грамматических ошибок, а также укреплению мотивации и самостоятельности обучающихся.

Материалы и методы

Эмпирическая часть исследования проводилась в 2023-2025 гг. на базе двух образовательных площадок: Института Конфуция при Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н.А. Добролюбова и Бийского филиала имени В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета. Выбор данных площадок был обусловлен

тем, что обе организации имеют опыт преподавания китайского языка студентам с русским родным языком и позволяют сопоставить результаты обучения в близких по содержанию, но различающихся по организационным условиям образовательных средах. В исследовании приняли участие студенты, начинавшие изучение китайского языка с нулевого уровня. Общая выборка составила 160 человек.

Исследование было организовано как двухлетний педагогический эксперимент. В каждом вузе в течение двух учебных лет формировались две учебные группы по 20 человек: контрольная группа, в которой обучение строилось преимущественно на традиционных формах аудиторной работы, и экспериментальная группа, где та же программа реализовывалась с системным включением цифровых инструментов. В совокупности эксперимент охватил восемь групп: четыре контрольные и четыре экспериментальные. Такое распределение позволило сопоставить результаты не только по типу методики, но и по устойчивости выявленных тенденций в разные учебные годы.

Для обеспечения сопоставимости результатов все группы обучались по единой программе начального курса китайского языка. Учебный материал включал базовую фонетику, первичную лексику, элементарные грамматические конструкции, начальные навыки чтения и письма, а также задания на восприятие и воспроизведение устной речи. Объём аудиторных часов, тематическая последовательность, контрольные точки и итоговые формы оценки были унифицированы. Различие между контрольными и экспериментальными группами заключалось не в содержании обучения, а в способе организации учебной деятельности, характере предъявления материала, формах тренировки, контроля и обратной связи.

В контрольных группах преподавание осуществлялось с опорой на традиционные средства: учебник, печатные материалы, фронтальное объяснение преподавателя, письменные упражнения в тетрадях, устный

опрос и проверку домашних заданий в аудиторном или отсроченном формате. Данная модель позволяла сохранить привычную структуру занятия, однако ограничивала возможности индивидуализации темпа работы, многократного обращения к аудиоматериалам и оперативного контроля самостоятельной подготовки студентов.

В экспериментальных группах использовались цифровые инструменты, доступные обучающимся на момент проведения исследования и не требующие обхода ограничений доступа: Moodle, Яндекс Формы, Wordwall, Quizizz, Telegram, WeChat, PowerPoint, а также авторские видео- и аудиоматериалы преподавателя. Их включение в учебный процесс осуществлялось не как случайное дополнение к занятию, а как функционально распределённая система. Moodle применялся для размещения учебных материалов, инструкций, дополнительных заданий и результатов текущей работы. Яндекс Формы использовались для анкетирования, текущего контроля и сбора обратной связи. Wordwall и Quizizz обеспечивали интерактивное закрепление лексических, фонетических и грамматических единиц. Telegram и WeChat выступали каналами учебной коммуникации, передачи домашних заданий, отправки голосовых и письменных ответов, а также получения индивидуальных комментариев преподавателя. PowerPoint и авторские мультимедийные материалы использовались для визуализации фонетических, лексических и грамматических явлений.

С методической точки зрения цифровые ресурсы были распределены на несколько функциональных групп. К первой группе относились средства подачи и структурирования учебного материала: PowerPoint, Moodle и авторские видеофрагменты. Они позволяли представить новый материал последовательно, визуально выделить ключевые элементы, сопроводить объяснение аудиомоделью и обеспечить студентам возможность повторного обращения к содержанию занятия. Ко второй группе относи-

лись средства тренировки и закрепления: Wordwall и Quizizz. Их использование было направлено на многократное выполнение заданий в вариативной форме, что особенно важно при автоматизации начальных грамматических моделей и лексических единиц. Третью группу составляли инструменты контроля и обратной связи: Яндекс Формы, Moodle-тесты, Telegram и WeChat. Эти средства обеспечивали более оперативную проверку, фиксацию результатов и индивидуализацию комментариев преподавателя. Четвёртая группа была связана с фонетической практикой и включала авторские аудиоматериалы, записи преподавателя, образцы произношения и задания на запись голоса с последующим анализом ошибок.

Подобная классификация цифровых инструментов опиралась на представление о цифровой среде как о совокупности дидактически организованных ресурсов, каждый из которых должен быть связан с определённой педагогической задачей. Данный подход согласуется с современными исследованиями цифровых ресурсов для обучения китайскому языку, в которых подчёркивается необходимость не простого накопления электронных средств, а их методической систематизации и осмысленного включения в структуру курса [8, р. 53-78]. Кроме того, при организации экспериментального обучения учитывался мультимодальный характер цифровой дидактики: учебный материал предъявлялся через сочетание визуального, аудиального, текстового и интерактивного каналов, что, по данным современных исследований, повышает доступность содержания и способствует более устойчивому усвоению иностранного языка [9].

Для оценки эффективности цифровых стратегий использовался комплекс количественных и качественных методов. Количественный блок включал итоговое тестирование, проверку грамматических заданий, фонетическую диагностику и анкетирование студентов. Итоговое тестирование проводилось по единым заданиям для контрольных и экспериментальных групп и включало

разделы, направленные на проверку лексико-грамматического материала, аудирования, чтения и элементарного письменного высказывания. Грамматический блок оценивал умение использовать базовые синтаксические модели, служебные слова, порядок слов и элементарные коммуникативные конструкции. Фонетическая диагностика осуществлялась на основе аудиозаписей студентов и включала экспертную оценку точности тонов, произнесения трудных для русскоязычных обучающихся звуков, а также общей интонационной корректности.

Качественный блок исследования включал педагогическое наблюдение, анализ устных и письменных домашних заданий, а также обработку открытых ответов студентов в анкетах. При наблюдении фиксировались речевая активность, готовность студентов к самостоятельной работе, частота обращения к цифровым материалам, участие в заданиях вне аудитории и характер взаимодействия с преподавателем в цифровой среде. Анализ письменных и устных работ позволял выявить повторяющиеся ошибки, степень их устойчивости и динамику коррекции после получения обратной связи. Анкетирование использовалось для оценки субъективного восприятия цифрового формата, уровня мотивации, тревожности, удовлетворённости учебным процессом и готовности студентов использовать цифровые ресурсы самостоятельно.

Обработка полученных данных осуществлялась с использованием процентного распределения, сопоставления средних показателей и качественного анализа наблюдаемых изменений. Такой комплекс методов позволил рассмотреть влияние цифровых технологий не только на формальные учебные результаты, но и на характер учебной активности, мотивационную сферу и степень сформированности самостоятельных стратегий работы с китайским языком.

Результаты исследования

Результаты проведённого педагогического эксперимента показали, что системное включение цифровых инструментов в обу-

чение китайскому языку на начальном этапе оказывает положительное влияние как на учебные показатели, так и на характер познавательной активности студентов. Сопоставление данных контрольных и экспериментальных групп позволило выявить различия по нескольким параметрам: общей успеваемости, уровню грамматической подготовленности, фонетической точности, мотивации и степени учебной автономии.

Прежде всего, заметная динамика была зафиксирована в итоговых результатах обучения. Средний показатель выполнения итогового тестирования в контрольных группах составил 76 %, тогда как в экспериментальных группах он достиг 88 %. Данный разрыв позволяет предположить, что цифровая поддержка способствовала более устойчивому закреплению учебного материала. Особенно отчётливо это проявилось в тех заданиях, где требовалось не только воспроизвести отдельную языковую единицу, но и применить её в учебно-речевой ситуации. Студенты экспериментальных групп чаще демонстрировали готовность переносить изученный материал в новые контексты, что свидетельствует о более осознанном характере усвоения.

Наиболее выраженные различия были выявлены в грамматическом блоке. В заданиях на употребление базовых грамматических конструкций студенты экспериментальных групп дали 91 % правильных ответов, тогда как в контрольных группах данный показатель составил 72 %. Такое соотношение представляется закономерным, поскольку в цифровой модели грамматический материал предъявлялся не только в виде правила, но и через визуальные схемы, цветовое выделение компонентов предложения, интерактивные задания и многократное возвращение к одной и той же модели в разных контекстах. В результате, грамматическая структура постепенно воспринималась студентами не как отвлечённая формула, а как воспроизводимая речевая модель.

Значимые изменения были отмечены и в области фонетической подготовки. Количе-

ство ошибок, связанных с тонами, интонацией и произнесением трудных для русскоязычных обучающихся звуков, в экспериментальных группах оказалось ниже на 43 % по сравнению с контрольными. Можно предположить, что данный результат связан с расширением объёма индивидуальной фонетической практики. В традиционном формате работа над произношением часто ограничивается аудиторным временем и фронтальной коррекцией, тогда как в экспериментальных группах студенты получали возможность неоднократно прослушивать авторские аудиоматериалы, записывать собственные ответы в Telegram или WeChat, возвращаться к комментариям преподавателя и повторно выполнять задание после исправления ошибок. Это делало фонетическую работу более регулярной, индивидуализированной и менее зависимой от ограничений аудиторного занятия.

Отдельного внимания заслуживают результаты анкетирования, направленного на выявление мотивационного отношения студентов к обучению. В экспериментальных группах 89 % обучающихся отметили, что использование цифровых инструментов облегчило восприятие материала, сделало процесс обучения более интересным и снизило тревожность при выполнении заданий. В контрольных группах аналогичный показатель составил 62 %. В открытых ответах студенты экспериментальных групп чаще указывали на удобство повторного доступа к материалам, возможность самостоятельно распределять время работы, наглядность объяснений и оперативность обратной связи. Подобные данные позволяют говорить о том, что цифровая среда оказала влияние не только на предметные результаты, но и на субъективное восприятие учебного процесса.

Качественный анализ письменных и устных заданий также подтвердил различия между контрольными и экспериментальными группами. В работах студентов экспериментальных групп наблюдалось меньше повторяющихся грамматических ошибок, бо-

лее точное использование изученных конструкций и более высокая готовность к самокоррекции. В устных заданиях обучающиеся чаще возвращались к исправлению тональных и интонационных ошибок после получения комментария преподавателя. В контрольных группах подобная практика встречалась реже, поскольку обратная связь чаще была отсроченной и в большей степени зависела от времени аудиторного занятия. Отдельно следует отметить роль интерактивных заданий с элементами геймификации, реализованных в Wordwall и Quizizz. Их использование оказалось продуктивным прежде всего при закреплении лексического и иероглифического материала: студенты получали мгновенный результат, могли повторно пройти задание и соотнести допущенную ошибку с правильным вариантом. Это усиливало не только тренировочный, но и мотивационный эффект цифровой среды. Данное наблюдение соотносится с результатами исследования С. Chen, N. Jamiat и Y. Мао, в котором показано положительное влияние геймифицированных интерактивных электронных материалов на учебные достижения и мотивацию обучающихся при изучении китайских иероглифов [10].

Существенным результатом стало и развитие учебной автономии. Студенты экспериментальных групп активнее обращались к дополнительным материалам, чаще выполняли задания вне аудитории, задавали уточняющие вопросы в цифровых каналах коммуникации и проявляли большую регулярность в самостоятельной работе. Moodle в данном случае выполнял функцию организующего пространства, где студент мог видеть последовательность тем, материалы и задания; Яндекс Формы и Moodle-тесты позволяли отслеживать результаты промежуточного контроля; Telegram и WeChat обеспечивали возможность более частого взаимодействия с преподавателем; Wordwall и Quizizz поддерживали тренировку материала в интерактивном формате. Такое распределение цифровых функций способствовало формированию у обучаю-

щихся более устойчивого представления о собственном учебном маршруте.

Полученные данные позволяют уточнить, что эффективность цифровых технологий проявляется не в простом добавлении электронных сервисов к традиционному занятию, а в их функциональной встроенности в учебный процесс. Наибольший педагогический эффект наблюдался в тех случаях, когда цифровой инструмент был связан с конкретной задачей: визуализацией трудного материала, тренировкой навыка, контролем усвоения, организацией обратной связи или поддержкой самостоятельной работы. Именно такая методическая распределённость позволила избежать хаотичного использования цифровых средств и превратить их в элемент целостной дидактической системы.

В целом результаты эксперимента подтверждают исходную гипотезу о том, что цифровые технологии, применяемые системно и педагогически обоснованно, способствуют повышению результативности начального этапа обучения китайскому языку. Они расширяют возможности предъявления и закрепления материала, делают контроль более оперативным, усиливают фонетическую практику и создают условия для формирования учебной автономии. При этом полученные данные не позволяют рассматривать цифровую среду как замену преподавателю: напротив, её эффективность зависит от методической точности, качества заданий, регулярности обратной связи и способности преподавателя соотнести цифровой инструмент с конкретной учебной целью.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить педагогический потенциал цифровых технологий в обучении китайскому языку на начальном этапе и уточнить условия их результативного применения в русскоязычной аудитории. Полученные данные показывают, что цифровые инструменты оказываются наиболее эффективными тогда, когда они включены в учебный процесс

не фрагментарно, а как функционально организованная система, связанная с конкретными дидактическими задачами: предъявлением материала, тренировкой, контролем, обратной связью и поддержкой самостоятельной работы студентов.

Сопоставление результатов контрольных и экспериментальных групп подтвердило положительное влияние цифровой дидактической среды на основные компоненты начальной языковой подготовки. В экспериментальных группах были зафиксированы более высокие показатели итогового тестирования, более уверенное употребление базовых грамматических конструкций, снижение количества фонетических ошибок, а также рост учебной мотивации. Особенно значимым представляется то, что цифровые технологии способствовали не только улучшению формальных учебных результатов, но и изменению характера учебной активности студентов: обучающиеся чаще обращались к дополнительным материалам, активнее использовали каналы обратной связи и проявляли большую готовность к самостоятельной коррекции ошибок.

Научная новизна исследования заключается в обосновании функциональной классификации цифровых инструментов, применимых при обучении китайскому языку на начальном этапе, а также в экспериментальной проверке их эффективности в условиях двух российских образовательных площадок. Предложенная модель показывает, что цифровые ресурсы целесообразно рассматривать не как единый недифференцированный набор платформ, а как систему средств с различными педагогическими функциями: организационной, тренировочной, контрольной, коммуникативной и мотивационной. Такой подход позволяет более осознанно проектировать цифровую образовательную среду и избегать формального использования технологий.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов при разработке рабочих программ, электронных курсов, систем текуще-

го контроля и методических рекомендаций по преподаванию китайского языка на начальном этапе. Представленная модель может быть адаптирована к разным образовательным условиям, поскольку она опирается не на уникальные свойства отдельных платформ, а на их дидактические функции. Это особенно важно в условиях изменяющейся цифровой среды, когда доступность конкретных сервисов может меняться, тогда как педагогические задачи обучения остаются устойчивыми.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным изучением влияния отдельных цифровых инструментов на разные компоненты языковой компетенции: фонетическую, грамматическую, лексическую, иероглифическую и коммуникативную. Кроме того, представляет интерес сопоставление эффективности цифровых стратегий на разных этапах обучения – начальном, среднем и продвинутом, а также анализ психологических факторов, влияющих на успешность работы студентов в цифровой образовательной среде.

Список источников

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Педагогика, 1982. 352 с.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. М.: Академия, 2006. 336 с.
3. Жамбалова Э.Ч. Цифровые технологии в преподавании китайского языка в школе: от аудиторного занятия к сетевому образовательному событию // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, № 10. С. 1129-1134.
4. Лу Канди. Цифровизация преподавания китайского языка в школьной среде: между возможностями и рисками // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31, № 4. С. 131-136. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-4-131-136>.
5. Krashen S.D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Oxford: Pergamon Press, 1982. 202 p.
6. Liu Xun. Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2000. 422 p.
7. Li M. A systematic review of the research on Chinese character teaching and learning // Frontiers of Education in China. 2020. Vol. 15, No. 1. P. 39-72. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11516-020-0003-y>.
8. Rovira-Esteva S., Vargas-Urpí M., Casas-Tost H., Paoliello A. e-Chinese Tools: The Pan Gu of Digital Resources for Teaching and Learning Chinese as a Foreign Language // Sinología Hispánica. China Studies Review. 2024. Vol. 14, No. 1. P. 53-78. DOI: <https://doi.org/10.18002/sin.v14i1.7379>.
9. Han J., Liu Q., Sun R. A multimodal approach to teaching Chinese as a foreign language (CFL) in the digital world // International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching. 2023. Vol. 13, No. 1. Article 322026.
10. Chen C., Jamiat N., Mao Y. The study on the effects of gamified interactive e-books on students' learning achievements and motivation in a Chinese character learning flipped classroom // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Article 1236297. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1236297>.

References

1. Vygotsky L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. M.: Pedagogika, 1982, 352 p.
2. Galskova N.D., Gez N.I. Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: lingvodidaktika i metodika [Theory of foreign language teaching: linguodidactics and methodology]. M.: Akademiya, 2006. 336 p.

3. Zhambalova E.Ch. Digital technologies in teaching Chinese at school: from classroom lesson to network educational event // *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*, 2025. Vol. 10, No. 10. P. 1129-1134.

4. Lu Kandi. Digitalization of Chinese language teaching in school environment: between opportunities and risks // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2025. Vol. 31, No. 4. P. 131-136. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2025-31-4-131-136>.

5. Krashen S.D. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Oxford: Pergamon Press, 1982. 202 p.

6. Liu Xun. *Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language*. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2000. 422 p.

7. Li M. A systematic review of the research on Chinese character teaching and learning // *Frontiers of Education in China*, 2020. Vol. 15, No. 1. P. 39-72. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11516-020-0003-y>.

8. Rovira-Esteva S., Vargas-Urpí M., Casas-Tost H., Paoliello A. e-Chinese Tools: The Pan Gu of Digital Resources for Teaching and Learning Chinese as a Foreign Language // *Sinología Hispánica. China Studies Review*, 2024. Vol. 14, No. 1. P. 53-78. DOI: <https://doi.org/10.18002/sin.v14i1.7379>.

9. Han J., Liu Q., Sun R. A multimodal approach to teaching Chinese as a foreign language (CFL) in the digital world // *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*, 2023/ Vol. 13, No. 1. Article 322026.

10. Chen C., Jamiat N., Mao Y. The study on the effects of gamified interactive e-books on students' learning achievements and motivation in a Chinese character learning flipped classroom // *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14. Article 1236297. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1236297>.

Информация об авторах

Кубарич Анастасия Михайловна, кандидат филологических наук, Бийский филиал имени В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета (659333, Алтайский край, Бийск, ул. Короленко, 53).

Ступкина Марина Владиславовна, Бийский филиал имени В.М. Шукшина Алтайского государственного педагогического университета (659333, Алтайский край, Бийск, ул. Короленко, 53).

Лю Шо, Институт Конфуция Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова (603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31А).

Information about the authors

Anastasia M. Kubarich, candidate of philological sciences, Biysk Branch named after V.M. Shukshin of Altai State Pedagogical University (659333, Altai Krai, Biysk, Korolenko st., 53).

Marina V. Stupkina, Biysk Branch named after V.M. Shukshin of Altai State Pedagogical University (659333, Altai Krai, Biysk, Korolenko st., 53).

Liu Shuo, Confucius Institute of Linguistics University of Nizhny Novgorod named after N.A. Dobrolyubov (603155, Nizhny Novgorod, Minina st. 31A).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 81'42

EDN: <https://elibrary.ru/TKSPYM>

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ САКРАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ МЕЧЕТИ АЙЯ-СОФИЯ (HAGIA SOPHIA) В ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТУРИСТОВ

Онал Инна Олеговна¹

Горбунова Юлия Александровна²

^{1,2}Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹inna762006@gmail.com, ²jugorbunowa@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты когнитивно-дискурсивного исследования сакральной составляющей образа объекта культурного наследия в немецкоязычном туристическом публичном интернет-дискурсе о посещении мечети Айя-София (Турция). Предмет исследования – языковая репрезентация сакральной ценности объекта всемирного культурного наследия Айя-София в немецкоязычных интернет-отзывах туристов. Цель исследования заключается в выявлении универсальных и национально-специфичных когнитивных признаков в отношении познания одного из фрагментов окружающей действительности – объекта культурного наследия, который также представляет собой исторический и религиозный объект. Материалом исследования являются интернет-отзывы с сайта *Tripadvisor.com*, являющемся одной из ведущих международных платформ по поиску и бронированию путешествий по всему миру.

Ключевые слова: концептуализация, объект культурного наследия, интернет-отзыв туриста, туристический дискурс, немецкая лингвокультура.

Для цитирования: Онал И.О., Горбунова Ю.А. Концептуализация сакральной ценности мечети Айя-София (Hagia Sophia) в интернет-отзывах немецкоязычных туристов // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 82-89.

CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD HERITAGE SITE (HAGIA SOPHIA MOSQUE) IN ONLINE REVIEWS OF GERMAN-SPEAKING TOURISTS

Inna O. Onal¹, Yuliya A. Gorbunova²

^{1, 2}Novosibirsk military order of Zhukov Institute named after general of the army I.K. Yakovlev
of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹inna762006@gmail.com, ²jugorbunowa@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a cognitive-discursive study examining the sacred image of a cultural heritage site within German-language online tourism discourse regarding visits to the Hagia Sophia Mosque in Turkey. The study focuses on the linguistic representation of the sacred value of the Hagia Sophia World Heritage Site in German-language online tourist reviews. The aim of the study is to identify universal and nationally specific cognitive characteristics related to the cognition of one of the elements of surrounding reality – a cultural heritage site, which also is considered a historical and religious site. The study is based on online reviews from *Tripadvisor.com*, a leading international platform for searching and booking travel worldwide.

Keywords: conceptualization, cultural heritage site, online tourist review, tourism discourse, German linguistic culture.

For citation: Onal I.O., Gorbunova Yu.A. Conceptualization of the world heritage site (Hagia Sophia Mosque) in online reviews of german-speaking tourists // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 82-89.

Введение

Объекты культурного наследия, особенно те, что изначально создавались как сакральные пространства, в эпоху цифровых коммуникаций обретают новую жизнь в зеркале интернет-отзывов. Сегодня *Tripadvisor*, *Google Maps* и специализированные блоги являются не только платформами для оценки туристических услуг, но и ареной столкновения культурных кодов, исторических нарративов и личных религиозных чувств.

Культурологи отмечают, что основными ценностями памятников архитектуры являются историческая (мемориальная), художественная (эстетическая), сакральная, научная, градостроительная и утилитарная (функциональная) [2]. Как показывают имеющиеся лингвистические исследования, структура ментального образа культурно-исторического и религиозного памятника в отзывах туристов включает следующие составляющие: «История», «Искусство», «Религия», «Туризм» [4]. Как видим, это отчасти коррелирует с вышеупомянутыми ценностями памятников архитектуры; при этом отсутствие научной составляющей может быть обусловлено спецификой туристического интернет-дискурса, большинство участников которого не являются профессионалами в области истории, культурологии и религиоведения.

В фокусе данного исследования находится объект культурного наследия Мечеть Айя-София (Hagia Sophia) – часть объекта «Исторические районы Стамбула», входящего в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Переход достопримечательности из статуса музея в статус действующей мечети в 2020 году вызвал не только геополитический и межконфессиональный резонанс, но и породил новый пласт дискурсивных практик. Для лингвистики, изучающей

языковую картину мира, данная достопримечательность представляет собой уникальный случай «конфликтной сакральности», когда один и тот же материальный объект одновременно кодируется в сознании носителей языка как архитектурный шедевр, византийская святыня, исламская мечеть и туристическая дестинация.

Материал и методы исследования

Материалом исследования выступают 270 отзывов на немецком языке, размещенные на сайте *Tripadvisor.com* и *Яндекс.ру* в период с июня 2016 г. по январь 2026 г. При отборе текстов обращалось внимание на обязательную принадлежность авторов к немецкой лингвокультуре, представителями которой являются жители Германии, Австрии и Швейцарии, а также Лихтенштейна и Люксембурга. Для реконструкции исследуемого образа были использованы когнитивная интерпретация, а также методы контент-анализа и фреймового анализа, состоящего в представлении содержащейся в онлайн-отзывах информации о сакральной ценности мечети Айя-София в виде фреймов. Фрейм – это «когнитивная структура знания / структура представления знания о типической, тематически единой ситуации, организованная в виде совокупности иерархически расположенных, взаимодействующих друг с другом субфреймов и составляющих их слотов, характеризующаяся наличием конвенционального начала» [1, с. 29]. Представляя собой каркас ситуации или понятия, фрейм «может лежать в основе любой другой когнитивной структуры, выраженной посредством языка – образа, представления и т.п.» [3, с. 232].

Результаты исследования

В данном исследовании под сакральной ценностью объекта понимается его свойство восприниматься как священное, непри-

косновенное, имеющее высший смысл, определяющее идентичность и вызывающее эмоциональный отклик (от благоговения до гнева при нарушении). Следовательно, фрейм «Сакральная ценность Айя-Софии» – это структура знаний и оценок, посредством которой немецкоязычные туристы осмысляют и вербализуют религиозно-духовное значение, историческую святость и эмоционально-нравственное воздействие данного архитектурного памятника.

Реконструкция ментального образа храма на основе немецкоязычных туристических отзывов показала наличие в его структуре трех ключевых субфреймов: «Мусульманский храм», «Христианский храм» и «Храм двух религий».

Субфрейм 1. «Мусульманский храм»

В рамках данного субфрейма авторы отзывов обращают внимание на мусульманские атрибуты и практики. Около 11 % немецкоязычных туристов, оставивших отзывы о мечети Айя-София как объекте с религиозной составляющей, отмечают его принадлежность к исламу. Лексическими репрезентантами данного субфрейма являются единицы семантических полей «Ислам», «Храм» и «Молитва», например:

«Ислам», «Храм»: *muslimische Personen* (мусульмане); *deutscher Muslim* (немецкий мусульманин); *Moschee* (мечеть); *islamische Objekte* (исламские элементы); *die muslimische Kirche* (мусульманская церковь); *die muslimischen Fresken* (мусульманские фрески); *Rundschilder mit arabischen Schriftzeichen* (круглые щиты с арабской вязью); *Koran* (Коран) и др.;

«Молитва»: *das Freitagsgebet* (пятничная молитва); *die Gebetszeiten* (время молитвы); *das Gebetshaus* (молельня); *der Gebetsbereich* (молельная зона); *der Gebetsraum* (молельная комната); *die Betenden* (молящиеся) и др.

Слот 1.1. Правила поведения в храме

Немецкие туристы указывают на необходимость соблюдения правил посещения мусульманского храма:

Haare müssen bedeckt sein, Schuhe ausziehen, lange Hose anziehen (Необходимо

покрыть волосы, снять обувь и надеть длинные брюки); *Achtung aufpassen zu bestimmten Zeiten ist der Einlass nur für Gläubige! Für alle Schuhe aus, für Frauen Kopf bedecken!* (Внимание! В определенные часы вход разрешен только верующим. Все должны снимать обувь, женщины должны покрывать голову!)

Слот 1.2. Место для совершения намаза

Данный слот репрезентируется через лексемы и сочетания, описывающие совершение мусульманской молитвы и обеспечения необходимых для этого условий:

Dann der Eintritt in die Hagia Sophia: imposante Architektur, wenig aufdringliche Malereien, alles mit Teppich ausgelegt – alles auf das Gebet ausgerichtet (Затем вход в собор Святой Софии: впечатляющая архитектура, почти незаметные росписи, все покрыто коврами – все способствует молитве); *Licht, Schriftzeichen, Freitagsgebet war sehr schön, leider sehr viele sehr viele Besucher...* (Свет, письма, пятничная молитва была прекрасна, к сожалению, очень, очень много посетителей...).

Отметим, что в последнем контексте содержится положительная оценка религиозной функции объекта.

Слот 1.3. Описание нижнего зала

Нижний зал мечети представлен в текстах отзывов как священное пространство для верующих, недоступное для немусульман.

Das Erdgeschoss ist für Betende reserviert (Первый этаж предназначен для верующих); *Das Erdgeschoss darf man nicht mehr betreten, da dies den Betenden vorbehalten ist* (Первый этаж больше недоступен для посещения, так как он предназначен для молящихся).

Слот 1.4. (Не)принятие нового статуса

Данный слот отражает отношение к статусу мечети и представлен двумя взаимоисключающими составляющими: **принятие vs. непринятие нового статуса**. Преобразование из музея в мечеть (2020 г.), которое турецкие посетители воспринимают как возвращение к истинному сакральному ста-

тусу, у большинства авторов отзывов – носителей немецкой лингвокультуры – вызывает критику дискриминации по религиозному признаку:

*Seit der Umwandlung in eine Moschee laufen unten **die muslimischen Touristen** (gebetet hat hier niemand) für umsonst rum und machen Fotos. **Andersgläubige werden auf die Galerie verbannt** und zahlen dafür knackige 50€ (С тех пор, как здание преобразовали в мечеть, **мусульманские туристы** (никто тут из них не молится) бесцельно бродят внизу и фотографируют. **Иноверцев изгоняют на галерею**, и они платят за это кругленькую сумму в 50 евро): **Nicht Muslime** werden mit überteuerten Eintrittsgebühren auf den Balkon verwiesen und dürfen das Gebäude nur durch einen Seiteneingang betreten (**Немусульман** отправляют на балкон за непомерно высокую плату за вход и пускают в здание только через боковой вход).*

Немецкоязычные посетители отмечают, что даже на галерее, которая официально считается музеем (что позволяет властям брать плату за ее посещение), тоже требуется соблюдение правил посещения мусульманского храма:

Als Frau muss man nun ein Kopftuch tragen, obwohl man quasi im Obergeschoss in einem Museum ist (Женщины теперь должны надевать платок, хотя они, по сути, находятся на верхнем этаже, в музее).

В ряде комментариев содержится прямая критика и отрицание легитимности мечети:

Brennpunkt europäischer Geschichte – der für alle offen sein sollte... Jetzt wieder nur für Muslime unten (Очаг европейской истории, который должен быть открыт для всех... А теперь снова только для мусульман – только внизу).

Итак, для части посетителей, особенно мусульман или тех, кто уважает исламские нормы, Айя-София является действующей мечетью, со всеми сопутствующими правилами. Нарушение правил (например, отсутствие платка) воспринимается как неуважение. Однако сакральная ценность в рамках

указанного фрейма не распространяется на туристов-немусульман – для них это на данный момент «запретный храм», в который можно только заглянуть.

Субфрейм 2. «Христианский храм»

Около 5 % немецкоязычных туристов в своих отзывах называют Айя-Софию собором/церковью. Данный субфрейм репрезентируется через лексемы и сочетания семантических полей «Храм» и «Христианство», такие как *das Gotteshaus* (храм Божий); *orthodoxe Kirche* (православная церковь); *die größte Kirche des Christentums* (крупнейшая церковь христианского мира); *die Mosaiken der Jungfrau Maria und Jesus* (мозаики Богородицы и Иисуса); *Christus* (Христос); *die christlichen Symbole* (христианские символы); *christliche Abbildungen* (христианские изображения); *die Kirche der Heiligen Weisheit* (церковь Премудрости Божией); *der Tempel der Heiligen Weisheit* (храм Премудрости Божией) и др.

Слот 2.1. Символ Византии, православия, европейского христианского наследия

Туристы указывают на прошлое объекта, который изначально был построен как христианский храм:

*Die Hagia Sophia war ja bei ihrem Bau eigentlich **eine christliche Kirche**, nach deren Vorbild der Petersdom in Rom erbaut wurde... (Собор Святой Софии изначально при строительстве был **христианской церковью**, по образцу которой был построен собор Святого Петра в Риме...); Wer genauer hinschaut bemerkt noch einpaar Überbleibsel **aus der Zeit als Kirche** (Если присмотреться, можно заметить кое-какие следы тех времен, **когда здесь была церковь**). **Erst orthodoxe Kirche, dann Moschee, dann Museum** (**Сначала православная церковь, потом мечеть, потом музей**).*

В рамках данного слота также отражены ностальгия и сожаление об утрате храмом статуса собора/церкви:

*Schade, dass dieses Wunderwerk **zu einer Moschee umgewandelt wurde** (Жаль, что это чудо архитектуры **было переделано в мечеть**).*

В ряде отзывов туристы называют достопримечательность «церковью», игнорируя ее текущий статус мечети:

Wunderschöne **Kirche** in Constantinople! (Прекрасная церковь в Константинополе!); Die hier vorgegebene Tour ermöglicht es einem die Geschichte und verborgenen Geheimnisse dieser **Kirche** zu erkunden (Предлагаемый здесь экскурсионный маршрут позволяет познакомиться с историей и скрытыми тайнами этой **церкви**); Wundervolles geschichtsträchtiges Kirchengebäude (Великолепное историческое церковное здание).

Слот 2.2. Христианские символы

При посещении достопримечательности немецкоязычные туристы отмечают те символы и атрибуты христианства, которые сохранились в действующей мечети:

Von den Wänden strahlen **die Mosaiken der Jungfrau Maria und Jesus** (Со стен сияют **мозаики Богородицы и Иисуса**); Im vorderen Teil der orthodoxen Kirche ist im Boden **ein Kreuz**. Man sagt, man solle den linken Fuß darauf stellen und sich etwas wünschen (В передней части православной церкви на полу **есть крест**. Говорят, что нужно поставить на него левую ногу и загадать желание).

Драпировка мозаик и других указаний на христианскую веру, так же, как и запрет на литургию, находит отражение в критических замечаниях в отзывах носителей немецкой лингвокультуры, воспринимающих данные действия как осквернение храма:

Zudem wurden **einige antike Christliche Mosaiken wieder verdeckt**, damit diese im Gebetsraum nicht sichtbar sind (Кроме того, **некоторые древние христианские мозаики были вновь закрыты**, чтобы их не было видно в молитвенном зале); Mitten im Gebäude stehen Gerüste, die den Eindruck erwecken, dass **christliche Mosaiken weiter entfernt oder verdeckt werden**. Statt respektvoller Erhaltung **sieht es nach fortlaufender Zerstörung historischer Substanz aus** (Посреди здания установлены строительные леса, и создается впечатле-

ние, что **христианские мозаики либо удаляют, либо прячут из виду**. Это похоже не на почтительное сохранение, а на последовательное уничтожение исторического наследия); **Die Wandmalerei, die jahrhundertealten Bilder, werden nach und nach entfernt** (**Фрески**, изображения, которым уже много веков, постепенно **устраняются**).

В рамках данного фрейма Айя-София презентруется как объект, утративший свою сакральную ценность для христиан из-за недоступности для полноценного богослужения и поклонения. Более того, превращение в мечеть воспринимается как акт кощунства и уничтожения святыни. Посетители описывают свои эмоции о посещении мечети по шкале от разочарования и грусти до гнева: *Insgesamt ist der Besuch der Hagia Sophia **enttäuschend**, da man sich nicht willkommen fühlt* (В целом, посещение собора Святой Софии **разочаровывает**, поскольку не чувствуешь себя желанным гостем); *Da ich die entsprechende Neuregelung tatsächlich garnicht mehr auf dem Schirm hatte, war ich, als ich dieses Mal realisierte, dass der Besuch auf dem Balkon enden würde, **kurz zu Tränen gerührt*** (Поскольку я действительно не знал о новых правилах, и когда понял, что посещение закончится на балконе, **я готов был расплакаться**).

Субфрейм 3. «Храм двух религий»

Данный субфрейм раскрывается через констатацию одновременного наличия у объекта культурного наследия как христианских, так и исламских элементов, что отражено примерно в 16 % исследуемых отзывов.

Слот 3.1. Мирное сосуществование двух религий

Данный слот представлен преимущественно в отзывах, оставленных немецкоязычными туристами до обретения объектом статуса мечети в 2020 г. В более поздних отзывах одновременное упоминание достопримечательности и как мусульманского, и как христианского храма с выражением положительных, а не негативных эмоций, встречается значительно реже.

Diese herrliche Kirche/Moschee muss man gesehen haben! (Эту великолепную церковь/мечеть обязательно нужно посетить!); Auf einer Seite christliche Abbildungen, auf der anderen Seite arabische Symbole – Gänsehaut (Христианская символика с одной стороны, арабские символы с другой – мурашки по коже); Man sieht und spürt, wie die zwei Weltreligionen miteinander verschmelzen (Вы можете увидеть и почувствовать, как сливаются две мировые религии); Ein Ort, an dem sich zwei Religionen vereinen (Место, где объединяются две религии).

Компромиссным вариантом является упоминание всех когда-либо существовавших статусов, при этом ни один из них не признается окончательным: *Mal Kirche, mal Museum, mal Moschee und zur Zeit beides (То церковь, то музей, то мечеть, а сейчас и то и другое).*

Слот 3.2. Конфликт двух религий

В рамках данного слота Айя-София воспринимается как арена борьбы, подавления одной религии другой, место исторической травмы и несправедливости.

Die Hagia Sophia ist weniger geprägt von einer bestimmten religiösen Botschaft, als von dem teils mörderischen Machtkampf zweier Glaubenssysteme (Айя-София – это не столько памятник веры, сколько свидетельство смертоносной борьбы за власть двух религий); Es sollte möglich sein, auf die Religions- und Politikführenden einzuwirken, daß die häßlichen schwarzen "Bierdeckel" entfernt werden (Надо бы как-то воздействовать на религиозных и политических лидеров, чтобы эти безобразные чёрные «подстаканники» наконец сняли (медальоны с арабской каллиграфией)); Spannend, dass die muslim. Kirche die christl. Bilder nicht zerstört hat, nur zugestrichen (Удивительно, что мусульманская церковь не уничтожила христианские изображения, а только заштукатурила их).

Субфрейм «Храм двух религий» являлся доминирующим в период существования объекта как музея (т.е. до 2020 г.) и на дан-

ный момент сохраняется у многих туристов как утраченный идеал. В настоящее время немецкоязычные туристы видят «храм двух религий» разрушенным вследствие необдуманного политического решения турецких властей. Сакральная ценность заключается не в исламе или христианстве по отдельности, а в их сосуществовании как высшей ценности, нарушение которого воспринимается как варварство.

Заключение (выводы)

Проведенное исследование позволяет заключить, что образ данного объекта культурного наследия в немецкой лингвокультуре представляет собой сложный, противоречивый и динамичный конструкт, в котором переплетаются исторические, религиозные и эмоциональные измерения.

Выявленные три субфрейма – «Мусульманский храм», «Христианский храм» и «Храм двух религий» – отражают различные способы осмысления Айя-Софии носителями немецкого языка. При этом наибольшей частотностью характеризуется субфрейм «Храм двух религий», что свидетельствует о приоритетности для немецкоязычных туристов идеи межрелигиозного синтеза и культурного диалога. Однако именно этот субфрейм демонстрирует наиболее выраженную временную динамику: после преобразования музея в мечеть положительная оценка сосуществования религий уступает место нарративу об «утраченном идеале» и восприятию текущего статуса как разрушения исторической гармонии.

Субфреймы «Мусульманский храм» и «Христианский храм» распределились в исследуемом материале неравномерно. Немецкоязычные туристы значительно чаще фиксируют исламскую составляющую объекта, однако делают это преимущественно в контексте критики дискриминационных, с их точки зрения, правил посещения: разделение пространства на «верных» и «неверных», высокая плата за вход для немусульман, обязательное покрытие головы даже в «музейной» части. Сакральная ценность Айя-Софии как христианского

храма актуализируется в отзывах реже, но именно здесь проявляется наиболее сильный эмоциональный компонент – от ностальгии и сожаления до возмущения и гнева.

Национально-специфичные черты немецкой лингвокультуры проявляются, во-первых, в выраженной рефлексии по поводу правил и регламентов: туристы из Германии, Австрии и Швейцарии детально фиксируют формальные требования, оценивая их через призму универсального доступа и равенства. Во-вторых, прослеживается рационально-критическое отношение к политическим решениям: смена статуса Айя-Софии (2020) осмысливается не столько как религиозный акт, сколько как результат «необдуманных политических действий»

турецких властей. В-третьих, характерным для исследуемой лингвокультуры оказалось восприятие музея (статус 1934-2020 гг.) как оптимальной формы существования объекта, позволяющей сохранить его сакральную ценность для представителей обеих религий и для светских посетителей.

Таким образом, Айя-София предстает в немецкоязычных туристических интернет-отзывах не столько как действующая мечеть, сколько как культурно-исторический символ, сакральная ценность которого определяется его уникальной способностью объединять разные религии и эпохи. Нарушение этого равновесия в пользу одной из конфессий воспринимается носителями немецкой лингвокультуры не как восстановление сакральности, а как ее разрушение.

Список источников

1. Гусельникова О.В. Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5 (17). С. 29-32.
2. Кузнецова Е.С. Спектр ценностей памятника архитектуры // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2014. № 1. С. 62-70.
3. Никонова Ж.В. Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур / Ж.В. Никонова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 6 (50). С. 229-234.
4. Онал И.О. Концептуализация исторической составляющей объекта культурного наследия в туристическом интернет-дискурсе / И.О. Онал // Современные коммуникативные практики: перспективы развития теоретических и прикладных исследований: сборник докладов III Международной научно-практической конференции, Кемеровский государственный университет, 06-07 июня 2025 года. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. С. 244-252.
5. Hagia Sophia Grand Mosque [Электронный ресурс]. URL: https://www.tripadvisor.com/Attraction_Review-g293974-d294497-Reviews-or20-Hagia_Sophia_Grand_Mosque-Istanbul.html (дата обращения: 20.04.2026).

Reference

1. Guselnikova O.V. Possibilities of Frame Analysis // World of Science, Culture, and Education. 2009. No. 5 (17). P. 29-32.
2. Kuznetsova E.S. The Spectrum of Values of an Architectural Monument // Observatory of Culture: a journal-review. 2014. No. 1. P. 62-70.
3. Nikonova Zh.V. Frame analysis as a method of linguistic description of verbal structures / Zh.V. Nikonova // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2007. No. 6 (50). P. 229-234.
4. Onal I.O. Conceptualization of the Historical Component of a Cultural Heritage Site in Tourist Internet Discourse / I.O. Onal // Modern Communication Practices: Prospects for the

Development of Theoretical and Applied Research: collection of Papers from the III International Scientific and Practical Conference, Kemerovo State University, June 6-7, 2025. Kemerovo: Kemerovo State University, 2025. P. 244-252.

5. Hagia Sophia Grand Mosque [Electronic resource]. URL: https://www.tripadvisor.com/Attraction_Review-g293974-d294497-Reviews-or20-Hagia_Sophia_Grand_Mosque-Istanbul.html (date of access: 20.04.2026).

Информация об авторах

Онал Инна Олеговна, кандидат филологических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Горбунова Юлия Александровна, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Inna O. Onal, candidate of philological sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Yuliya A. Gorbunova, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 05.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 81'23

EDN: <https://elibrary.ru/TYEYXE>

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА ВОЕННЫХ

Савина Наталья Сергеевна

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Россия

kushchenkons@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию профессиональной обусловленности ментального лексикона военнослужащих. Актуальность работы обусловлена интересом современной лингвистики к изучению языковой личности сквозь призму её профессиональной деятельности, которая формирует не только систему специальных знаний, но и структуру ассоциативно-вербальной сети носителя языка. Автор подчёркивает, что военная субкультура с её жёсткой регламентацией, иерархичностью и ценностными ориентирами оказывает глубокое влияние на языковое сознание. Материал исследования был собран в ходе свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 65 военнослужащих. Респондентам было предложено 20 слов-стимулов, разделяющихся на три группы: профессиональные, ценностно-ориентированные и нейтральные. Анализ 1300 ассоциативных реакций выявил высокую степень влияния профессии на ментальный лексикон военнослужащих: 76 % реакций на профессиональные стимулы и 12 % на нейтральные, напрямую связанные с военной сферой. На примере стимулов «автомат» и «честь» показано, что в сознании военных актуализируются специальные значения (например, «Калашникова», «мундира»), тогда как общеязыковые нейтральные реакции минимальны. Делается вывод о стереотипности ядерных зон ассоциативных полей и разнообразии периферийных, включающих эмоционально-оценочные и сленговые реакции. Результаты могут быть применены в преподавании русского языка как иностранного военным специалистам. Делается вывод о том, что профессия оказывает определяющее влияние на структуру языкового сознания военнослужащего, формируя особую ассоциативно-вербальную модель восприятия действительности.

Ключевые слова: ментальный лексикон, профессиональная обусловленность, военная субкультура, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальная модель, языковое сознание, психолингвистика.

Для цитирования: Савина Н.С. Профессиональная обусловленность ментального лексикона военных // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 90-95.

PROFESSIONAL CONDITIONING OF THE MILITARY MENTAL LEXICON

Natalya S. Savina

Saratov military order of Zhukov Red Banner institute for the national guard troops of the Russian Federation, Saratov, Russia

kushchenkons@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the professional conditioning of the mental lexicon of military personnel. The relevance of the work is due to the interest of modern linguistics in studying the linguistic personality through the prism of its professional activity, which forms not only a system of special knowledge, but also the structure of the associative-verbal network of the language user. The author emphasizes that the military subculture, with its strict regulations, hierarchy, and value orientations, has a profound impact on the linguistic consciousness. The study material was collected during a free association experiment, in which 65 military personnel took part. The respondents were offered 20 stimulus words, divided into three groups: professional, value-oriented and neutral. The analysis of 1300 associative reactions revealed a high degree of influence of the profession on the mental lexicon of military personnel: 76 % of reactions to professional stimuli and 12 % of neutral ones are directly related to the military sphere. The examples of the stimuli "automatic weapon" and "honor" show that special meanings (e.g., "Kalashnikov" and "uniform") are activated in the minds of military personnel, while general linguistic neutral reactions are minimal. The article concludes that the nuclear zones of associative fields are stereotyped, while the peripheral zones, which include emotional, evaluative, and slang reactions, are diverse. The results can be applied in teaching Russian as a foreign language to military specialists. The article concludes that the profession has a significant impact on the structure of a military personnel's linguistic consciousness, forming a unique associative-verbal model of perception of reality.

Keywords: mental lexicon, professional conditionality, military subculture, free associative experiment, associative-verbal model, linguistic consciousness, psycholinguistics.

For citation: Savina N.S. Professional conditioning of the military mental lexicon // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 90-95.

Профессиональная языковая личность вызывает особый интерес у современных лингвистов. Исследователи отмечают, что профессиональная деятельность не только формирует систему специальных знаний и умений, но и накладывает глубокий отпечаток на структуру ментального лексикона. Под последним понимают совокупности слов с присущими им семантическими, формальными и ассоциативными связями, хранящимися в долговременной памяти носителя языка и определяющими особенности его речевой деятельности [1].

Особый интерес в этой связи представляет профессиональная группа военнослужащих. Известно, что военная субкультура характеризуется высокой степенью регламентации общения, строгой иерархичностью, устоявшейся системой ценностей, что неизбежно оказывает влияние на языковое сознание её носителей [2]. Р.А. Кафтанов отмечает, что ассоциативное поле слова включает в себя смысловые единицы, которые данная социальная группа связывает с

этим словом. Таким образом, анализ ассоциативных реакций представителей определённой профессиональной группы позволяет реконструировать элементы их профессиональной картины мира [3].

Значительный интерес представляет выявление профессиональной обусловленности ментального лексикона военнослужащих на материале свободного ассоциативного эксперимента [4]. В задачи подобного исследования входит анализ ассоциативных полей слов-стимулов, представляющих основные концепты военной субкультуры; выявление и анализ профессиональных и общезыковых реакций; сопоставление полученных ассоциативных реакций с нормами, существующими в языке.

Свободный ассоциативный эксперимент является наиболее эффективным методом исследования ментального лексикона, позволяющим выявить семантические связи слов в сознании носителя языка, а следовательно, узнать основные характерные черты языковой личности, включая влияние про-

фессии на нее [5]. Полученная в результате эксперимента ассоциативно-вербальная сеть позволяет выявить смысловые связи, которые актуальны для определённой социальной или профессиональной группы [6].

Отечественные психолингвисты уделяют особое внимание проблеме профессиональной обусловленности языкового сознания. Многочисленные исследования доказали, что профессиональная деятельность личности формирует специфическую ассоциативно-вербальную сеть, которая характеризует эту личность и отражает влияние профессии на нее [7, 8].

Таким образом, мировоззрение профессиональной личности военного, по мнению Э.Ю. Эмер и С.А. Андриевской, формируется в равной степени благодаря влиянию родной культуры и профессиональной деятельности [9].

Обращаясь к военной субкультуре, можно утверждать, что она представляет собой особый социальный институт, характеризующийся специфической системой ценностей, норм поведения и языковых средств [10].

С целью исследования профессиональной обусловленности ментального лексикона личности военного было проведено исследование, в котором приняли участие 65 военнослужащих различных званий, от сержанта до подполковника, в возрасте от 21 до 46 лет. Для проведения свободного ассоциативного эксперимента был составлен список из 20 слов-стимулов, включающий три группы лексем. В первую группу вошли профессиональные стимулы (плац, часть, форма, автомат, устав), вторая группа состояла из ценностно-ориентированных стимулов (честь, долг, мужество), в третью группу были включены нейтральные стимулы (дом, работа, друг, дорога). При отборе стимулов использовался материал Русского ассоциативного словаря, а также учитывались результаты пилотного исследования.

В ходе проведения эксперимента испытуемым предъявлялся список слов-стимулов в письменной форме, задачей испытуемых

было записать первое пришедшее в голову слово, при этом время выполнения задания не ограничивалось. Всего было получено 1300 ассоциативных реакций.

Анализ полученных данных свидетельствует о высокой степени профессиональной обусловленности ментального лексикона военнослужащих. В ответ на профессионально ориентированные стимулы было получено 76 % реакций, напрямую связанных с военной сферой. При этом в ответ на нейтральные стимулы респонденты продуцировали 12 % профессионально ориентированных реакций, что является достаточно высоким показателем и свидетельствует об интенсивном влиянии профессии на лексикон личности военных.

Рассмотрим некоторые примеры ассоциативных полей, полученных в результате эксперимента. Так, стимул «автомат» вызывает у военнослужащих следующие реакции: «Калашникова» (42 %), «оружие» (18 %), «стрельба» (11 %), «очередь» (8 %). Данное ассоциативное поле свидетельствует о несомненном влиянии профессии на лексикон личности военного. При этом реакция «игровой», имеющая нейтральную окраску, встречается очень редко (1 %). Это подтверждает предположение о том, что профессиональное значение лексемы актуализируется как первичное в сознании военного даже при наличии в языке других значений.

Примечательно, что у 6 % респондентов в ответ на стимул «автомат» возникла реакция «чистка», что отражает специфику повседневной служебной деятельности военнослужащего и отсутствует в общерусских ассоциативных нормах, являясь профессионально ориентированной.

Стимул «честь», входящий в группу ценностно-ориентированной лексики, вызвал у военнослужащих реакции: «мундира» (23 %), «офицера» (18 %), «достоинство» (15 %), «совесть» (12 %), «беречь» (8 %), «пятно» (6 %). Высокую частотность реакций «мундира» и «офицера» можно объяснить тем, что данные понятия неразрывно связаны с военной службой.

Полученные ассоциативные поля представляется возможным разделить на ядерные и периферийные зоны. Частотность реакций, входящих в ядерную зону, составляет больше 10 %, а входящих в периферийную зону от 2 % до 5 %.

Анализ ассоциативных полей позволяет говорить о том, что в ядерной зоне ментального лексикона военнослужащих присутствуют специальные термины (Калашникова), наименования должностей и званий (офицер), действия, связанные с профессиональной деятельностью (выполнять приказ, чистить оружие). Реакции из периферийной зоны включают в себя эмоционально окрашенные реакции (тяжело, ответственно), военный сленг (дедовщина).

Наше исследование позволяет сделать вывод о том, что профессия личности значительным образом влияет на семантическое наполнение как профессиональных, так и общеупотребительных лексем. При этом у военнослужащих, участвовавших в эксперименте, актуализируются профессиональное и патриотическое значение лексем.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1) Ментальный лексикон военнослужащих характеризуется высокой степенью профессиональной обусловленности. Это проявляется в преобладании профессио-

нально обусловленных реакций на стимулы различных типов.

2) Профессионально ориентированная лексика встречается не только среди реакций на стимулы из числа терминов, но и среди ценностно-ориентированных и нейтральных реакций. Стимулы «честь», «долг», «Родина» получают в сознании военного специфическое смысловое наполнение, отличающееся от общих ассоциативных норм.

3) Ассоциативные поля военнослужащих характеризуются высокой степенью стереотипности. Ядерная зона представлена ограниченным набором частотных реакций, тогда как периферийная зона демонстрирует большее разнообразие и включает в себя эмоционально-оценочные ассоциации.

4) Полученные результаты имеют важное значение и могут быть использованы для разработки методик преподавания русского языка как иностранного военным специалистам.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сопоставительный анализ ментального лексикона военнослужащих разных стран, а также изучение динамики профессионального ментального лексикона на разных этапах военной карьеры.

Список источников

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
2. Эмер Ю.А., Андриевская С.А. Дискурсивная обусловленность языкового сознания русскоязычных и иноязычных военных специалистов (по данным психолингвистического эксперимента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, Вып. 6. С. 210-211.
3. Кафтанов Р.А. Ассоциативно-вербальная модель профессиональной идентификации российского военного (к постановке проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, Вып. 1. С. 73-79.
4. Минич Л.С., Репак А.В. Лингвокогнитивные особенности репрезентации будущего в интервью военных 2024-2025 годов: концептуальный анализ // Научные записки Национального университета «Острожская академия». Серия: Филология. 2025. № 26 (94). С. 22-25.
5. Кротова М.Н., Ушакова А.П. Исследование языкового сознания российских и иностранных военных специалистов методом ассоциативного эксперимента // Вестник Яро-

славского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 2. С. 276-289.

6. Довголюк М.Н. Армия в языковом сознании российских военнослужащих (экспериментальное исследование) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 13 (43). С. 70-73.

7. Кафтанов Р.А. Опыт построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военных. Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 331 с.

8. Неровная Н.А. Лингвокогнитивный анализ концепта «русский солдат» (на материале публикаций западных СМИ) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2025. Т. 56, № 1. С. 197-208.

9. Emer J.A., Andrievskaya S.A. Professional linguistic consciousness of Russian-speaking and foreign-speaking military specialists according to the data of a psycholinguistic experiment // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2025. № 6. P. 43-54.

10. Проничева О.Ю. Институциональный армейский дискурс: образ современного военнослужащего (по материалам ассоциативно-вербального эксперимента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, Вып. 1. С. 147-151.

References

1. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. M.: Nauka, 1987. 264 p.
2. Emer Yu.A., Andrievskaya S.A. Discursive Conditionality of the Linguistic Consciousness of Russian-Speaking and Foreign-Language Military Specialists (Based on a Psycholinguistic Experiment). Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2025. Vol. 18, Iss. 6. P. 210-211.
3. Kaftanov R.A. Associative-Verbal Model of Professional Identification of a Russian Military Serviceman (Towards the Problem Statement). Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2015. Vol. 13, Iss. 1. P. 73-79.
4. Minich L.S., Repak A.V. Linguocognitive Features of the Representation of the Future in Military Interviews 2024-2025: conceptual Analysis. Scientific Notes of the National University «Ostroh Academy». Series: Philology. 2025. No. 26 (94). P. 22-25.
5. Krotova M.N., Ushakova A.P. Study of the Linguistic Consciousness of Russian and Foreign Military Specialists by the Method of Associative Experiment. Bulletin of Yaroslavl State University. Series: Humanities. 2021. Vol. 15, No. 2. P. 276-289.
6. Dovgolyuk M.N. The Army in the Linguistic Consciousness of Russian Military Personnel (An Experimental Study). Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2014. No. 13 (43). P. 70-73.
7. Kaftanov R.A. Experience of Constructing an Associative-Verbal Model of Professional Identification of the Military. Dis. ... cand. of philol. sciences. Krasnoyarsk, 2020. 331 p.
8. Neronvaya N.A. Linguocognitive Analysis of the Concept «Russian Soldier» (Based on Western Media Publications)]. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2025. Vol. 56, No. 1. P. 197-208.
9. Emer J.A., Andrievskaya S.A. Professional linguistic consciousness of Russian-speaking and foreign-speaking military specialists according to the data of a psycholinguistic experiment. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2025. No. 6. P. 43-54.
10. Pronicheva O.Yu. Institutional Army Discourse: The Image of a Modern Serviceman (Based on the Materials of an Associative-Verbal Experiment). Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2020. Vol. 13, Iss. 1. P. 147-151.

Информация об авторе

Савина Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации (410012, Саратов, ул. Московская, 158).

Information about the author

Natalya S. Savina, candidate of philological sciences, associate professor, Saratov military order of Zhukov Red Banner institute for the National Guard Troops of the Russian Federation (410012, Saratov, Moskovskaya st., 158).

Статья поступила в редакцию 26.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 26.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 81'42

EDN: <https://elibrary.ru/ACQWKР>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ САКРАЛИЗАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ВОЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Семухина Елена Александровна

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Россия

semuh@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов репрезентации сакрализации в российском медиадискурсе военной направленности с позиций когнитивной лингвистики и дискурсологии. Целью исследования является определение основных языковых и дискурсивных средств сакрализации, а также описание их когнитивно-прагматической функции в современных военных медиатекстах. В работе применялась междисциплинарная методика, включающая как методы когнитивной лингвистики, так и дискурсологии. В результате исследования установлено, что ключевым когнитивным механизмом сакрализации выступает аксиологическая оппозиция «сакральное «своё» vs «профанное «чужое», актуализируемая через обращение к концепту «Великая Отечественная война». Наиболее значимыми средствами репрезентации сакрализации являются мифологизация личностей и событий, особая метафорика, а также ритуализация цифрового коммуникативного пространства – регулярные рубрики, канонизированные речевые формулы и унифицированная символика. Сделан вывод о том, что сакрализация в военном медиадискурсе служит эффективным инструментом непрямого воздействия, направленного на консолидацию общества и формирование ценностной парадигмы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, медиадискурс, дискурсология, сакрализация, военная тематика, мифологизация, метафора, концепт, ритуализация, воздействующая функция.

Для цитирования: Семухина Е.А. Репрезентация сакрализации в медиадискурсе военной направленности: когнитивно-прагматический аспект // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 96-102.

REPRESENTATION OF SACRALIZATION IN MILITARY-ORIENTED MEDIA DISCOURSE: A COGNITIVE-PRAGMATIC PERSPECTIVE

Elena A. Semukhina

Saratov military order of Zhukov Red Banner institute of the national guard troops of the Russian Federation, Saratov, Russia

semuh@rambler.ru

Abstract. The article examines the ways of representing sacralization in Russian military-oriented media discourse from the perspectives of cognitive linguistics and discourse studies. The aim of the study is to identify the main linguistic and discursive means of sacralization and to describe their cognitive-pragmatic function in contemporary military media texts. The research employs an interdisciplinary methodology integrating methods from both cognitive linguistics

and discourse analysis. The findings reveal that the key cognitive mechanism of sacralization is the axiological opposition "the sacred Self vs. the profane Other", actualized through reference to the concept of the "Great Patriotic War". The most significant means of representing sacralization include the mythologization of individuals and events, specific metaphorical patterns, and the ritualization of digital communication space – such as regular headings, canonized speech formulas, and unified symbolism. It is concluded that sacralization in military media discourse serves as an effective tool of indirect influence aimed at social consolidation and the formation of a value paradigm.

Keywords: cognitive linguistics, media discourse, discourse studies, sacralization, military themes, mythologization, metaphor, concept, ritualization, persuasive function.

For citation: Semukhina E.A. Representation of sacralization in military-oriented media discourse: a cognitive-pragmatic perspective // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 96-102.

Введение

Лингвокогнитивные исследования медиадискурса сегодня являются одними из наиболее актуальных, поскольку позволяют изучить современное состояние языка и выявить механизмы воздействия на общественное сознание, коллективное поведение, осуществляемые в том числе благодаря концепции сакрализации ценностей. Сакрализация позволяет осуществить и транслировать способ иерархизации ценностей на основе противопоставления «своих» и «чужих» ценностей. К первым относятся первостепенные понятия о жизни, долге, чести, противопоставлением к которым определяются ценности противника (например, «потребительство», «нажива», «отказ от традиций» и пр.).

Медиадискурс военной направленности обладает характерными, ярко выраженными особенностями в отношении определения сакральных / профанных ценностей, поскольку в нем четко отражена граница между «своим» и «чужим». Подчеркнем также, что исследования медиадискурса позволяют не только осуществить анализ современного состояния языка, но и раскрывают культурные особенности соответствующего национального сообщества в актуальный исторический период.

Материалы и методы

Материалами для настоящего исследования послужил медиадискурс, отраженный в публикациях на важнейших российских ин-

формационных платформах: «РИА Новости», «Известия.ру», датированных периодом январь-май 2026 г. Под медиадискурсом мы понимаем совокупность продуктов и процессов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации [1, с. 21], т.е. совокупность всех видов текстов в медиaproстранстве. Такое понимание медиадискурса позволило исследовать опубликованные на платформах тексты с учетом невербальных факторов: графического оформления, частоты выхода в свет, возможности репоста и пр.

Представляется, что вышеуказанные издания относятся к категории качественной прессы, для которой характерна высокая степень аргументативности, интенсивное эмоциональное воздействие на адресата, проработанные тексты с проверенной фактологической базой [2, с. 960]. Методом сплошной выборки были отобраны для анализа фрагменты медиадискурса (тексты публикаций) с военной тематикой (всего 211 единиц).

Данные фрагменты были подвергнуты исследованию на основе междисциплинарной методики, включающей концептуальный и интенциональный анализ, изучение прессупозиций дискурса, а также его метафорики.

Результаты исследования

Сакрализация как общекультурный феномен представляет собой наделение предметов, явлений, действий или людей «священ-

ным», мистическим содержанием. Языковая сакрализация является универсальной категорией, включающей ценностно-смысловой компонент, важнейшей частью которого представляется вера в сверхъестественные качества и способности, доверие к Богу и миру [3, с. 48].

Представляется, что основной целью сакрализации в медиадискурсе является воздействующая, т.е. это способ формирования положительного мнения общественности об избранных явлениях, событиях, лицах и их действиях. Сакрализация позволяет имплицитно высказать оценку и транслировать ее читателям, достигая повышения лояльности аудитории, консолидации общества, повышения ценности каких-либо событий в глазах реципиентов информации.

Согласно мнению исследователей, с точки зрения языка сакрализация, в первую очередь, выражается вербально, на лексическом уровне через расширение лексического значения, «приращение» которого происходит за счет сем, содержащих мифологический элемент.

Окружение лексической единицы в дискурсивной среде также может служить целям сакрализации, например, благодаря употреблению ЛЕ в связке с языковыми формулами обрядовых таинств и т.п.

Кроме того, исследователи выделяют также акциональную сакрализацию через осуществление ритуальных действий и обрядов [4, с. 138]. Представляется, что в дискурсе, являющемся полимодальной средой, акциональная сакрализация смыслов также возможна, например, через ритуализацию публикаций и в целом коммуникативного пространства (в рамках настоящего исследования – цифрового). В частности, к ритуалам можно отнести публикацию регулярных рубрик, каноничность текстов, имеющих повторяющиеся речевые формулы, систематические коллективные действия: комментирование, репосты и пр.

Рассмотрим на конкретных примерах, какие способы сакрализации репрезентированы в медиадискурсе военной направленности.

а. Иерархизация ценностей через аксиологическую оппозицию «свое» – сакральное» vs «чужое – профанное».

Проведенное исследование показало, что данная аксиологическая оппозиция в медиадискурсе военной направленности основана не только на базовой когнитивной структуре «свой / чужой», регулятиве ценностного освоения мира [5, с. 1590], но и опирается на концепт «Великая Отечественная война», содержание которого признается высшей ценностью современного общества. Соотнесение каких-либо явлений, действий или личностей с таковыми советской стороны времен ВОВ приводит к сакрализации. В то же время к десакрализации приводит упоминание явлений в связи с феноменами противной стороны той же эпохи. Так, в частности, на платформе «РИА Новости» находим: *«Лейтмотивом книги стало выражение, которое приписывают маршалу Василевскому: "Советский учитель победил фашистского"»* [6]. В приведенном выражении противопоставляются две культурно-значимые фигуры – советский учитель, представление о котором сакрализуется за счет соотнесения с победой в ВОВ, и учитель вражеской стороны, чей символический образ десакрализуется.

С подобным феноменом встречаемся и во многих других публикациях. Так, например, в статье о планах В. Зеленского вернуть на Украину останки лидеров украинских националистов десакрализуется символическая фигура президента страны-неприятеля за счет соотнесения действий с противниками времен ВОВ, *«воевавших против советских войск, сотрудничая с гитлеровцами»* [7]. Так автору публикации удастся неявно высказать отрицательную оценку, имплицитно воздействуя на сознание читателя.

б. Мифологизация действий и личностей.

Процесс сакрализации в медиадискурсе часто осуществляется за счет мифологизации действий, явлений и личностей. Например, в публикации о судьбе советских учителей контекст указывает на то, что учитель становился для общества праведником в по-

чти религиозном смысле: *«Голод, блокада, а учительница не забывает свое служение»* [8]. Мифологизация фигуры учителя достигается за счет употребления слова «служение», относящегося к религиозной сфере.

Концепт «Великая Отечественная война» и в мифологизации играет существенную роль. Пресуппозицией (необходимым фоновым знанием для успешной коммуникации [9, с. 99-100], [10, с. 8]) является знание о том, что для современного российского общества участник ВОВ представляет собой героя, чьи подвиги стали залогом нынешнего благополучия. Поэтому сегодня сравнение с участником Великой Отечественной войны означает сакрализацию действий и самого сравниваемого.

Так, в частности, в статье *«Отец Героя России Марзоева рассказал о сыне»* речь идет о лейтенанте Василии Марзоеве, продолжателе офицерской династии и дела своего деда, участника Великой Отечественной войны [11]. Указание на героического предка делает подвиг Василия Марзоева священным и его самого сакральной фигурой.

Герой публикации может и сам в процессе повествования сравнивать себя с участниками ВОВ, что воспринимается журналистом, автором статьи, и аудиторией положительно. Например: *«<я> стал понимать наших прабабушек и прадедушек, которые воевали в Великую Отечественную»* [12].

Сакрализация в результате мифологизации самих участников ВОВ может усиливаться в том числе с помощью перечисления особых героических канонических действий, осуществлённых в годы войны и позднее. К таковым, безусловно, относится, взятие Берлина в 1945 г., надпись на Рейхстаге, участие в параде Победы и др. Так, в статье о Параде Победы читаем, что один из почетных гостей *«ветеран Великой Отечественной войны Евгений Знаменский... Победу встретил в Берлине и расписался на стене Рейхстага»* [13].

Мифологизация за счет упоминания героических канонических действий частотна для публикаций, посвященных участникам

СВО. В частности, в публикации на платформе «Известия.ру» находим: *«Российские военнослужащие в операции «Поток» в Судже вызвали на себя огонь артиллерии»* [14].

в. Особая метафорика.

Одним из важнейших способов сакрализации в медиадискурсе военной направленности представляется особая метафорика. Метафорическое представление о крови как «жертвы за победу» объединяет большинство медиатекстов военной направленности. В этом контексте гибель военных переосмысливается через ритуальную формулу «кровь жертвы» – она очищает, скрепляет и оправдывает дальнейшие действия. Например: *«остановка наступающих боевиков в районе Кромских Быков, тяжелое сражение, стоившее немалой крови»* [12].

Или еще: *«...в каждой семье есть герои, проливавшие свою кровь за нашу свободу»* [15].

г. Ритуализация цифрового коммуникативного пространства.

Цифровое пространство современных медиа, пишущих на военные темы, имеет черты ритуального поведения. К последним относятся: регулярность публикаций утренних, вечерних, еженедельных сводок, повторяющиеся обороты речи [16, с. 107], использование унифицированных символов, коллективное действие и пр.

Так, к основным ритуализированным речевым оборотам утренних сводок на исследованных платформах можно отнести следующие: «нанесли удар», «ответ на удар», «маскированный удар», «ударили по объектам», «освобождение населенного пункта», «потери ВСУ», «установили контроль над», «сбили беспилотники» и др. Кроме того, активно в символическом значении используются лозунги: «Своих не бросаем!», «За Россию!».

К унифицированным символам современного медиадискурса военной направленности можно отнести использование букв «Z» или «V» в основном на иллюстрациях к публикациям, георгиевские ленты, российские флаги, цвета российского флага.

Повторяемость публикаций, речевых оборотов, иллюстративного материала формирует у аудитории ощущение причастности к чему-то большему, сакральному по своей природе, что характерно для традиционных культовых практик.

Заключение

Проведённое исследование репрезентации сакрализации в медиадискурсе военной направленности позволяет сделать ряд выводов когнитивно-прагматического характера. Во-первых, установлено, что сакрализация в данном типе дискурса представляет собой сложный, многоуровневый когнитивный механизм структурирования аксиологической картины мира. Ядром выступает базовая оппозиция «свое» – сакральное» vs «чужое – профанное», апеллирующая к концепту «Великая Отечественная война». Наделение современного события, действия или личности семантическими признаками, связанными с Победой 1945 г., сообщает им статус высшей, не подлежащей сомнению ценности.

Во-вторых, выявлены и систематизированы основные языковые и дискурсивные средства реализации сакрализации. К ним относятся: аксиологическая метафора «кровь как жертва», мифологизация через расширение лексического значения («слу-

жение» вместо «работа»), акциональный компонент. В условиях цифрового медиaprостранства функцию ритуальных практик выполняют регулярные рубрики (утренние/вечерние сводки), канонизированные речевые формулы («нанесли массированный удар», «установили контроль») и унифицированная визуальная символика (Z, V, георгиевская лента). Тем самым формируется не просто информационная, а ритуализированная коммуникативная среда, где повторяемость и коллективное соучастие (комментарии, репосты) генерируют у аудитории чувство сопричастности трансцендентному, характерное для традиционных культовых практик.

В-третьих, с прагматической точки зрения сакрализация в военном медиадискурсе служит инструментом *непрямого* воздействия, позволяя обходить прямую оценочную лексику и имплицитно формировать лояльность аудитории. Таким образом, когнитивно-прагматический подход демонстрирует, что медиадискурс военной направленности превращается в эффективный канал формирования ценностных ориентиров массового сознания, где лингвистические механизмы неразрывно связаны с культурными кодами национальной памяти.

Список источников

1. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20-33.
2. Беляева В.Э. Специфика качественной и бульварной прессы в эпоху размывания границ средств массовой информации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2023. Вып. 33, № 4. С. 960-965.
3. Шкуран О.В. Сакрализация языковой единицы кумир на материале медиатекстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Вып. 43, № 7. С. 48-54.
4. Коновалова Н.И. Принципы лексикографического представления сакральной семантики // Педагогическое образование в России, 2013. Вып. 6. С. 137-142.
5. Муравлева В.Р., Романов А.С., Клименко М.Б. Дихотомия «свой – чужой»: ценностные детерминанты семантики (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Вып. 17, № 5. С. 1590-1595. doi:10.30853/phil20240230.
6. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260521/kniga-2093533258.html> (дата обращения: 21.05.2026).

7. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260519/ukraina-2093415163.html> (дата обращения: 19.05.2026).
8. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260521/kniga-2093533258.html> (дата обращения: 10.05.2026).
9. Пешкова Н.П. Текстотипологические исследования уфимского направления «психолингвистики текста» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2026. № 1. С. 94-104. doi:10.31249/ling/2026.01.06.
10. Milroy L. Comprehension and Context: Successful Communication and Communicative Breakdown // Applied Sociolinguistics. L.: Academic Press. 1984. P. 7-31.
11. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260521/kniga-2093533258.html> (дата обращения: 12.05.2026).
12. Известия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/2082301/sergei-prudnikov/kak-dobrovolcy-veteranov-stanovyatsya-geroyami-rossii> (дата обращения: 24.04.2026).
13. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20260520/putin-2093629797.html> (дата обращения: 22.05.2026).
14. Известия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/2098958/veteran-svo-rasskazal-o-samopozhertvovanii-boitcov-vs-rf-v-operacii-potok-izi>. (дата обращения: 19.05.2026).
15. Известия. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/2093608/ilia-zhenin/pamiat-pobedy>. (дата обращения: 10.05.2026).
16. Циян Ф. Метафора негативной оценки: когнитивный механизм цепочки метафор «артефакт – болезнь» в российском бюрократическом дискурсе // Парадигма. 2025. № 9-2. С. 107-111.

References

1. Dobrosklonskaya T.G. Media discourse as an object of linguistics and intercultural communication // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2026. No. 2. P. 20-33.
2. Belyaeva V.E. Specifics of quality and tabloid press in the era of blurring of media boundaries // Bulletin of Udmurt University. Series "History and Philology". 2023. Issue 33, No. 4. P. 960-965.
3. Shkuran O.V. Sacralization of the language unit "kumir" (idol) based on media texts // Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2021. Issue 43, No. 7. P. 48-54.
4. Konovalova N.I. Principles of lexicographic representation of sacred semantics // Pedagogical education in Russia, 2013. Issue 6. P. 137-142.
5. Muravleva V.R., Romanov A.S., Klimenko M.B. Dichotomy "self – other": value determinants of semantics (based on Russian and English languages) // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2024. Issue 17, No. 5. P. 1590-1595. doi:10.30853/phil20240230.
6. RIA Novosti. [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20260521/kniga-2093533258.html> (date of access: 21.05.2026).
7. RIA Novosti. [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20260519/ukraina-2093415163.html> (date of access: 19.05.2026).
8. RIA Novosti. [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20260521/kniga-2093533258.html> (date of access: 10.05.2026).
9. Peshkova N.P. Text-typological studies of the Ufa direction of "psycholinguistics of text" // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. 2026. No. 1. 2026. P. 94-104. doi:10.31249/ling/2026.01.06.
10. Milroy L. Comprehension and Context: Successful Communication and Communicative Breakdown // Applied Sociolinguistics. L.: Academic Press. 1984. P. 7-31.

11. RIA Novosti. [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20260521/kniga-2093533258.html> (date of access: 12.05.2026).
12. Izvestia. [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/2082301/sergei-prudnikov/kak-dobrovolcy-veteranov-stanovyatsya-geroyami-rossii> (date of access: 24.04.2026).
13. RIA Novosti. [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20260520/putin-2093629797.html> (date of access: 22.05.2026).
14. Izvestia. [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/2098958/veteran-svo-rasskazal-o-samopozhertvovanii-boitcov-vs-rf-v-operacii-potok-izi> (date of access: 19.05.2026).
15. Izvestia. [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/2093608/ilia-zhenin/pamiat-pobedy> (date of access: 10.05.2026).
16. Tsiyan F. Metaphor of negative evaluation: cognitive mechanism of the chain of metaphors "artifact – disease" in Russian bureaucratic discourse // Paradigm. 2025. No. 9-2. P. 107-111.

Информация об авторе

Семухина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации, (410012, г. Саратов, ул. Московская, 158).

Information about the author

Elena A. Semukhina, candidate of philological sciences, associate professor, Saratov military order of Zhukov Red Banner institute of the national guard troops of the Russian Federation (410012, Saratov, Moskovskaya st., 158).

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья
УДК 81'25:791.228
EDN: <https://elibrary.ru/ALUOOG>

ОСОБЕННОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА РОССИЙСКОГО МУЛЬТСЕРИАЛА «МАША И МЕДВЕДЬ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Ткачёва Алина Игоревна

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
yunalina44@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются лингвистические средства, используемые для аудиовизуального перевода российского мультсериала «Маша и Медведь» на английский язык. Цель работы – выявление и систематизация способов аудиовизуальной адаптации, определение особенностей перевода стилистических приёмов и культурного контекста. Материалом послужили десять первых эпизодов мультсериала и их официальная дублированная английская версия. При помощи методов сравнительно-сопоставительного, лингвистического и контекстуального анализа были изучены ключевые переводческие трансформации. В результате установлено, что доминирующей стратегией является функциональная замена, используемая для передачи культурно-маркированной лексики: реалий, идиом, фольклорных аллюзий. Выявлено, что при дубляже часто происходит нейтрализация национально-культурного компонента и частичная утрата эмоционально-экспрессивной окраски, особенно при передаче уменьшительно-ласкательных форм. Показано, что замена специфических культурных единиц на универсальные аналоги обеспечивает доступность произведения для международной аудитории при сохранении общей развлекательной функции. Полученные результаты могут быть использованы в практике перевода детского анимационного контента и в преподавании теории перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, культурная адаптация, «Маша и Медведь», дубляж, реалия, стилистический приём, мультсериал, английский язык.

Для цитирования: Ткачёва А.И. Особенности аудиовизуального перевода российского мультсериала «Маша и Медведь» на английский язык // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 103-107.

FEATURES OF AUDIOVISUAL TRANSLATION OF THE RUSSIAN ANIMATED SERIES "MASHA AND THE BEAR" INTO ENGLISH

Alina I. Tkacheva

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk, Russia
yunalina44@gmail.com

Abstract. This article examines the linguistic means used for audiovisual translation of the Russian animated series "Masha and the Bear" into English. The aim is to identify and systematize the methods of audiovisual adaptation, and to determine the features of translating stylistic devices and cultural context. The research materials include the first ten episodes and their official English dubbed version. Using methods of comparative, linguo-stylistic and contextual analysis, the key translation transformations were studied. The results indicate that the dominant strategy is functional substitution, employed to convey culturally marked vocabulary:

realia, idioms, folklore allusions. It was revealed that dubbing often leads to the neutralization of the national-cultural component and a partial loss of emotional and expressive coloring, particularly in the transfer of diminutive forms. The study shows that replacing specific cultural items with universal analogues ensures accessibility for an international audience while preserving the overall entertainment function. The findings can be applied in the practice of translating children's animated content and in teaching translation theory.

Keywords: audiovisual translation, cultural adaptation, "Masha and the Bear", dubbing, realia, stylistic device, animated series, English language

For citation: Tkacheva A.I. Features of audiovisual translation of the russian animated series "Masha and the Bear" into english // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 103-107.

Введение

В эпоху глобализации аудиовизуальный перевод выступает важнейшим инструментом межкультурной коммуникации, обеспечивая доступ к иностранным медиапродуктам. Он адаптирует фильмы, сериалы и компьютерные игры для зрителей, говорящих на другом языке, при обязательном учёте не только вербального текста, но и визуальных и аудиальных элементов [3]. Основная цель аудиовизуального перевода – сделать произведение доступным для новой аудитории, одновременно сохранив его художественную и культурную ценность. К основным методам аудиовизуального перевода относятся дубляж, субтитры и закадровый перевод [4, 9]. Каждый из этих видов накладывает свои ограничения, однако все они требуют от переводчика высокой степени лингвокультурной компетенции.

Особую сложность представляет перевод анимационных фильмов, которые насыщены культурными элементами, отражающими традиции, быт и языковое сознание общества-носителя. Мультсериал «Маша и Медведь», созданный российской студией «Анимаккорд» в 2009 году, сочетает современные анимационные технологии с богатым культурным наследием. Главные герои – энергичная девочка Маша и добродушный Медведь – попадают в ситуации, охватывающие темы дружбы, семейных ценностей и юмора. Сериал изобилует ссылками на русские народные сказки, игры, блюда и традиции, что делает его узнаваемым для русскоязычного зрителя, но од-

новременно создаёт серьёзные переводческие трудности [1, 2]. Целью настоящего исследования является выявление и систематизация способов аудиовизуальной адаптации, а также определение особенностей перевода стилистических приёмов и культурного контекста в указанном мультсериале.

Материалы и методы

Эмпирическим материалом послужил официальный дубляж мультсериала «Маша и Медведь» на английский язык. Для детального анализа были отобраны первые десять эпизодов, в которых выявлялись все случаи использования культурно-маркированной лексики: бытовые реалии, идиомы, фольклорные аллюзии, пословицы и уменьшительно-ласкательные формы. Единицей анализа являлась переводческая пара «оригинальная реплика – дублированная реплика». Теоретической базой послужили научные работы, посвящённые проблемам аудиовизуального перевода и лингвокультурной адаптации [1, 3, 6, 8, 9]. В ходе исследования применялись методы: обзорно-аналитический (изучение научной литературы), сравнительно-сопоставительный (параллельный анализ русского и английского текстов), лингвостилистический (описание тропов и стилистических фигур) и описательный.

Результаты исследования

Проведённый сравнительный анализ показал, что в английской версии мультсериала доминирующей переводческой стратегией является функциональная замена, позво-

ляющая адаптировать культурно-специфическую лексику к картине мира англоязычного зрителя. Так, в одной из серий русская поговорка «как с гуся вода» передана устойчивым английским эквивалентом «like water off a duck's back». Подобный приём позволяет полностью сохранить прагматический смысл высказывания, хотя буквальный образ воды и гуся уступает место образу утки [1, 6]. Аналогичный подход используется при переводе названий блюд и бытовых реалий: «пирожки» передаются как «pies», «варенье» – как «jam», что нейтрализует национальную специфику, но гарантирует мгновенное понимание. В тех случаях, когда реалия обладает сюжетообразующей функцией, переводчики прибегают к адаптации с заменой на функциональный аналог: так, знаменитый персонаж русских сказок «колобок» превращается в «gingerbread head», что вызывает у англоговорящего ребёнка ассоциацию с пряничным человечком и сохраняет комический эффект эпизода.

Особого внимания заслуживает передача стилистических приёмов. Речь главной героини Маши насыщена уменьшительно-ласкательными формами («ложечка», «чашечка», «медвежонок»), которые в русском языке не только выражают малый размер, но и передают нежность, детскую непосредственность. Английский язык обладает значительно меньшим арсеналом диминутивных суффиксов, поэтому в подавляющем большинстве случаев переводчики вынуждены отказываться от них, прибегая к лексической компенсации с помощью прилагательных «little», «tiny» или интонационных средств дубляжа [10]. Например, русская фраза «Дай ложечку!» в английском варианте звучит как «Give me the spoon!», что ведёт к частичной утрате эмоциональной окраски, но сохраняет динамику и понятность для англоязычного ребёнка. Игра слов и каламбур, построенные на многозначности русских лексем, также представляют собой серьёзную переводческую проблему. В проанализированном материале они, как

правило, передаются путём создания нового каламбура на английском языке в том же контексте (транскреация) [8] либо, при невозможности такой замены, опускаются с компенсацией в другом фрагменте эпизода [5].

Юмор, основанный на аллюзиях к русскому фольклору, в английской версии подвергается наиболее радикальной адаптации. Эпизод, в котором Медведь и Маша инсценируют сюжет сказки «Репка», в английском переводе превращается в игру, напоминающую по структуре известную английскую народную песенку «The House that Jack Built», что позволяет сохранить абсурдистский юмор и ритмическую организацию сцены. Ссылки на традиционные русские игры – «классики», «прятки» – заменяются их непосредственными англоязычными эквивалентами «hopscotch» и «hide-and-seek». В случае, когда в оригинале упоминаются персонажи, неизвестные западному зрителю (например, Дед Мороз в несезонном контексте), используется либо гипероним «Santa Claus», либо генерализация «a magical old man». Таким образом, переводчики стремятся не столько познакомить зарубежного зрителя с русской культурой, сколько обеспечить комфортное и беспрепятственное восприятие юмора и сюжета [2, 7].

Анализ также показал, что транскрипция и транслитерация как способы передачи культурно-специфической лексики используются крайне ограниченно, в основном для ономастических реалий (имя «Маша» передано как «Masha», «Медведь» – как «Bear» с полным сохранением семантики зоонима). Доминирование адаптационных стратегий обусловлено как жёсткими техническими ограничениями дубляжа (необходимостью попадания в артикуляцию и хронометраж), так и установкой на максимальную доступность сериала для детской аудитории, не обладающей фоновыми знаниями о чужой культуре.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что аудиовизуальный перевод

мультсериала «Маша и Медведь» на английский язык представляет собой сложный процесс балансирования между сохранением национального своеобразия и обеспечением доступности для иноязычной аудитории. Наиболее частотными способами передачи культурно-специфической лексики выступают подбор функционального аналога и лексическая замена, в то время как транскрипция и транслитерация применяются ограниченно, преимущественно при передаче имён собственных. Установлено, что дубляж как вид аудиовизуального перевода накладывает существенные ограничения на возможность полноценной передачи уменьшительно-ласкательных форм и игры слов,

что приводит к нейтрализации части национально-культурного компонента. Именно благодаря качественно выполненной адаптации, ориентированной на узнаваемые англоязычной публикой образы и реалии, сериал приобрёл популярность в более чем ста странах, преодолев языковые и культурные барьеры. Дальнейшие исследования в области аудиовизуального перевода детского контента должны быть направлены на поиск более эффективных стратегий сохранения культурной идентичности оригинала с учётом возрастных особенностей зрителей и развития современных технологий перевода.

Список источников

1. Осиянова А.В., Циммерман Ю.Ф. Передача реалий при переводе мультсериала «Маша и Медведь» на английский язык // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 4. С. 1-10.
2. Logutenkova O. Лингвокультурные аспекты аудиовизуального перевода: мультсериал «Маша и Медведь» в контексте английского и греческого языков // MUNDO ESLAVO. 2025. № 24. С. 45-60.
3. Куллекова Х.Ш. Аудиовизуальный перевод: понятие, функции и специфика // Молодой ученый. 2023. № 44 (491). С. 385-386.
4. Аносова Н.Э. Закадровый перевод и субтитрирование: особенности и перспективы // Перспективы науки и образования. 2018. № 1 (31). С. 179-182.
5. Лещенко К.В. Лексические трансформации при переводе названий мультфильмов: анализ частотности и их обусловленность // Межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Полоцк, 4 апр. 2025 г. Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2025. С. 120-125.
6. Тарасова А.А. Аудиовизуальный перевод: как сохранить идиомы и культурные контексты // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 10 (148). С. 133-135. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-10-4-133-135.
7. Гостева М., Леонова Е. Особенности лингвокультурной адаптации мультсериала «Смешарики» // Язык как структура и дискурсивная практика. 2025. № 4. С. 37-43.
8. Волкова И.Д., Митягина В.А. Транскреация в аудиовизуальном переводе кинофильмов // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 1005-1014.
9. Chaume F. Audiovisual Translation: Dubbing. 1st ed. London: Routledge, 2012. 224 p.
10. Díaz Cintas J., Anderman G. Audiovisual Translation: Language Transfer on Screen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p.

References

1. Osyanova A.V., Tsimmerman Yu.F. Transfer of Realia in the Translation of the Animated Series "Masha and the Bear" into English. Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya. 2022. Vol. 13, No. 4. P. 1-10.

2. Logutenkova O. Linguistic and Cultural Aspects of Audiovisual Translation: The Animated Series "Masha and the Bear" in the Context of English and Greek Languages. *MUNDO ESLAVO*. 2025. No. 24. P. 45-60.
3. Kullekova Kh.Sh. Audiovisual Translation: Concept, Functions and Specifics. *Molodoy uchenyy*. 2023. No. 44 (491). P. 385–386.
4. Anosova N.E. Voice-over Translation and Subtitling: Features and Prospects. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2018. No. 1 (31). P. 179-182.
5. Leshchenko K.V. Lexical Transformations in the Translation of Cartoon Titles: Frequency Analysis and their Conditionality. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Polotsk, 4 Apr. 2025 g. Novopolotsk: Polotsk State University, 2025*. P. 120-125.
6. Tarasova A.A. Audiovisual Translation: How to Preserve Idioms and Cultural Contexts. *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 2024. No. 10 (148). P. 133-135. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-10-4-133-135.
7. Gosteva M., Leonova E. Features of Linguocultural Adaptation of the Animated Series "Smeshariki". *Yazyk kak struktura i diskursivnaya praktika*. 2025. No. 4. P. 37-43.
8. Volkova I.D., Mityagina V.A. Transcreation in Audiovisual Translation of Films. *Journal of SFU. Humanities*. 2023. Vol. 16, No. 6. P. 1005-1014.
9. Chaume F. *Audiovisual Translation: Dubbing*. 1st ed. London: Routledge, 2012. 224 p.
10. Díaz Cintas J., Anderman G. *Audiovisual Translation: Language Transfer on Screen*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p.

Информация об авторе

Ткачёва Алина Игоревна, Новосибирский государственный педагогический университет (630126, Новосибирск, ул. Вилуйская, 28).

Information about the author

Alina I. Tkacheva, Novosibirsk state pedagogical university (630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya st., 28).

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 159.942

EDN: <https://elibrary.ru/DBYITY>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Чалова Анастасия Васильевна¹

Глибина Анна Алексеевна²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

² Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹chalovachinese@yandex.ru

Аннотация. Метафора как один из ключевых механизмов когнитивной деятельности играет важную роль в формировании смысловых структур текста. При переводе метафор с английского на русский язык переводчику необходимо учитывать культурные, лингвистические и прагматические факторы, определяющие восприятие метафорического образа. В статье рассматриваются основные типы метафор, типичные трудности при их переводе, а также стратегии, позволяющие сохранить выразительность и функциональность исходного сообщения.

Ключевые слова: метафора, перевод, когнитивная метафора, идиоматичность, межкультурная коммуникация.

Для цитирования: Чалова А.В., Глибина А.А. Особенности перевода метафор с английского на русский язык // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 108-112.

FEATURES OF TRANSLATING METAPHORS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Anastasia V. Chalova¹, Anna A. Glibina²

^{1,2} Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹chalovachinese@yandex.ru

Abstract. Metaphor is one of the fundamental mechanisms of cognitive activity and plays an essential role in the formation of semantic structures within a text. When translating metaphors from English into Russian, the translator must consider cultural, linguistic, and pragmatic factors that shape the reader's perception of metaphoric imagery. The article discusses the main types of metaphors, typical challenges in translating them, and the strategies that help preserve expressiveness and functional equivalence.

Keywords: metaphor, translation, cognitive metaphor, idiomaticity, intercultural communication.

For citation: Chalova A.V., Glibina. A.A. Features of translating metaphors from english into russian // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 108-112.

Метафора имеет множество определений, она является одним из наиболее значимых языковых явлений, представляя собой не только художественный прием, но и фундаментальный способ концептуализации реальности. Наиболее распространенным определением метафоры является следующее: «Метафора (метафорическая модель) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [2, с. 177-178].

В современной лингвистике метафора рассматривается как средство репрезентации абстрактных понятий через более конкретные, что делает ее ключевым механизмом когнитивной деятельности. При переводе метафорического выражения переводчик сталкивается с необходимостью передать не только логическое содержание, но и образность, прагматическую направленность, культурный контекст. В условиях межкультурной коммуникации роль метафоры возрастает, поскольку различия в ментальных моделях носителей разных языков приводят к изменению способов интерпретации текста.

Предметом настоящей статьи является специфика перевода метафор с английского языка на русский, а также анализ факторов, определяющих выбор переводческой стратегии. Данное исследование создаёт основу для будущей выпускной квалификационной работы, в которой будет проведён расширенный корпусный анализ метафорических выражений и их переводов.

Наиболее распространенная характеристика видов метафор, которую предлагает современная школьная программа, в основном зависит от основания и признака переноса предмета:

- **метонимия** – представляет собой процесс переноса наименования с одного предмета на другой на основании их смежности (например, название посуды на её содержимое – «выпил всю бутылку», или авторское имя на произведение – «читал Пушкина», или название места на происходящее там событие – «переговоры прошли в Женеве», «Женева приняла решение»);

- **синекдоха** – употребление названия целого вместо его части и наоборот (например, «пуще всего береги копейку» – часть вместо целого, или «и слышно было до рассвета, как ликовал француз» – единственное число вместо множественного, или «в аудитории стояла тишина: ни одной головы не повернулось» – часть тела вместо человека);

- **перифраз** – замена простого выражения описательным оборотом (например, «царь зверей» вместо «лев», или «страна восходящего солнца» вместо «Япония», или «железный конь» вместо «поезд»);

- **олицетворение** – наделение неодушевленных предметов, природных явлений и животных человеческими свойствами и способностями (например, «поёт, аукает зима», или «ветер шепчет в листве», или «солнце улыбается»).

Н.Д. Арутюнова в своих исследованиях предлагает следующую классификацию метафор:

- номинативная, выступающая как перенос наименования, при котором одно значение замещается другим;

- образная метафора, формирующая наглядное представление о предмете и обладающая оценочной окраской;

- когнитивная, отражающая реальную или приписываемую общность предметов;

- генерализующая, приводящая к размытию границ логического порядка в лексическом значении слова [1, с. 366].

М.В. Никитин классифицирует метафоры в зависимости от сходства признаков в денотатах, выделяя:

- онтологическую, включающую прямую и структурную разновидности и характери-

зующуюся наличием общего свойства у сопоставляемых объектов;

- синестезическую, основанную на сходстве, возникающем в результате механизмов переработки информации;

- эмотивно-оценочную, предполагающую переход из когнитивного плана сознания в прагматический [5, с. 37].

В классических исследованиях (Дж. Лакофф, М. Джонсон) метафора понимается как механизм переосмысления опыта, в котором одна концептуальная область переносится на другую. С точки зрения когнитивной семантики, метафоры представляют собой структурные связи, формирующие картину мира носителей языка [3]. Например, широко распространённая в английском языке метафора **«argument is war»** (**«аргументация – это война»**) формирует выражения **«to defend a point, to attack an argument»**, которые в русском языке частично совпадают, но имеют иную частотность и стилистическую нагрузку.

Существуют различные типологии метафор, полезные для переводческого анализа:

- структурные метафоры, в которых одна концептуальная область структурируется при помощи другой;

- онтологические метафоры, позволяющие осмыслить абстрактное как материальное;

- ориентационные метафоры, основанные на пространственных представлениях (**«up – down, in – out»** и др.);

- культурно специфические метафоры, требующие глубокого знания традиций и символических систем.

Перевод метафоры сложен тем, что она представляет собой многослойный феномен, включающий когнитивный, культурный, эмоциональный, стилистический и прагматический аспекты. Перечислим основные трудности.

1. Культурная несопоставимость образов. Некоторые метафоры опираются на реалии, отсутствующие в культуре рецептора. Например, метафора **«to carry coals to Newcastle»** требует русской адаптации (**«ездить в Тулу со своим самоваром»**).

2. Отсутствие прямых структурных аналогов. В английском языке многие метафорические выражения стали клише, в то время как в русском они звучали бы искусственно или чрезмерно стилистически окрашено.

3. Различие в степени метафоризации. Одно и то же выражение может восприниматься в одном языке как метафора, а в другом – как нейтральная идиома.

4. Многозначность и контекстуальная зависимость. Авторские метафоры могут иметь несколько уровней интерпретации, и задача переводчика – сохранить как можно больше смыслов, не перегружая текст.

Выбор стратегии перевода метафоры зависит от жанра текста, целевой аудитории, коммуникативной задачи и культурного контекста. Наиболее распространенные стратегии:

1. Полное сохранение метафоры. Применяется, когда образ универсален: **«Time heals all wounds»** – **Время лечит**.

2. Частичное сохранение образности. Например, **«to break the ice»** – **разрядить обстановку**, без прямой метафоры, но с сохранением функции.

3. Метафорическая замена. **«As stubborn as a mule»** – **упрям как осёл**, использование русского эквивалента.

4. Деметафоризация. Применяется, когда буквальное сохранение выглядит неестественно. Например, **«to bite the bullet»** – **смириться**.

5. Создание новой метафоры. Допускается в художественных переводах при необходимости сохранить эмоциональный эффект.

При анализе примеров, рассмотрим ряд метафорических выражений:

«The heart of the city» – универсальная метафора, легко передаваемая: **«сердце города»**.

«To throw someone under the bus» – трудная культурно окрашенная метафора. Возможные варианты: **«подставить кого-то»**, **«переложить вину»**, в зависимости от контекста.

«Cloud of suspicion» – образ легко переносится на русский: **«облако подозрений»**.

«**To plant an idea**» – в русском возможно как метафорическое, так и нейтральное выражение: «**посеять идею**», «**внушить мысль**».

«**A whirlwind of emotions**» – соответствующий русскому образ: «**вихрь эмоций**».

Перевод метафор в научных, публицистических и художественных текстах зависит от стиля текста. Сама метафора выполняет различные функции, что влияет на способ её перевода.

Научный стиль: метафоры выступают средством терминологизации (например, **genetic code, information flow**). В этом случае важна однозначность.

Публицистика: метафоры усиливают воздействие на аудиторию, создавая яркие образы. Например: «**economic storm**», «**political earthquake**».

Художественный стиль: метафоры формируют индивидуальный авторский мир. Переводчик стремится сохранить эстетику, ритм, эмоции.

Со времен Аристотеля, и самого первого момента возникновения метафоры, она подвергалась пристальному рассмотрению с различных углов зрения. До сих пор существуют множество типов определения самого понятия метафоры.

Однако, характеризуя метафоры, наука сходится в том, что все ее понятия имеют переносный смысл с одного на другое [4, с. 24].

Можно сказать, что рассмотрев приведенные выше метафоры, в любой из них

можно выделить предмет, образ, и признак сравнения.

Метафора считается явлением многоаспектным, что делает ее предметом изучения различных отраслей и наук. Больше всего эта область изучена в лингвистике [4, с. 37].

Современные подходы к классификации метафор, как и в прошлом, не отличаются единообразием и опираются на различные основания деления.

Несмотря на разнообразие существующих типологий, метафора остаётся важным средством выражения имплицитного сравнения, необходимого для передачи богатства и выразительности художественной речи.

Более того, использование метафор способствует повышению динамичности, лаконичности и точности высказывания, делая его более понятным для адресата. Метафора выступает не только как средство образности, но и как механизм формирования новых смыслов в языке.

В заключение нужно сказать, что метафора как межъязыковой и межкультурный феномен требует комплексного подхода к переводу. При работе с английскими метафорами переводчик сталкивается с задачей поиска баланса между дословностью и адаптацией, между сохранением образности и ясностью текста. Эффективный перевод зависит от способности переводчика учитывать когнитивные модели, культурные символы и жанровые особенности текста.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1998. 366 с.
2. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. СПб.: Филологический факультет // Государственный университет, 2002. С. 177-178.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие / О.С. Иссерс. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 224 с.: ил. [Электронный ресурс]. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83443> (дата обращения: 26.04.2026).
4. Михеева Е.В. Многомерная метафора / Е.В. Михеева. М.: Сам полиграфист, 2021. 72 с.
5. Никитин М.Б. Метафорический потенциал слова и его реализация / М.Б. Никитин // Проблема теории европейских языков / Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева, Л.Б. Копчук. СПб.: Изд-во «Тригон», 2001. С. 37-38.

Reference

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man / N.D. Arutyunova. M.: Languages of Russian Culture, 1998. 366 p.
2. Glazunova, O.I. The Logic of Metaphorical Transformations / O.I. Glazunova. St. Petersburg: Faculty of Philology // State University, 2002. P. 177-178.
3. Issers O.S. Speech impact: a textbook / O.S. Issers. 4th ed., ster. M.: FLINTA, 2016. 224 p.: ill. [Electronic resource]. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=83443> (date of access: 26.04.2026).
4. Mikheeva E.V. Multidimensional metaphor / E.V. Mikheeva. M.: The polygraphist Himself, 2021. 72 p.
5. Nikitin M.B. Metaphorical potential of the word and its realization / M.B. Nikitin // The problem of the theory of European languages / Ed. by V.M. Arinstein, N.A. Abieva, L.B. Kopchuk. St. Petersburg: Trigon Publishing House, 2001. P. 37-38.

Информация об авторах

Чалова Анастасия Васильевна, Новосибирский государственный педагогический университет (630126, Новосибирск, ул. Вилуйская, 28).

Глибина Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (630126, Новосибирск, ул. Вилуйская, 28).

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Anastasia V. Chalova, Novosibirsk state pedagogical university (630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya st., 28).

Anna A. Glibina, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk state pedagogical university (630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya st., 28).

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 06.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 81'1

EDN: <https://elibrary.ru/EZCLMT>

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Чистюхина Евгения Александровна¹

Кузнецов-Храмов Михаил Сергеевич²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹etschisthuchina@mail.ru, ²kuznetsov-hramov2017@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию фразеологизмов военной тематики как фрагмента русскоязычной картины мира военной сферы. Авторы отмечают, что фразеологический фонд является уникальным хранилищем коллективного опыта этноса, его ценностных ориентиров и нравственных установок, а военная сфера представляет собой особый социум с собственной системой идеалов. Материалом исследования послужили фразеологические единицы, извлеченные методом целенаправленной выборки из фразеологических словарей русского языка. В ходе анализа авторами было выделено девять тематических групп: «Характеристика военнослужащих», «Война. Боевые действия», «Готовность к войне», «Потери», «Дисциплина и наказание», «Фразеологизмы-клише из уставов и команд», «Поражение», «Вооружение», «Армия». Изучение содержательной стороны отобранных фразеологизмов позволило выявить закодированные в них ценностные доминанты русского этноса: приоритет общего над личным, готовность к самопожертвованию ради Родины, стойкость, единство перед врагом, уважение к воинскому долгу и чести.

Ключевые слова: русскоязычная картина мира военной сферы, фразеологизмы военной тематики, ценностные установки, морально-нравственные ориентиры.

Для цитирования: Чистюхина Е.А., Кузнецов-Храмов М.С. Фразеологизмы военной тематики как фрагмент языковой картины мира (на материале русского языка) // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 113-119.

MILITARY PHRASEOLOGICAL UNITS AS A FRAGMENT OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

Evgenia A. Chistyukhina¹, Mikhail S. Kuznetsov-Khramov²

^{1, 2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹etschisthuchina@mail.ru, ²kuznetsov-hramov2017@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of military phraseological units as a fragment of the Russian-language worldview of the military sphere. The authors note that phraseological units reflect the collective experience of an ethnic group, its value orientations and moral attitudes, and the military sphere is a special society with its own system of ideals. The research is conducted on the material of phraseological units extracted by means of a targeted sampling method from Russian phraseological dictionaries. In the course of the analysis, the authors identified nine thematic groups: "Characteristics of Military Personnel", "War. Combat Operations", "Readiness

for War”, “Losses”, “Discipline and Punishment”, “Phraseological Clichés from Regulations and Commands”, “Defeat”, “Armament”, and “The Army”. The study of the semantic content of the selected phraseological units made it possible to identify the value dominants of the Russian ethnic group: the priority of the common over the personal, readiness for self-sacrifice for the Motherland, fortitude, unity against the enemy, and respect for military duty and honor.

Keywords: Russian-language worldview of the military sphere, military phraseological units, value orientations, moral and ethical guidelines.

For citation: Chistyukhina E.A. Kuznetsov-Khramov M.S. Military phraseological units as a fragment of the linguistic worldview (based on the material of the Russian language) // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 113-119.

Введение

Фразеологический фонд является уникальным фрагментом языковой картины мира [1, с. 365]. В нем отражается специфика восприятия носителями языка явлений и предметов окружающего мира [2, с. 256], а также содержится ценностный компонент, фиксирующий коллективный опыт этноса в соответствии с принятыми в данном обществе понятиями о морали и нравственности [2, с. 253].

Фразеологические единицы языка прочно вошли во все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и военную, где они отражают «особую систему нравственных идеалов и духовных ценностей» [3, с. 91].

Фразеологизмы военной тематики исследуются в работах различных лингвистов на материале разных языков. Так, Е.В. Лупанова посредством закрепившихся во фразеологизмах военной сферы образов выявляет особенности мировоззрения как представителей английской лингвокультуры в целом, так и вооруженных сил в частности» [4, с. 4]. А.А. Соколова в своих работах отмечает факт недостаточной изученности фразеологизмов военной тематики, их неполного отражения во фразеологических словарях русского языка и указывает на необходимость создания автономного словаря фразеологизмов военной сферы [5]. О.П. Фесенко и Т.Н. Гурулева сопоставляют фразеологизмы в русском и китайском языках, отмечая сходства и различия в выделенных ими семантических группах фразеологизмов [6]. Л.А. Семенова затрагивает проблему адекватного перевода фразеоло-

гизмов военной тематики, использующихся в текстах СМИ, с английского языка на русский [7]. Как видим, фразеологизмы военной тематики исследуются с различных сторон: лингвокультурологической, лексикографической, переводоведческой, сравнительно-сопоставительной, аксиологической и т.д. Несмотря на большое количество научных работ, посвященных военной фразеологии, фразеологизмы военной тематики все еще предоставляют широкое поле для проведения исследований.

Материалы и методы

В настоящей работе предпринимается попытка выявить особенности русскоязычной картины мира военной сферы, а именно «морально-нравственные ориентиры и установки этноса» [8] посредством фразеологического анализа военных фразеологизмов, извлеченных методом целенаправленной выборки из Фразеологического словаря современного русского языка Ю.А. Ларионова [9] и Фразеологического словаря русского литературного языка А.И. Федорова [10].

Результаты и обсуждение

Фразеологизмы военной тематики трактуются с точки зрения узкого и широкого подходов. В узком смысле к фразеологизмам военной сферы относятся те, которые родились в среде военных и предназначены для обозначения явлений, связанных с армией. Широкая трактовка предполагает включение в состав фразеологизмов военной тематики всех фразеологизмов, среди компонентов которых есть слова так или иначе связанные с военной сферой [11].

В настоящей работе мы придерживаемся широкого понимания фразеологизмов военной тематики.

Извлеченные в ходе исследования фразеологизмы военной тематики были разделены на 9 тематических групп: «Характеристика военнослужащих» (25 %), «Война. Боевые действия» (20 %), «Готовность к войне» (16 %), «Потери» (11 %), «Дисциплина и наказание» (9 %), «Фразеологизмы-клише из уставов и команд» (5 %), «Поражение» (5 %), «Вооружение» (5 %), «Армия» (4 %). Фразеологизмы каждой тематической группы позволяют получить некоторые представления о русскоязычной картине мира военной сферы. Рассмотрим наиболее многочисленные группы фразеологических единиц.

I. Характеристика военнослужащих: *армейская косточка / военная косточка, служить верой и правдой, солдатская косточка, единым фронтом, марать мундир, пасть смертью храбрых, честь мундира, подставлять лоб под пулю, на щите или со (под) щитом, гарнизонная крыса, аннибалова клятва.*

Анализ содержательной стороны приведенных в рассматриваемой группе фразеологизмов позволяет сделать следующие выводы о русскоязычной картине мира военной сферы, в частности о важнейших чертах русского воина. Фразеологизмы «служить верой и правдой» и «честь мундира» указывают на ценность воинского долга и служения. Военная служба – это не просто работа, а священный долг воина, стоящего на защите Родины. Настоящий воин никогда не замарает мундир, а будет с честью и достоинством выполнять возложенные на него служебные и боевые задачи.

Фразеологизмы «пасть смертью храбрых», «подставлять лоб под пулю», «на щите или со щитом» и «аннибалова клятва» отражают такие представления о русском воине, как героизм, готовность к самопожертвованию и решимость сражаться до победного конца. Русский воин готов отдать свою жизнь за Отечество, в его сердце нет

места трусости. Смерть ради отчизны предстает как достойный финал.

Фразеологизм «единым фронтом» объективизирует такую важную ценность как единство, сплоченность перед лицом врага. Одним из условий победы над врагом являются общие, согласованные действия.

Фразеологизмы «армейская косточка» и «солдатская косточка» показывают, что в военном сообществе существует определенная иерархия. Среди военнослужащих есть как кадровые офицеры с правильным военным воспитанием и связями в военных кругах, так и простолюдины. Также среди них есть так называемые гарнизонные крысы, которые не являются истинными бойцами, их служба лишена героизма и наполнена рутиной.

Таким образом, главными качествами русского воина исходя из проанализированных фразеологизмов являются долг, честь, героизм, самопожертвование, сплоченность, готовность идти до победного конца.

II. Война. Боевые действия: *в воздухе пахнет порохом, главная квартира, между двух огней, обнажать меч, хвататься за оружие / взяться за оружие, поднимать оружие, боевое крещение, на два фронта, пушечное мясо.*

Значения фразеологизмов рассматриваемой группы позволяют сформулировать следующие выводы о русскоязычной картине мира военной сферы. Война предстает как часть человеческого бытия, иногда она неизбежна. Фразеологизм «в воздухе пахнет порохом» указывает на то, что война – это физически ощутимая реальность.

Во время войны существует четкая иерархия. Есть так называемый головной центр («главная квартира»), который разрабатывает планы, принимает решения, отдает команды, и те, кто исполняют данные команды, воплощают планы и принятые решения в реальности, часто ценой собственной жизни (пушечное мясо). При этом фразеологизм «пушечное мясо» обнажает бесчеловечность войны, в которой часто солдаты превращаются в расходный материал. Как

видим, русскоязычная картина мира военной сферы включает в себя не только представления о героической смерти, но и о том, что она может быть бессмысленной.

Война осмысливается как некое пространство, в котором существуют угрозы и направления действия. Опасность на поле боя может возникнуть с разных сторон («между двух огней»). Нередко успех военной операции зависит от умения действовать в нескольких направлениях одновременно («на два фронта»).

Фразеологизмы «обнажать меч», «хвататься за оружие» и «поднимать оружие» являются синонимами и описывают войну как активный и волевой жест. Они подчеркивают готовность противостоящей стороны оказать мощное сопротивление, стойко стоять до конца, защищая свое государство.

Фразеологизм «боевое крещение» весьма метафоричен. Он указывает на то, что первое участие в бою – это не просто эпизод в жизни, это особенный акт перехода в новое состояние, в состояние настоящего воина.

III. Готовность к войне: *во всеоружии, держать порох сухим, ковать оружие, браться оружием, брать в руки оружие, не выпускать меча из рук, за щитами стоять.*

Содержание представленных в рассматриваемой группе фразеологизмов указывает на такие составляющие военной сферы русскоязычной картины мира, как готовность к войне, постоянная бдительность и стратегическая осмотрительность. Готовность к войне предстает как перманентное состояние русского народа, который на протяжении всего своего существования вынужден бороться за свою независимость и суверенитет своего государства. Настоящий русский воин никогда не должен расслабляться, поскольку угроза может возникнуть в любой момент и с любой стороны (не выпускать меча из рук).

Фразеологизмы «ковать оружие», «браться оружием» и «во всеоружии» демонстрируют три стадии подготовки к военным действиям: начало, когда создаются

средства защиты, нападения и борьбы; демонстрация силы в целях устрашения противника без непосредственного ее применения; полная готовность, когда воинствующая сторона обладает полным набором средств для борьбы с противником.

Перечисленные в данной группе фразеологизмы подчеркивают двойственную природу военных действий. Они могут быть наступательными («ковать оружие», «браться оружием», «брать в руки оружие») и оборонительными («за щитами стоять»).

Таким образом, фразеологизмы рассматриваемой группы показывают, что в русскоязычной картине мира военной сферы мир предстает как полный потенциальных угроз, которые могут реализоваться в любой момент. Выживание и успех зависят от способности поддерживать постоянную, тотальную готовность («во всеоружии»). Эта готовность достигается через непрерывный труд («держать порох сухим», «ковать оружие») и требует железной дисциплины и бдительности («не выпускать меча из рук»). Русский народ не нападает первым, но он должен быть настолько сильным и готовым, чтобы любая агрессия против него оказалась бессмысленной или фатальной для агрессора. Русский народ – защитник, а не агрессор.

IV. Потери: *без вести пропавший, лечь головой, лечь костью, лить кровь за кого-либо за что-либо, малой кровью.*

Значения анализируемых фразеологизмов позволяют сделать следующие выводы о русскоязычной картине мира военной сферы. Фразеологизмы «лечь головой», «лечь костью» и «лить кровь за кого-либо, что-либо» указывают на неизбежность потерь во время войны и демонстрируют готовность военнослужащих сознательно и добровольно и с достоинством принести себя в жертву, защищая свою страну.

Фразеологизм «малой кровью» показывает, что одной из важных задач во время боевых действий является достижение цели с минимальными затратами, с минимальными потерями личного состава.

Фразеологизм «без вести пропавший» подчеркивает еще одну трагическую сторону войны. Пропать без вести – это страшная участь, это смерть, лишенная смысла и памяти, не имеющая ни доказательств, ни места. Это ужасная потеря для семьи и страны.

Как видим, в русскоязычной картине мира существует противопоставление двух видов смерти на поле боя: героическая смерть как с честью и достоинством выполненный долг и смерть без смысла, свидетельства и могилы как некая незавершенность и неизвестность.

V. Дисциплина и наказание: *попасть / быть под раздачей, получить на орехи / задать орехов, устроить взбучку, палочный караул.*

Значения приведенных фразеологизмов позволяют сделать вывод о том, что в армии и на войне существует строгая система наказания. Часто наказание оказывается несправедливым, о чем свидетельствует фразеологизм «попасть / быть под раздачей». Фразеологические единицы «получить на орехи / задать орехов», «устроить взбучку / вздуть», «палочный караул» показывают, что наказания в армии и на войне могут быть очень суровыми. С одной стороны, наказание воспринимается как один из инструментов поддержания порядка и дисциплины, с другой стороны оно формирует в военнослужащих такие положительные качества, как умение стойко переносить все трудности, учит их соблюдать дисциплину и поддерживать порядок, что является немаловажным во время боевых действий.

VI. Поражение: *без выстрела, складывать оружие.*

Значения данных фразеологизмов показывают, что война заканчивается поражением одной из противоборствующих сторон. Обе фразеологические единицы указывают на поражение без какого-либо сопротивления, признание своей неспособности одержать победу, согласие со своим тактическим и стратегическим поражением ради сохранения своей жизни и жизни своего

личного состава, добровольное прекращение огня. Это своего рода прагматичный, но не героический выбор одной из сторон. Фразеологизмы данной группы являются противопоставлением фразеологизмам «лечь костями» и «лечь головой», которые указывают на сопротивление врагу до абсолютного, тотального конца, ценой собственной жизни.

Таким образом, в русскоязычной картине мира есть место как для героического самопожертвования, так и для осознанной капитуляции, которая не приравнивается к позору, а является трудным, но иногда необходимым решением.

Итак, отобранные нами русские фразеологизмы военной сферы главным образом описывают военнослужащих и боевые действия. Они указывают на необходимость быть в постоянной готовности к войне. Важными условиями достижения успехов на войне представляются дисциплина и вооружение. Неизбежными во время войны являются потери. Небольшое количество фразеологизмов содержат в себе указание на поражение, описывают армию, а также представляют собой клише из уставов и команд.

Выводы

Таким образом, фразеологизмы военной тематики представляют собой не просто совокупность устойчивых выражений, а целостную микросистему, в которой закодированы ключевые ценностные доминанты русского этноса: приоритет общего над личным, готовность к самопожертвованию ради Родины, стойкость перед лицом опасности, единство перед врагом, уважение к воинскому долгу и чести. Изучение данных единиц позволяет глубже понять ценностные установки и морально-нравственные ориентиры, сформировавшиеся под влиянием многовекового военного опыта народа и продолжающие оказывать воздействие на современное общественное сознание.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в сопоставительном анализе рус-

ских фразеологизмов военной тематики с зоологической картины мира под влиянием аналогичными единицами в других языках, современных социокультурных и политических процессов.

Список источников

1. Лупанова Е.В. Фразеологизмы военной тематики как отражение социальных отношений военнослужащих // Преподаватель XXI век. 2017. № 4-2. С. 364-372.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
3. Митрахович В.А. Специфические характеристики военного социума // Образование и наука. 2007. № 5. С. 91-99.
4. Лупанова Е.В. Фразеологическая картина мира представителя англо-американской военной субкультуры: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2018. 25 с.
5. Соколова А.А. Отражение фразеологизмов военной тематики в словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 368-370.
6. Гурулева Т.Л., Фесенко О.П. Типологические, этимологические и когнитивные аспекты сопоставления фразеологизмов военной тематики в русском и китайском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С. 5-29.
7. Семенова Л.А. Передача прагматического потенциала фразеологизмов военной тематики при переводе текстов СМИ // Актуальные вопросы лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве: материалы IX Международной молодежной научно-практической конференции, Омск, 29 мая 2020 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2020. С. 17-23.
8. Лупанова Е.В. Отражение субкультуры в семантике фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-2 (670). С. 142-145.
9. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. 512 с.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка А.И. Федорова. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov> (дата обращения: 18.10.2025).
11. Фесенко О.П. Военная фразеология: содержание термина и критерии выделения // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: материалы VI Международной научно-методической конференции, Омск, 22 мая 2020 года. Омск: Филиал федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации. Омске, 2020. С. 91-96.

References

1. Lupanova E.V. English Military Phraseological Units as a Reflection of Social Relations among Servicemen // Teacher of the XXI Century. 2017. No. 4-2. P. 364-372.
2. Kornilov O.A. Linguistic Worldviews as Derivatives of National Mentalities. M.: CheRo, 2003. 349 p.
3. Mitrakhovich V.A. Specific Characteristics of the Military Society // Education and Science. 2007. No. 5. P. 91-99.
4. Lupanova E.V. The Phraseological Worldview of a Representative of the Anglo-American Military Subculture: author's abstract of diss. ... cand. of philos. sciences. M., 2018. 25 p.
5. Sokolova A.A. Reflection of Military Phraseological Units in Dictionaries // Problems of History, Philology, Culture. 2014. No. 3 (45). P. 368-370.

6. Guruleva T.L., Fesenko O.P. Typological, Etymological and Cognitive Aspects of Comparing Military Phraseological Units of Military Topics in Russian and Chinese // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2023. No. 81. P. 5-29.
7. Semenova L.A. Revealing the Pragmatic Potential of Phraseological Units in the Translating Mass Media Texts // Current Issues of Linguistics in the Modern Professional and Communicative Space: Proceedings of the IX International Youth Scientific and Practical Conference, Omsk, May 29, 2020. Omsk: Omsk State Technical University, 2020. P. 17-23.
8. Lupanova E.V. Reflection of Subculture in the Semantics of Phraseological Units // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2017. No. 1-2 (67). P. 142-145.
9. Larionova Yu.A. Phraseological Dictionary of the Modern Russian Language. M.: "Adelant", 2014. 512 p.
10. Fedorov A.I. Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language. [Electronic resource]. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov> (date of access: 18.10.2025).
11. Fesenko O.P. Military Phraseology: The Content of the Term and Criteria for Identification // Problems of Modernizing Modern Higher Education: Linguistic Aspects: Proceedings of the VI International Scientific and Methodological Conference, Omsk, May 22, 2020. Omsk: Branch of the Federal State Government-Funded Military Educational Institution of Higher Education "Military Academy of Logistics named after A.V. Khrulev" of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Omsk, 2020. P. 91-96.

Информация об авторах

Чистюхина Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Кузнецов-Храмов Михаил Сергеевич, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Evgenija A. Chistyukhina, candidate of philological sciences, associate professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Mikhail S. Kuznetsov-Khramov, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 27.06.2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 378

EDN: <https://elibrary.ru/DWUKAW>

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ США

Вяселева Рахима Рушановна¹

Каштанова Ландыш Руслановна²

Степанов Алексей Георгиевич³

^{1, 2, 3} Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Казань, Россия

Аннотация. Принцип разделения властей и особенности функционирования законодательной ветви власти в Соединенных Штатах Америки, закрепленные в Конституции, составляют основу настоящего исследования, в рамках которого также дается развернутая характеристика истории становления Конгресса. Цель исследования заключается в анализе исторических этапов становления современной законодательной власти США. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных правоведов, историков, политологов. Методологическую основу составили: общенаучные методы, а также историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод.

Ключевые слова: разделение властей, законодательные органы, Конгресс, конгрессмены, Конституция США.

Для цитирования: Вяселева Р.Р., Каштанова Л.Р., Степанов А.Г. Исторические аспекты формирования современной законодательной власти США // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 120-127.

HISTORICAL SCIENCES

HISTORICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE MODERN LEGISLATIVE POWER IN THE UNITED STATES

Rakhimya R. Vyaseleva¹, Landysh R. Kashtanova², Alexey G. Stepanov³

^{1, 2, 3} Kazan Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)», Kazan, Russia

Abstract. The principle of separation of powers and the peculiarities of the functioning of the legislative branch of government in the United States of America, which are enshrined in the Constitution, form the basis of this study, which also provides an extensive description of the history of the formation of the Congress. The purpose of the study is to analyze the historical

stages of the formation of the modern legislative power in the United States. The theoretical basis of the study is the works of Russian and foreign legal scholars, historians, and political scientists. The methodological basis includes general scientific methods, as well as the historical and legal method and the comparative legal method.

Keywords: separation of powers, legislative bodies, Congress, congressmen, U.S. Constitution.

For citation: Rushanovna V.R., Kashtanova L.R., Stepanov A.G. Historical aspects of the formation of the modern legislative power in the united states // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 120-127.

Введение

Джеймс Мэдисон в свое время четко обозначил опасность концентрации власти, указав, что объединение законодательных, исполнительных и судебных полномочий в единых руках, вне зависимости от того, принадлежат ли они одному человеку или целой группе лиц, получившей их по наследству, путем назначения или через выборы, есть не что иное, как тирания в ее прямом значении, а потому разделение властей закономерно стало одним из фундаментальных принципов, на которых выстроена американская политическая система.

Результаты исследования

Путь к осознанию истины о необходимости разделения властей для американских штатов, сбросивших британское иго, оказался долгим и непростым. Горький опыт колониального господства Британии породил в умах независимых штатов одно главное стремление – не допустить сосредоточения чрезмерной власти в руках исполнительных органов. Именно поэтому в рамках Статей Конфедерации центральное место в структуре достаточно слабого национального правительства занял Конгресс, ставший доминирующим институтом всей системы управления. Легислатуры штатов ежегодно назначали членов Конгресса, которые могли представлять интересы своего штата не дольше трех лет и в любой момент рисковали быть отозваны. Состав делегации от каждого штата насчитывал от двух до семи человек, однако, вне зависимости от численности представителей, совокупный голос каждого штата оставался единственным и неделимым.

Шон Гейлмард отмечает: «законодательная власть в Соединенных Штатах берет свое начало в британскую колониальную эпоху и была принята в том виде, в каком она была дана при основании Америки. Изначально она была скромной, как консультативная проверка действий колониальных корпораций, законодательная власть в королевских колониях расширилась и стала включать в себя полномочия инициировать все законодательные акты, предлагать не подлежащие пересмотру денежные законопроекты, проверять государственные счета, назначать нижестоящих должностных лиц, выделять средства по собственному усмотрению ассамблеи и даже планировать конкретные военные экспедиции» [1, с. 1].

В период парламентских каникул управленческие полномочия переходили к комитету штатов, формировавшемуся по решению Конгресса, причем председательство в нем, ограниченное сроком в один год на протяжении каждого трехлетия, поочередно переходило к одному из его участников, выполнявшему президентские функции. Помимо постоянно действующего органа Конгресс располагал правом учреждать временные комитеты с узкоспециализированными задачами, направленными на урегулирование отдельных вопросов.

Ни вирджинский план, ни план Нью-Джерси, представленные на Филадельфийском конгрессе, не закладывали в свою основу принципа разделения властей, в первом случае предполагалось, что законодательный орган наделяется полномочиями формировать как исполнительную, так и су-

дебную ветви власти, тогда как второй проект отводил штатам в Конгрессе роль избирателей исполнительной власти.

Е.С. Джалсанова, С.А. Купцаев, А.М. Чудутова, Б.Ю. Тугусова в своей статье указывают: «в результате, принятая на Филадельфийском конгрессе и вступившая 4 марта 1789 г. в силу Конституция США создала, как написал в своей знаменитой работе американский историк и политолог Ричард Нойштадт, разделенные институты власти: двухпалатный Конгресс, президентство и верховный суд» [2, с. 43].

Е.С. Шевченко указывает: «в историческом ракурсе политические отношения главы государства и Конгресса США являются довольно конфликтными, в этом смысле политическую конкуренцию исполнительной и законодательной ветвей власти дополнительно осложняет политико-партийное противоборство, приобретающее форму, во-первых, блокировки конкретных предлагаемых одной из сторон законопроектов, во-вторых, организации «пробуксовки» работы администрации президента США или американских законодателей в целом» [3, с. 35].

Путь Конгресса к полноценной работе оказался весьма тернистым: многие американцы, в том числе и сами законодатели, не воспринимали его как нечто по-настоящему значимое. В Федеральном зале Нью-Йорка 4 марта 1789 года должно было собраться 59 человек, однако из всего ожидаемого состава явились лишь двадцать восемь – восемь сенаторов и тринадцать представителей, тогда как остальные не удосужились приехать по самым разным причинам: одних подвела болезнь, других удержали личные дела, казавшиеся им куда более неотложными, третьих же попросту остановили непролазные дороги и скверная погода. Именно так, в полупустом зале, состоялось первое заседание высшего законодательного органа молодого государства.

В ряде штатов выборы к тому моменту так и не прошли, а Джон Мэдисон, принадлежавший к числу отцов-основателей страны, опоздал на целых десять дней и появил-

ся в Конгрессе лишь 14 марта. Впрочем, даже после его прибытия законодательный орган продолжал функционировать в неполном составе – первого апреля на заседании присутствовали всего 29 членов Палаты представителей, однако именно такое количество депутатов наконец позволило впервые за всю сессию обеспечить необходимый кворум. Сенату же удалось собрать достаточное число участников и приступить к избранию должностных лиц еще позже, только 6 апреля, после чего стало возможным провести долгожданный подсчет голосов выборщиков. По его итогам Джордж Вашингтон был избран первым президентом Соединенных Штатов Америки единогласно, оставив позади Джона Адамса.

Джон Адамс, занявший посты президента Сената и вице-президента Соединенных Штатов, во многом сам предопределил низкую результативность Конгресса первого созыва, поскольку вместо продуктивной законодательной деятельности он раз за разом вступал в противостояние с сенаторами, так и не сумев избавиться от горечи, оставленной проигрышем на президентских выборах.

С момента переезда американских законодателей в вашингтонский Капитолий в 1800 году Конституция жестко закрепила за ним статус единственно возможного места для проведения парламентских заседаний, исключив любые альтернативные площадки.

Как пишет О.А. Фролова: «в начале девятнадцатого века Конгресс быстро прошел путь от собрания соратников по революционной борьбе, занятого по большей части идеологическими разногласиями вроде вопроса о создании центрального банка к глубоко расколотому институту. На это есть две основные причины – обострение конфликта вокруг рабства и усиление президентства» [4, с. 42].

С момента обретения страной независимости государственная власть, опираясь на общественное мнение, последовательно выступала в поддержку предпринимательства,

производственного развития и экономического роста, и такая политика оставалась неизменной на протяжении всего промежутка между 1789 и 1861 годами, который правомерно рассматривать как фазу регулирования свободного рынка [5, с. 16]. Законодательные органы, невзирая на господствовавшую доктрину невмешательства в рыночные механизмы, прибегали к весьма деятельным инструментам экономической поддержки: субсидировали транспортную инфраструктуру, вводили таможенные пошлины на иностранную продукцию и выстраивали систему охраны интеллектуальной собственности, тем самым создавая благоприятную среду для частного предпринимательства.

В данном ключе не стоит забывать, что члены Конгресса, помимо реализации своих законодательных полномочий, «участвовали в национальной политике, занимались сельским хозяйством и преследовали коммерческие интересы, спекулировали землей, владели рабами» [6, с. 7].

Проблематика рабства обозначилась еще в период формирования американской государственности, однако именно с 1820-х годов отношение южных штатов к данному институту превратилось в ключевой фактор, определявший электоральные предпочтения граждан. Острота противоречий во многом объяснялась расширением страны за счет новых западных территорий, чей правовой статус в отношении рабовладения оставался неурегулированным. Конгресс, взявший на себя роль арбитра в разрешении накопившихся разногласий, сумел выработать лишь два компромиссных решения, которые не положили конец конфликту, а фактически законсервировали его, отложив окончательное столкновение до эпохи гражданской войны.

Е.А. Кравцова, А.В. Максименко, Р.Н. Шалайкин отмечают: «наиболее активный рост аппаратов законодательных органов в зарубежных странах, практически повсеместное усиление их роли и значения пришлось на конец 60-х – начало 70-х гг.

XX в. Он был связан с усложнением законодательного процесса, активизацией законодательной деятельности, необходимостью обрабатывать все увеличивающийся объем информации и сопоставлять вносимые в парламент законопроекты с уже действующими нормативными актами» [7, с. 15].

Прямые выборы сенаторов были закреплены семнадцатой поправкой к американской конституции в 1913 году, что упразднило прежний порядок, при котором членов верхней палаты избирали законодательные собрания штатов, с того момента обе палаты Конгресса получили мандат непосредственно от народа. Принятая двумя десятилетиями позже, в 1933 году, двадцатая поправка затронула иной аспект парламентской жизни: она существенно сократила временной разрыв между избранием нового состава Конгресса и фактическим вступлением депутатов в свои полномочия. Следствием этого стало сужение так называемого периода «хромой утки» – промежутка, в течение которого потерпевший поражение конгрессмен продолжает формально исполнять свои обязанности, уже зная о предстоящем уходе с занимаемой должности.

Принятый закон, ограничивший состав нижней палаты 435 представителями, пришел на смену устаревшей норме представительства, которая неуклонно вела к разрастанию Конгресса, подобное решение позволило сохранить работоспособность законодательного органа и предотвратить его дальнейшее увеличение. Вместе с тем нельзя не отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода парламентарий фактически остается вне контроля со стороны избирателей, что неизбежно подрывает демократический характер самого института.

Как указывает Л. Панин: ««Народность» Конгресса существенно возросла после принятия ряда законов о гражданских правах в 1960-х, которые по большей части положили конец практике подавления избирательных прав американцев. Таким образом с момента своего основания Конгресс изменил-

ся от малочисленного беспартийного органа аристократов до собрания разнообразных, напрямую избираемых представителей самых разных групп граждан» [8].

С конца 1940-х годов в обеих палатах американского законодательного органа, сенате и палате представителей, постепенно складывалось двухпартийное объединение конгрессменов, настойчиво добивавшихся упразднения законодательства, закреплявшего расовую сегрегацию. Однако в тот период численность этой группы оставалась недостаточной, чтобы обеспечить принятие президентских инициатив. Внутренние противоречия в Конгрессе и слабая общественная поддержка реформ существенно ограничивали возможности для их продвижения. Показательным примером служит ситуация 1948 года, когда предложенный Эйзенхауэром законодательный пакет, включавший десять мер по расширению гражданских прав меньшинств, так и не получил необходимого числа голосов и был заблокирован.

На сегодняшний день Конституция США является основным документом, закрепляющим полномочия Конгресса, который представляет собой двухпалатный законодательный орган, включающий в себя Сенат и Палату представителей, заседающий в Вашингтонском Капитолии.

Л.Г. Коновалова отмечает: «Конституция США, исходящая из модели «жесткого» разделения властей, не предусматривает подотчетности президента или органов исполнительной власти парламенту, за исключением процедур импичмента». Например, одной из статей импичмента в отношении президента Э. Джонсона в 1868 г. явилось обвинение его в обращении к Конгрессу без должного уважения и на повышенных тонах» [9, с. 84].

М.А. Черных отмечает: «в первой четверти XXI в. Соединенные Штаты Америки столкнулись с кардинальными изменениями в расово-этническом составе населения. Доля белых американцев стремительно сокращается, а доля расово-этнических меньшинств активно растет» [10, с. 260].

Первая статья Конституции в своем четвертом разделе устанавливает обязательность проведения конгрессовских заседаний как минимум раз в год, причем изначально их начало приходилось на первый понедельник декабря, однако принятая в 1933 году 20-я поправка существенно скорректировала данное положение, сдвинув старт сессий на 3 января, полдень. Члены обеих палат, как сенаторы, так и конгрессмены, получают свои мандаты посредством прямого народного волеизъявления, за исключением случаев, когда сенатское кресло оказывается вакантным: в подобных обстоятельствах губернатор вправе назначить временного представителя до проведения очередных выборов.

В состав американского Конгресса входят 535 полноправных членов: Сенат объединяет 100 человек, избираемых по двое от каждого штата на шестилетний срок, тогда как Палата представителей включает 435 конгрессменов, распределяемых между округами в зависимости от численности населения по мажоритарному принципу и наделяемых мандатом на два года, столько же, сколько и у шести дополнительных членов без права голоса, представляющих американские территории, не получившие статуса штата. Примечательно, что вице-президент страны, возглавляющий Сенат в качестве председателя, наделен правом голоса исключительно в ситуации, когда мнения сенаторов по рассматриваемому вопросу делятся в равной пропорции.

Каждый четный год, в строго установленный День выборов – во вторник, наступающий после первого понедельника ноября, американцы приходят на избирательные участки, чтобы в рамках двухлетнего цикла полностью обновить состав Палаты представителей и заменить треть сенаторов, определяя тем самым состав обеих палат Конгресса.

Заключение

Таким образом, путь к созданию Конгресса и закреплению его роли в системе разделения властей неразрывно связан с

процессом становления американской государственности, поскольку именно в ходе разработки Конституции и последующей эволюции политических институтов складывались те принципы организации законодательной ветви, которые определили ее структуру, круг полномочий и характер взаимодействия с исполнительной и судебной властью.

Список источников

1. Sean Gailmard. Imperial Governance and the Growth of Legislative Power in America // American Journal of Political Science, 2021. P. 1-14. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ocf.berkeley.edu/~gailmard/assembly-power-ajps-rev.pdf> (дата обращения: 19.05.2026).
2. Джалсанова Е.С., Купцаев С.А., Чудутова А.М., Тугусова Б.Ю. Особенности законодательной власти в США по Конституции // Аграрное и земельное право. 2022. № 7 (211). С. 42-44.
3. Шевченко Е.С. Межинституциональное взаимодействие главы государства и Конгресса США: исторический контекст и современные особенности // Управленческое консультирование. 2024. № 3 (183). С. 33-42.
4. Фролова О.А. Политическая система США: институты и акторы: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 142 с.
5. Айриян Р.С. Конгресс США и американская внешняя политика (1945-1952 гг.). Ростов н/Д: Изд-во АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 199 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19725335> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Латыпова Н.С. Конгресс США и правовое регулирование экономики в контексте миросистемного анализа // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 4 (82). С. 5-13.
7. Кравцова Е.А., Максименко А.В., Шалайкин Р.Н. Структура и организационное обеспечение деятельности законодательных органов власти США // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. № 3. С. 14-18.
8. Панин Л. Становление Конгресса и его роль в ключевых вопросах американской политики до 1960-х годов // РСМД. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/lev-panin/stanovlenie-kongressa-i-ego-rol-v-klyuchevykh-voprosakh-amerikanskoj-p/> (дата обращения: 20.05.2026).
9. Коновалова Л.Г. Контрольные полномочия Конгресса США за деятельностью органов исполнительной власти // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. 2024. № 2 (25). С. 84-88.
10. Черных М.А. Особенности латиноамериканского представительства в Конгрессе США в первой четверти XXI в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2025. № 3. 260-276.

References

1. Sean Gailmard. Imperial Governance and the Growth of Legislative Power in America // American Journal of Political Science, 2021. P. 1-14. [Electronic resource]. URL: <https://www.ocf.berkeley.edu/~gailmard/assembly-power-ajps-rev.pdf> (date of access: 19.05.2026).
2. Dzhalsanova E.S., Kuptsaev S.A., Chudutova A.M., Tugusova B.Yu. Features of Legislative Power in the United States under the Constitution // Agrarian and Land Law. 2022. No. 7 (211). P. 42-44.
3. Shevchenko E.S. Interinstitutional Interaction between the Head of State and the U.S. Congress: Historical Context and Modern Features // Management Consulting. 2024. No. 3 (183). P. 33-42.

4. Frolova O.A. The U.S. Political System: Institutions and Actors: Textbook. Textbook for Bachelor's and Master's Degrees. M.: Yurayt Publishing House, 2018. 142 p.
5. Airiyan R.S. The U.S. Congress and American Foreign Policy (1945-1952). Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 2010. 199 p. [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19725335> (date of access: 20.05.2026).
6. Latypova N.S. The U.S. Congress and Legal Regulation of the Economy in the Context of World-System Analysis // The Rule of Law: Theory and Practice. 2025. No. 4 (82). P. 5-13.
7. Kravtsova E.A., Maksimenko A.V., Shalaykin R.N. The Structure and Organizational Support of the U.S. Legislative Bodies // Gaps in Russian Legislation. Legal Journal. 2015. No. 3. P. 14-18.
8. Panin L. The Formation of Congress and Its Role in Key Issues of American Politics before the 1960s // RIAC. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/lev-panin/stanovlenie-kongressa-i-ego-rol-v-klyuchevykh-voprosakh-amerikanskoy-p/> (date of access: 20.05.2026).
9. Konovalova L.G. The U.S. Congress's Control Over the Activities of Executive Bodies // Scientific Notes of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2024. No. 2 (25). P. 84-88.
10. Chernykh M.A. Features of Latin American Representation in the U.S. Congress in the First Quarter of the 21st Century // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2025. No. P. 260-276.

Информация об авторах

Вяселева Рахимья Рушановна, Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (420126, Казань, ул. Фатыха Амидхана, 12а, кор. 1).

Каштанова Ландыш Руслановна, Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (420126, Казань, ул. Фатыха Амидхана, 12а, кор. 1).

Степанов Алексей Георгиевич, кандидат философских наук, Казанский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (420126, Казань, ул. Фатыха Амидхана, 12а, кор. 1).

Information about the authors

Rakhimya R. Vyaseleva, Kazan Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)» (420126, Kazan, Fatiha Amidhana, 12a, cor. 1).

Landysh R. Kashtanova, Kazan Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)» (420126, Kazan, Fatiha Amidhana, 12a, cor. 1).

Alexey G. Stepanov, candidate of philosophical sciences, Kazan Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)» (420126, Kazan, Fatiha Amidhana, 12a, cor. 1).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 94(470)«1941/1945»

EDN: <https://elibrary.ru/FXBONF>

ВКЛАД ВОЙСК НКВД В ОБОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1942 ГГ.)

Козлов Вячеслав Александрович¹

Санин Андрей Владиславович²

^{1, 2} Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹slavaslavik741@rambler.ru, ²andrey.sanin.05@bk.ru

Аннотация. В статье авторы выделяют основные этапы героической обороны Севастополя от гитлеровских захватчиков в годы Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.), делая акцент на роли войск НКВД СССР в этой борьбе. Авторы последовательно раскрывают основные примеры доблести и мужества, проявленные личным составом подразделений войск НКВД в боях с гитлеровскими войсками. Делается вывод о существенном вкладе бойцов и командиров войск НКВД в обороне главной черноморской цитадели Советского Союза – Севастополе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона Севастополя, войска НКВД, Отдельный 456-й сводный полк НКВД, немецкие войска.

Для цитирования: Козлов В.А., Санин А.В. Вклад войск НКВД в оборону Севастополя в годы Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.) // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 128-133.

CONTRIBUTION OF THE TROOPS OF THE USSR PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS TO THE DEFENSE OF SEVASTOPOL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1942)

Vyacheslav A. Kozlov¹, Andrey V. Sanin²

^{1, 2} Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

¹slavaslavik741@rambler.ru, ²andrey.sanin.05@bk.ru

Abstract. In this article, the authors highlight the main stages of the heroic defense of Sevastopol against the Nazi invaders during the Great Patriotic War (1941-1942), focusing on the role of the NKVD troops in this struggle. The authors provide a comprehensive overview of the bravery and courage displayed by the NKVD troops in their battles against the Nazi forces. The article concludes with a discussion of the significant contributions made by the NKVD troops in the defense of Sevastopol, the main Black Sea stronghold of the Soviet Union.

Keywords: the Great Patriotic War, the defense of Sevastopol, the NKVD troops, the Separate 456th NKVD Combined Regiment, and the German troops.

For citation: Kozlov V.A., Sanin A.V. Contribution of the troops of the ussr people's commissariat of internal affairs to the defense of sevastopol during the great patriotic war (1941-1942) // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 128-133.

Великая Отечественная война для Советского Союза стала суровым испытанием на прочность как его политической системы, экономической модели, прочности советской общности, так и его военной организации, которая была представлена в виде двух блоков: РККА и НКВД.

В отечественной историографии принято считать первый период Великой Отечественной войны 1941-1942 года оборонительным, так как противник активно наступал, стараясь реализовать замысел плана «Барбаросса», а именно:

- группа армии «Север» – это Прибалтика и Ленинград, с целью разгромить советские войска и лишит СССР важных портов Таллина и Кронштадта;

- группа армии «Центр» – удар по линии Минск-Смоленск и наконец Москва, с целью расцеч основной стратегический фронт обороны советских войск;

- группа армии «Юг» – Молдавия, Украина, Крым и далее выход на Кавказ и дальнейшее движение до линии Астрахань-Сталинград, с выходом к основным месторождениям нефти.

Соответственно основные ожесточённые сражения происходили за города, имеющие стратегически экономически и географически важное значение, такие как Одесса, Севастополь, Сталинград. Особенно ожесточённые бои велись за Москву, Ленинград, которые Гитлер вообще предполагал уничтожить, как важные военные объекты, а также символ славянской культуры и власти большевиков.

Оборона Крымского полуострова, а в особенности наиболее важного в стратегическом отношении в масштабах всей страны – города Севастополь, является одной из ярких примеров мужества советских военнослужащих РККА и флотоводцев. Также свой вклад в оборону этого города внесли свой вклад войска НКВД. В советской и российской историографии делить оборону Севастополя принято на три этапа.

Первый этап. Это попытка захватить немецко-фашистскими войсками город Сева-

стополь с ходу. А именно, с 30 октября по 21 ноября 1941 года, немцами наносится ряд последовательных ударов с целью прорвать советскую оборону, но все попытки успешно войсками РККА. Одним из слагаемых успеха обороны советскими войсками на данном этапе – это создание мощной артиллерийской группировки с эффективной системой управления, которая обеспечила огнём устойчивость в обороне стрелковых и кавалерийских войск.

В данный период (4 ноября) из войск и сил Отдельной Приморской армии РККА, кораблей и авиации Черноморского флота и формирований Севастопольской военноморской базы (СВМБ) создается временное оперативное объединение – Севастопольский оборонительный район (СОР).

Второй этап обороны – это второй штурм, который осуществила совместная немецко-румынская группировка 17 декабря 1941 года, так как из-за погодных условий штурм, спланированный на 27 ноября, пришлось перенести. После массированной артиллерийской подготовки немецкие и румынские части перешли в наступление в долине реки Бельбек. Тем не менее к 30 декабря наступательные возможности 11-й немецкой армии иссякли. По словам Эриха фон Манштейна отвод немецких частей на исходные рубежи являлся его инициативой [1], однако советская историография утверждает, что немецкие войска были выбиты рядом контрударов [2].

И третий этап начался 7 июня 1942 года. В ходе штурма и его отражения шла упорная и бескомпромиссная борьба, на атаки немцев и румын наши войска отвечали контратаками в течение недели. Насколько эти контратаки были жёстким, и говорят опять же потери противника, в ротах которого вместо положенной численности порядка 100 человек оставалось не более 25. Под Севастополем единственный раз было использовано сверхтяжёлое 800-мм орудие «Дора». Оно было массой порядка 100 тонн и в строжайшей секретности было доставлено из Германии под Севастополь, размеще-

но в специальном укрытии, вырубленном в скальном массиве в районе города Бахчисарай. Орудие применили в начале июня и выпустили, в общей сложности, пятьдесят три 7-тонных снаряда [2].

К сожалению, к 17 июня 1942 года оборонительные возможности советских войск иссякли, и немцы заняли позицию «Орлиное гнездо», вышли к Сапун-горе, что и способствовало падению Малахова кургана.

3 июля 1942 года Совинформбюро, возглавляемое А.С. Щербаковым, передало в сводке: «Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдёт в историю Отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких её страниц» [3]. За 250 дней осады города противник потерял убитыми 60 тыс. человек, а его санитарные потери составили 240 тыс. человек. Насколько это много говорит тот факт, что это столько же, сколько Вермахт потерял в сражениях в Западной Европы и Балканах с 1 сентября 1939 по 15 мая 1941 г.

Советские потери составляли примерно 22-23 тыс. человек, о которых говорится в телеграмме, отправленной И.В. Сталину 18 июня 1942 г. командующим Черноморским флотом Ф.С. Октябрьским [4].

Несмотря на то, что в первый период войны, в частности в сражениях на Крымском полуострове и обороне Севастополя, войскам НКВД приходилось вести боевые действия, что не является их основной задачей, РККА, тем не менее их непосредственные задачи тоже приходилось выполнять, так как их никто не снимал, а именно:

- органы милиции охраняли общественный порядок; обеспечивали бесперебойное уличное движение; боролись с преступлениями общеуголовной, экономической и политической направленностью, вели учетно-регистрационную работу, также способствовали поимке и разоблачению предателей и диверсантов;

- конвойные воинские части и подразделения по охране лагерей осуществляли перемещение подозреваемых, обвиняемых и заключенных, их содержание и охрану;

- внутренние войска НКВД охраняли и обороняли коммуникации и важные государственные объекты.

На первом этапе войска НКВД действовали, как правило, в составе своих штатных довоенных подразделений, как тех, которые дислоцировались в Севастополе, так и тех, которые отступали к Севастополю из других районов. В дневнике командующего германскими и румынскими войсками в Крыму генерал-фельдмаршала Эрих фон Манштейна от 30 октября 1941 года находим запись: «...утром между реками Кача и Бельбек у деревни Булганак передовые подразделения корпуса натолкнулись на упорное сопротивление русского заслона. Благодаря его невиданной стойкости довольно значительные силы оттеснённых в горы частей советской Приморской армии добрались до Севастополя... В сложившихся условиях я вынужден был отказаться от плана взять Севастополь внезапным ударом с хода» [1].

Как говорят нам архивы, именно этот заслон организовала рота 249-го конвойного полка НКВД в количестве 80 человек. Об успехе этого заслона говорит соотношение потерь противника и наших военнослужащих: около 60 солдат и офицеров Вермахта на 6 убитых и 6 раненых бойцов НКВД.

В документах и литературе имеются упоминания о 54-м Сталинском полку войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, некоторые подразделения которого были дислоцированы в Крыму [6, с. 28]. Из воспоминаний генерал-майора П.А. Моргунов, возглавлявшего в те дни гарнизон военно-морской базы: ... «Первым в бой с фашистами вступил взвод полка НКВД, который охранял объекты водоснабжения. Силы были слишком неравны, но защитников поддержала зенитная батарея № 926 под командованием старшего лейтенанта Белова, располагавшаяся в районе деревни Новые Шули (Штурмовое). Целый час горстка бойцов и расчёты нескольких орудий сдерживали оголтелые атаки гитлеровцев, пока к ним на помощь не подоспели подразделения

31-го стрелкового полка ...» [7]. В рядах защитников Севастополя сражались военнослужащие из других рот 54-го полка войск НКВД, дислоцированных в Крыму.

12 ноября 1941 года 5-ю роту 54-го полка и 3-ю роту из батальона Черникова А.Н., входившего в состав 249-го конвойного полка, прибывшего из Одессы, отступающими подразделениями 184-ой стрелковой дивизии погранвойск НКВД свели в Отдельный 456-й сводный полк НКВД [8]. Командиром полка был назначен пограничник – майор Герасим Рубцов, впоследствии павший в боях за Севастополь и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

Полк выполнял задачи по осуществлению обороны Балаклавы, подступов к Севастополю, как наиболее боеспособное подразделение оборонял командный пункт командующего Севастопольским оборонительным районом Ф.С. Октябрьского [9, с. 67], прикрывал отход остатков войск к мысам Фиолент и Херсонес и их эвакуацию. В летописи севастопольской эпопеи есть малоизвестный и редко упоминаемый историками факт: в феврале 1942 года немцы, не сумев сломить сопротивление защитников города обычными способами, на одном из участков наступления обстреляли позиции советских войск химическими снарядами. Случайно или нет, но объектом газовой атаки был выбран именно тот сектор обороны, где держались подразделения сводного полка войск НКВД. Видно, крепко насолили бойцы НКВД гитлеровским воякам... Но даже после этого акта устрашения дух солдат не был сломлен!

О героических боях личного состава 456-го сводного полка НКВД 30 июня Совинформбюро сообщило: «Пехотинцы подразделения Рубцова отбили десятки атак превосходящих сил противника и уничтожили до двух полков немецкой пехоты, 11 танков и сбили два бомбардировщика противника».

В битве за Севастополь полк понес огромные потери: так, 1 февраля 1942 г. в

полку насчитывалось 1972 человека, а уже в начале мая 1942 г. осталось только 180-200 человек [10, с. 32]. Сам полк не эвакуировался, последние его бойцы почти полностью погибли на прибрежных скалах Херсонеса при прикрытии отхода основных сил, в том числе погиб и командир полка подполковник Герасим Архипович Рубцов.

В рамках одной статьи невозможно показать роль и значение иных структурных подразделений НКВД СССР, выполнявших важнейшие функции в период обороны Севастополя и внесших существенный вклад в уничтожение фашистов и их сподвижников на крымской земле. Речь идет о деятельности севастопольской милиции, оперативно созданных особых отделах НКВД, о градоначальниках и истребительных батальонах.

Таким образом, битва за Севастополь в 1941-1942 года являлась одним из крупнейших сражений Великой Отечественной войны, где мужество и героизм воинов РККА и НКВД противостояли наступательному напору немецко-фашистских войск, который в тот период войны ещё не иссяк, а экономический потенциал Германии позволял стремиться надеяться на реализацию плана «Барбаросса». И в качестве выводов следует отметить следующее.

Во-первых, следует согласиться с мнением ученых, что сегодня практически нет отдельных комплексных исследований о роли и значении органов и войск НКВД в обороне Севастополя. Ситуация усугубляется тем, что в постсоветский период деятельность НКВД СССР долго отождествлялась (и к сожалению, до сих пор еще отождествляется в массовом сознании) с репрессиями 1930-ых гг. и борьбой с инакомыслием в послевоенное время, поэтому героические страницы боевой деятельности солдат и сотрудников наркомата исследовались и освещались лишь косвенно, в контексте и на фоне подвигов солдат и матросов РККА [6].

Во-вторых, как показывают исследования советских и современных российских историков на основе архивных источников и ме-

муарной литературы, органы и войска роль в ликвидации прорывов обороны советских войск противником, а также вклад в оборону Севастополя, причём на ственно повлияли на продолжительность отдельных участках сыграли ключевую обороны.

Список источников

1. Военная литература – [Мемуары] – Э. Манштейн. Утерянные победы. [Электронный ресурс]. URL: <https://militera.lib.ru/memo/german/manstein/index.html> (дата обращения: 20.05.2026).
2. Великая Отечественная война, 1941-1945: Энциклопедия (1985) / Ин-т воен. истории МО СССР; гл. ред. М.М. Козлов. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusneb.ru/catalog> (дата обращения: 20.05.2026).
3. Оборона Севастополя (1941-1942) – даты, ход, противоборствующие стороны, итоги – РУВИКИ. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Оборона_Севастополя_\(1941-1942\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Оборона_Севастополя_(1941-1942)) (дата обращения: 08.04.2026).
4. Стерчеус И.Е. О значении обороны Севастополя в 1941-1942 гг. // Морской сборник. 2016. № 3. С. 76-81. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary_25453086_74235360.pdf (дата обращения: 12.05.2026).
5. Софронов И. Заслон у Булганак. Малоизвестные страницы войны. [Электронный ресурс]. URL: https://old.redstar.ru/2011/10/19_10/4_01.html (дата обращения: 05.05.2026).
6. Огорелков Д.А. Войска и органы НКВД СССР в обороне Севастополя 1941-1942 гг.: состав, функции, значение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. 2025. № 2 (113). С. 28-36.
7. Моргунов П.А. Героический Севастополь / П.А. Моргунов; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1979. 519 с.
8. Отчёт по обороне Севастополя (ноябрь 1941 – июль 1942 гг.): в 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент. А.В. Ефимова, А.А. Кохана, В.В. Лебединского; СевГУ; Ин-т востоковедения РАН, Центр крымских исследований; отв. ред. В.В. Лебединский. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2022. Т. 1. С. 28.
9. Сидорчук Е.А. Чекисты в плен не сдаются! Вклад войск НКВД в оборону Севастополя в 1941-1942 гг.: сборник научных трудов «Россия в XVIII-XX веках. Историко-культурные аспекты». М.: Издательский дом ГУУ. 2017. С. 67-74.
10. Слободянюк А.А., Федюнин В.В. 456-й стрелковый (сводный пограничный полк НКВД) 109-й стрелковой дивизии Приморской армии // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2015. № 3. С. 32-40.

Reference

1. Military literature – [Memoirs] – E. Manstein. Lost Victories. [electronic resource]. URL: <https://militera.lib.ru/memo/german/manstein/index.html> (date of reference: 05/20/2026).
2. The Great Patriotic War, 1941-1945: Encyclopedia (1985) / In-t military. history of the Ministry of Defense of the USSR; chief editor M.M. Kozlov. [Electronic resource]. URL: <https://rusneb.ru/catalog> (date of access: 20.05.2026).
3. The Defense of Sevastopol (1941-1942) – dates, course, opposing sides, and results – RUVIKI. [Electronic resource]. URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Defense_of_Sevastopol_\(1941-1942\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Defense_of_Sevastopol_(1941-1942)) (date of access: 08.04.2026).
4. Stercheus I.E. On the Significance of the Defense of Sevastopol in 1941-1942 // Morskoi Sbornik. 2016. No. 3. P. 76-81. [Electronic resource]. URL: https://elibrary_25453086_74235360.pdf (accessed on 12.05.2026).

5. Sofronov I. Bulganak's Shelter. Little-Known Pages of the War. [Electronic resource]. URL: https://old.redstar.ru/2011/10/19_10/4_01.html (date of access: 05.05.2026).
6. Ogorelkov, D.A. Troops and Organs of the NKVD of the USSR in the Defense of Sevastopol in 1941-1942: Composition, Functions, and Significance. Vestnik Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii: Nauchno-Prakticheskoe Izvestie. Journal. 2025. No. 2 (113). P. 28-36.
7. Morgunov P.A. Heroic Sevastopol / P.A. Morgunov; USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR. M.: Nauka, 1979. 519 p.
8. Report on the defense of Sevastopol (November 1941 – July 1942): in 2 volumes / Comp., introductory article, commentary by A.V. Efimov, A.A. Kohan, V.V. Lebedinsky; SevGU; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Center for Crimean Studies; ed. by V.V. Lebedinsky.: FGBUN IV RAS, 2022. Vol. 1. P. 28.
9. Sidorchuk E.A. The Chekists do not surrender! The Contribution of the NKVD Troops to the Defense of Sevastopol in 1941-1942: A Collection of Scientific Papers "Russia in the 18th-20th Centuries. Historical and Cultural Aspects. Moscow: Publishing House of the State University of Management. 2017. P. 67-74.
10. Slobodyanyuk A.A., Fedyunin V.V. The 456th Rifle (Combined Border Regiment of the NKVD) of the 109th Rifle Division of the Primorskaya Army // Bulletin of the Sholokhov Moscow State University. 2015. No. 3. P. 32-40.

Информация об авторах

Козлов Вячеслав Александрович, кандидат педагогических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Санин Андрей Владиславович, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the authors

Vyacheslav A. Kozlov, candidate of pedagogical sciences, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Andrey V. Sanin, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch-Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 327.56

EDN: <https://elibrary.ru/GMYZUB>

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ДИНАМИКУ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Кондрашкина Алина Сергеевна

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия

KondrashkinaAS@rosgvard.ru

Аннотация. Данная работа посвящена анализу миротворческой деятельности Российской Федерации в ходе этнополитического конфликта между Грузией и Южной Осетией с 1989 по 1992 гг. Рассматриваются причины и основные этапы нарастания грузино-южноосетинских противоречий.

Ключевые слова: миротворческая деятельность, Россия, Грузия, Южная Осетия, этнополитический конфликт, ООН, ОНВУП.

Для цитирования: Кондрашкина А.С. Влияние российской миротворческой деятельности на динамику грузино-осетинского конфликта // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 134-137.

THE IMPACT OF THE RUSSIAN PEACEFUL CONTINGENT ON THE DYNAMICS OF THE GEORGIAN-OSETIN CONFLICT

Alina S. Kondrashkina

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of
the national guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

KondrashkinaAS@rosgvard.ru

Abstract. This paper analyzes the peacekeeping activities of the Russian Federation during the ethnopolitical conflict between Georgia and South Ossetia from 1989 to 1992. It examines the causes and main stages of the escalation of Georgian-South Ossetian tensions.

Keywords: peacekeeping activities, Russia, Georgia, South Ossetia, ethnopolitical conflict, UN, ONVUP.

For citation: Kondrashkina A.S. The impact of the russian peaceful contingent on the dynamics of the georgian-osetin conflict // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 134-137.

Согласно юридическому словарю, «миротворческая деятельность» – это действия государств по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, предпринимаемые Советом Безопасности Организации Объединённых Наций, региональными органами (в рамках региональных соглашений либо на основании двусто-

ронных и многосторонних международных договоров) и не являющиеся, согласно Уставу ООН, принудительными [1]. Формирование данного понятия неразрывно связано с Организацией Объединённых Наций, которая была создана 24 октября 1945 года. Одна из основных целей ООН – поддержание международного мира и без-

опасности. В связи с этим в 1948 году была проведена первая миротворческая миссия под эгидой Организации Объединённых Наций из-за острого вооружённого конфликта между Израилем и арабскими государствами.

СССР, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, впервые принял участие в миротворческой миссии на Ближнем Востоке в 1973 году. Это произошло в период очередного арабо-израильского конфликта, известного как Война Судного дня. Согласно решению правительства Советского Союза и резолюции Совета Безопасности ООН, на Ближний Восток была направлена первая группа советских офицеров для несения службы в Организации по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП) [2]. Их основной задачей стало отслеживание соблюдения режима прекращения огня в зоне Суэцкого канала и на Голанских высотах после завершения боевых действий. С этого времени началось участие Союза Советских Социалистических Республик, а затем и Российской Федерации в миротворческих миссиях под эгидой ООН.

В конце 1980-х годов, в период перестройки, на территории СССР обострились межэтнические противоречия, вызванные в первую очередь процессами суверенизации в республиках. Ключевым очагом напряжённости на Южном Кавказе стала Грузинская ССР, в составе которой находилась Юго-Осетинская автономная область (ЮОАО). 10 ноября 1989 года, «на фоне усиливающихся ущемлений прав автономной области и призывов к её ликвидации...» [3, с.14], в ходе чрезвычайной сессии народные депутаты ЮОАО приняли решение о преобразовании области в автономную республику в составе ГССР. Верховный Совет Грузии признал данное решение незаконным. С целью подавления стремления Южной Осетии к независимости 23 ноября в Цхинвал была отправлена колонна демонстрантов из Тбилиси, которую организовал лидер политической партии «Круглый стол – Свободная Грузия» Звиад Гамсахур-

дия. Встретив сопротивление со стороны населения Цхинвала, колонна оказалась в тупике, после чего город был взят в блокаду, которая продлилась 4 месяца. 20 сентября 1990 года Юго-Осетинская автономная область была преобразована в Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику.

6 января 1991 года противостояние Грузии и Южной Осетии перешло в открытую фазу военного конфликта. В 4 часа утра Цхинвал были введены подразделения милиции и национальной гвардии Грузии в сопровождении военной техники. 7 января был обнародован указ № 1286 «О некоторых законодательных актах, принятых в декабре 1990 года в Грузинской ССР» президента СССР М.С. Горбачёва, один пункт из которого обязывал вывезти с территории Южной Осетии все вооружённые формирования, кроме внутренних войск СССР. В ответ на это, председатель Верховного Совета Грузинской ССР Звиад Гамсахурдия, выступая на чрезвычайной сессии Верховного Совета Грузии, призвал к открытой войне с Россией, так как президент СССР якобы вмешивается во внутренние дела Грузии [3]. К концу января 1991 года была усилена энергетическая блокада Южной Осетии, начались массированные обстрелы Цхинвала. Из-за непримиримости одной из сторон грузино-осетинского конфликта вооружённое противостояние продлилось 18 месяцев. Завершение активной фазы боевых действий стало возможным к 1992 году при посредничестве Российской Федерации. 24 июня 1992 года в Сочи были подписаны президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным и председателем Госсовета Грузии Э.А. Шеварднадзе «Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта» (Дагомьские соглашения) [4]. В рамках достигнутых договорённостей стороны обязались согласованно действовать в целях урегулирования конфликта, опираясь на принципы ОБСЕ и международные пакты о гражданских и политических правах, а также об экономических, со-

циальных и культурных правах [5]. Лидеры двух государств одобрили размещение многонациональных миротворческих сил, представленных заинтересованными сторонами в зоне грузино-осетинского конфликта. Основу контроля за соблюдением достигнутых договоренностей была призвана составить Смешанная контрольная комиссия (СКК) в составе представителей Северной и Южной Осетий, Грузии и России [6]. В целях реализации поставленных задач при СКК были образованы Смешанные силы по поддержанию мира и правопорядка (ССМП). Данное вооружённое формирование имело статус миротворческого в рамках мандата СНГ, но не на уровне ООН. 14 июля 1992 года в зону конфликта были введены миротворческие силы в составе российского, грузинского и осетинского батальонов [7]. Ключевой задачей данного контингента являлся контроль за соблюдением режима безопасности, который включал в себя: мониторинг прекращения огня, предотвращение провокаций и вооружённых столкновений, оказание гуманитарной помощи населению, содействие местным властям в обеспечении правопорядка. Командование ССПМ осуществляла Российская Федерация. 6 декабря 1994 года решением СКК введена должность единого Командующего миротворцами. Он назначался из числа российских генералов и мог самостоятельно принимать решения в вопросах применения силы, предварительно уведомив СКК [4]. Постепенно ситуация в регионе налаживалась, до 2002 года режим пре-

кращения огня в зоне конфликта соблюдался, однако дипломатические разногласия оставались нерешёнными.

В начале 1999 года президент Грузии Э.А. Шеварднадзе провозгласил приоритетным направлением во внешней политике на интеграцию с Европой. Несмотря на неурегулированность двух межэтнических конфликтов Грузия в этом же году была принята в Совет Европы [8]. В 2004 году, после избрания М.Н. Саакашвили президентом Грузии, Тбилиси потребовал вывода российских миротворцев с территории Южной Осетии, обвинив Россию в поддержке «сепаратистских» настроений. Ситуация в зоне конфликта постепенно ухудшалась и к 2008 году достигла апогея. В ночь с 7 на 8 августа Цхинвал подвергся массированному обстрелу со стороны грузинских вооружённых сил. Президент России Д.А. Медведев принял решение о вводе российских войск в Южную Осетию для защиты мирного населения. 12 августа 2008 года Президент РФ Д.А. Медведев объявил об окончании операции по принуждению Грузии к миру. 26 августа он подписал Указы о признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и независимости Абхазии.

Таким образом, миротворческая деятельность Российской Федерации в Южной Осетии способствовала прекращению активных боевых действий в данном регионе и заложила основы для дальнейшей практики урегулирования вооружённых конфликтов на постсоветском пространстве.

Список источников

1. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2000. С. 335.
2. Запарий Ю.В. Миротворческие операции ООН: эволюция концепции и ее реализация, (середина 40-х – начало 70-х гг. XX в.). Екатеринбург, 2005. 178 с.
3. Джигоев М.К., Чочиев Б.Е. Южная Осетия 1988-1992 гг. Хроника событий грузинской агрессии. Цхинвал, 1996. 175 с.
4. Черкасов А.И. Миротворческая операция в Южной Осетии 1992-2008 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12, № 2. С. 268-278.
5. Крыжановская О.А., Петрова С.В. Исторические корни грузино-осетинского конфликта и его развитие в современных реалиях // Вестник Адыгейского государственного университе-

та: сетевое электронное научное издание. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.adygnet.ru/offline/files/2012.4/2204/kryzhanovskaya2012_4.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

6. Серый Н.И. Роль Российской Федерации в создании и деятельности Смешанной контрольной комиссии как основного института урегулирования грузино-осетинского конфликта // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 68-71.

7. Петрова С.В. Грузино-Осетинский конфликт и роль России в урегулировании политической обстановке на Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. Вып. 2-3. С. 133-137.

8. Цыганок А.Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8-13 августа 2008 года. 2-е изд., доп. М.: АИРО-XXI, 2011. 352 с.

References

1. The Great Legal Dictionary / Edited by A. Ya. Sukharev and V. E. Krutskikh. 2nd edition, revised. and add. M.: Infra-M, 2000. P. 335.

2. Zapariy Yu.V. UN Peacekeeping Operations: Evolution of the Concept and Its Implementation, (mid-1940s – early 1970s). Yekaterinburg, 2005. 178 p.

3. Dzhioev M.K., Chochiev B.E. South Ossetia 1988-1992 Chronicle of the Georgian Aggression. Tskhinvali, 1996. 175 p.

4. Cherkasov A.I. Peacekeeping Operation in South Ossetia in 1992 – 2008 // Humanitarian and Legal Research. 2025. Vol. 12, No. 2. P. 268-278.

5. Kryzhanovskaya O.A., Petrova S.V. Historical Roots of the Georgian-Ossetian Conflict and Its Development in Modern Realities // Bulletin of the Adyghe State University: Online Electronic Scientific Publication. [Electronic resource] URL: http://vestnik.adygnet.ru/offline/files/2012.4/2204/kryzhanovskaya2012_4.pdf (date of access: 18.06.2026).

6. Gray N.I. The Role of the Russian Federation in the Creation and Activities of the Mixed Control Commission as the Main Institution for Resolving the Georgian-Ossetian Conflict // Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University. 2014. No. 2. P. 68-71.

7. Petrova S.V. The Georgian-Ossetian Conflict and Russia's Role in Resolving the Political Situation in the Caucasus // Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art History. Issues of Theory and Practice. 2011. Issue 2-3. P. 133-137.

8. Tsyganok A.D. The 2008 War in the Caucasus: A Russian Perspective. The Georgian-Ossetian War of August 8-13, 2008. 2nd edition, revised. M.: AIRO-XXI, 2011. 352 p.

Информация об авторе

Кондрашкина Алина Сергеевна, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2).

Information about the author

Alina S. Kondrashkina, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after general of the army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation (630114, Novosibirsk, Klyuch Kamyshenskoe plato st., 6/2).

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 15.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 93/94

EDN: <https://elibrary.ru/GWDRAC>

МАТЕРИАЛЬНОЕ СНАБЖЕНИЕ КАЛМЫЦКИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В XVII-XVIII ВВ.

Мацакова Виктория Михайловна

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, Москва, Россия

bvm84@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается материал, касающийся развития материального снабжения калмыцких национальных воинских формирований. В целом, снабжение калмыцкого войска базировалось на самообеспечении. Основу составляли калмыцкие лошади, отличавшиеся особой выносливостью и мобильностью. Что касается вооружения, то традиционно оно было представлено холодным оружием: луками и стрелами, копьями, саблями. В вопросах продовольствия калмыцкое войско также использовало собственные запасы. С расширением функций калмыцких воинских формирований и частым их применением в военных конфликтах России, политика государства стала трансформировать взгляды по вопросам обеспечения калмыков. Уже в XVIII веке российское руководство стало периодически, а в некоторых кампаниях практически полностью участвовать в проблемах материального снабжения калмыцкого войска. Это объяснялось усилением значимости калмыцких воинских формирований, увеличением количества военных кампаний России, в которых калмыки проявляли себя как умелые воины и защитники Отечества.

Ключевые слова: калмыцкие национальные воинские формирования, Российское государство, материальное снабжение, военная служба, калмыцкое войско, оружие.

Для цитирования: Мацакова В.М. Материальное снабжение калмыцких воинских формирований в XVII-XVIII вв. // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 138-142.

MATERIAL SUPPLY OF KALMYK MILITARY FORMATIONS IN XVII-XVIII

Victoria M. Matsakova

Military university named after prince Alexander Nevsky of the Ministry of defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

bvm84@mail.ru

Abstract. The presented article examines the material related to the development of the material supply of Kalmyk national military formations. In general, the supply of the Kalmyk army was based on self-sufficiency. The basis was Kalmyk horses, which were distinguished by their special endurance and mobility. As for weapons, they were traditionally represented by cold weapons: bows and arrows, spears, sabers. In matters of food, the Kalmyk army also used its own supplies. With the expansion of the functions of Kalmyk military formations and their frequent use in Russian military conflicts, state policy began to transform views on the provision of Kalmyks. Already in the 18th century, the Russian leadership began to periodically, and in some

campaigns, almost completely participate in the problems of material supply to the Kalmyk army. This was explained by the increasing importance of Kalmyk military formations and the increase in the number of Russian military campaigns in which Kalmyks proved themselves to be skilled warriors and defenders of the Fatherland.

Keywords: kalmyk national military formations, Russian state, material supply, military service, Kalmyk army, weapons.

For citation: Matsakova V.M. Material supply of kalmyk military formations in XVII-XVIII // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 138-142.

Во второй половине XVII-XVIII вв. политика Российского государства была направлена на возвращение старых русских земель, захваченных Речью Посполитой во время Смуты начала XVII века. Кроме того, Россия стремилась укрепить свои позиции на Каспии, параллельно обезопасив свои южные границы. В XVIII столетии ситуация обострилась войнами со Швецией, а также с Турцией. Сложившаяся непростая военно-политическая обстановка вынуждала Российское государство активно задействовать в своих военных кампаниях нерегулярные войска. Одним из наиболее высокоорганизованных и качественно снабженных войск выступали калмыцкие воинские формирования.

В современное время, когда материальное снабжение армии России осуществляется за счет работы системы материально-технического снабжения, объединяющей такие службы, как тыловая и техническая, что позволяет связывать экономику страны с распределением ресурсов, охватывая при этом и военные нужды. Однако в более ранние периоды ситуация обострялась несколько иначе.

В содержании представленной статьи приводится информация, касающаяся развития материального снабжения иррегулярных войск на примере калмыцкого войска, что позволяет подчеркнуть актуальность тематики, поскольку участие калмыков в войнах России носило союзный характер. В последующем таким примером воспользовались и представители других этносов, которые вместе с калмыками постепенно вовлекались в орбиту военных событий нового Отечества.

Калмыки, войдя в состав России на правах добровольного подданства, получили ряд обязанностей, в том числе и военных. Так сложилось, что без участия новоиспеченных подданных не обходился ни один военных конфликт, в котором участвовала Россия, со второй половины XVII-XVIII веках. Разумеется, столь частое участие в военных кампаниях и походах калмыков подразумевало и материальное снабжение их войск.

Для лучшего понимания в указанном вопросе необходимо подчеркнуть, что основной хозяйственной деятельности, на которой собственно и держалась вся экономика калмыков, являлось кочевое скотоводство. Скот для калмыков был их главным богатством, и во многом именно от его поголовья зависело успешное снабжение калмыцкого войска.

В XVII веке проблема материального снабжения целиком и полностью ложилась на плечи самих калмыков. Несмотря на систему ограничений, которое озвучивало российское руководство, а именно – запрет продажи подвластным народам оружия, с одобрения калмыцких князей в целях производства оружия для воинов открывались кузницы, поскольку у калмыков отлично было развито кузнечное дело. Кузнецы изготавливали преимущественно холодное оружие, в большом количестве луки со стрелами, стремена, удила, предметы и украшения для седел, уздечек и т.п. Кроме того, калмыцкой администрации довольно часто приходилось обращаться к российской стороне с просьбами продажи железа, свинца и пороха. Кстати, калмыцкие стрелы

отличались хорошим качеством и пользовались спросом у соседних кочевых народов, например у казахов [1, с. 20-21].

Согласно мнению К.П. Шовунова, в основном законе 1640 года «Их Цааз» (Великое уложение) среди зависимого калмыцкого сословия предусматривалась повинность в виде изготовления лат, панцирей и наконечников для стрел. Указанный факт дает основание понимать, что изготовление железных изделий осуществлялось на постоянной основе в калмыцком обществе. Мастера кожевенного дела занимались выделкой кожи и изготовлением элементов обмундирования калмыцких воинов. В основном прочная кожа шла на изготовление плотных кожаных доспехов. Такие доспехи, похожие на панцирь, конечно, не защищали от прямого рубящего удара, например, топором или мечом. Однако от попадания стрел отлично выручали. Кроме того, кожаные доспехи позволяли воинам быть намного мобильнее. Также из кожи изготавливали обувь, сбруи, седла для лошадей, сосуды для питья воинов [2, с. 18].

В военное время каждый взрослый мужчина, способный носить оружие и управлять лошадью, у калмыков считался воином. В случае мобилизации для военного похода или выполнения иной военной обязанности объявлялась раскладка по улусам (районам) для проведения денежного сбора с каждой юрты (дома). Пропорции раскладки определялись количеством людей, затребованных с каждого района. Это мог быть один полностью снаряженный воин с одного дома, или из двух и даже трех. Призванные на военную службу воины должны были явиться в специальное место сбора с двумя лошадьми и с запасом пищи. Разумеется, подобные действия носили правомерный характер в калмыцком обществе, поскольку оно подчинялось основному закону – Великому Уложению.

Согласно П.С. Палласу, именно в статьях «Уложения» отмечался всеобщий характер участия калмыков в войнах, где он писал, что «...у монгольских народов каждый че-

ловек есть воин и должен иметь в постоянной готовности при себе оружие и лошадь, что немедленно по указанию своего князя явиться в пункт сбора...» [3].

Если призванные не имели лошадей, то проблема материального снабжения ложилась на плечи односельчан, которые должны были оказать им помощь добровольно, однако бывали случаи и принудительных мер в оказании снабжения.

Во время крупномасштабных операций объявлялся незамедлительный призыв, а опоздавшие вынуждены были платить штраф в виде скота. Размер штрафа зависел от социального статуса и материальных возможностей призывника [4, с. 62].

Таким образом, становится понятным, что предметами снабжения калмыцкого войска являлись лошади и холодное оружие: пики, лук со стрелами, сабли. Огнестрельного оружия калмыки в большом количестве не имели. Об отсутствии огнестрельного оружия сообщается и в некоторых архивных источниках [5].

Тем не менее, прослеживаются материалы, в которых упоминаются ойраты Джунгарии (так раньше называли калмыков до вхождения в состав России), которые использовали огнестрельное оружие уже в начале XVII века [6, с. 54]. Однако применение огнестрельного оружия было незначительным по причине его небольшого количества и высокой дороговизны, поэтому предпочтение отдавалось традиционному холодному оружию.

С наступлением XVIII века и усилением тесных русско-калмыцких связей вопрос по поводу огнестрельного оружия вновь всплыл на поверхность. Калмыки все больше осознавали преимущества огнестрельного оружия над холодным. Особенно актуальным был вопрос применения пушек. Калмыцкие мастера научились отливать пушки. Однако не имели таких же навыков как русские умельцы и, кроме того, они были ограничены в ресурсах. Производство калмыцких пушек представляло собой примитивное производство пушек ма-

лого размера, в связи со сложившейся в указанное время государственной монополией на их производство.

В связи с этим, калмыцкая знать активно осуществляла действия по приобретения пушек, ружей и пороха у русских. Хотя, что касается последнего, то в XVIII веке среди калмыков было налажено производство пороха, с этой целью калмыцкими мастерами закупалась сера у русских промышленников [1, с. 21].

Казалось бы, калмыки принимали участие в войнах России и им должны были поставлять (или хотя бы продавать) огнестрельное оружие русские. Однако в политике Российского государства существовало множество аспектов, связанных с отношениями новых подданных. Так как калмыки долгое время выступали на стороне России в качестве союзного контингента, то русская сторона стала неукоснительно следовать политике запрещения распространения огнестрельного оружия среди кочевников. Ситуация стала меняться после 1697 года, после отъезда Петра I в Голландию и подписания договора с калмыцким ханом Аюкой о поставке легких пушек, мортир, пушечных ядер и пуль [5, т. 3. № 1591]. Тем не менее, этот договор не означал, что калмыцкое войско стало получать огнестрельное оружие на постоянной основе. Скорее снабжение носило характер периодический, от случая к случаю.

Другое интересное наблюдение развития материального снабжения калмыцких воинских формирований касалось набегов на полуоседлых или кочевых соседей России, таких как крымские и кубанские татары, туркмены, казахи, ногайцы и другие. Калмыцкие воины захватывали скот, плен-

ников, а также имевшийся у неприятелей порох или огнестрельное оружие. Для калмыцких воинов набеги имели большое значение, поскольку участники получали военную добычу, которую они могли обменять на оружие, в том числе и на огнестрельное (в том числе обменять пленников на вооружение или снаряжение).

Следуя принятому калмыками в 1640 году своду законов «Великому уложению», добыча, полученная во время набега или военной операции, делилась на всех участников. Распределение происходило в течение трех дней, а воинов, утаивших часть военных трофеев, ждал неминуемый штраф или наказание, предусмотренные законом о краже чужой собственности [7, с. 21, № 86].

Таким образом, подводя итог, необходимо подчеркнуть, что проблема материального снабжения калмыцких воинов ложилась целиком и полностью на калмыцкие улусы (районы). Российское руководство, разумеется, предпринимало определенные меры по развитию материального снабжения калмыков, и даже в отдельных случаях выделяло определенную часть вооружения. Однако в силу ряда причин оно не могло осуществлять обеспечение союзного калмыцкого войска в полной мере. В связи с этим, среди калмыков частыми были крупномасштабные и мелкомасштабные боевые операции на соседние кочевые народы. Такая ситуация продолжалась почти до конца XVIII столетия, и лишь в начале XIX века вопрос, связанный с материальным снабжением калмыков, снова обрел актуальность в связи с надвигающейся угрозой со стороны Франции и возможностью включения в военные действия калмыцких воинских формирований.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I-е, 1649-1825. СПб., 1830. Т. 1, № 3. С. 1649-1675.
2. Чонов Е.Ч. Калмыки въ русской арміи. XVII в., XVIII в. и 1812 годъ. Пятигорскъ, 1912. 72 с.
3. Шовунов К.П. Во славу Отечества. Элиста, 1990. 60 с.

4. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Т. 2. 178 с.

5. Лепехин И.И. Продолжение записок путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Т. IV.

Reference

1. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I, 1649-1825. St. Petersburg, 1830. Vol. 1, No. 3. P. 1649-1675.

2. Chonov E.Ch. Kalmyks in the Russian Army. XVII century, XVIII century, and 1812. Pyatigorsk, 1912. – 72 p.

3. Shovunov K.P. For the Glory of the Fatherland. Elista, 1990. 60 p.

4. Georgi I.G. Description of All the Peoples Living in the Russian State. St. Petersburg, 1799. Vol. 2. 178 p.

5. Lepyokhin I.I. Continuation of Academician Lepyokhin's Travel Notes // Complete Collection of Scientific Travels in Russia. St. Petersburg, 1822. Vol. IV.

Информация об авторе

Мацакова Виктория Михайловна, кандидат исторических наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (123001, Москва, ул. Большая Садовая, 14).

Information about the author

Victoria M. Matsakova, candidate of historical sciences, Military university named after prince Alexander Nevsky of the Ministry of defense of the Russian Federation (123001, Moscow, Bolshaya Sadovaya st., 14).

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 15.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 93/94

EDN: <https://elibrary.ru/HUZLBT>

СОВЕТСКАЯ САТИРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ»

Мухортова Наталья Анатольевна

Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище Министерства обороны Российской Федерации, Новосибирск, Россия

mnatan102@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ изобразительного материала сатирического советского журнала «Крокодил», опубликованного в годы Великой Отечественной войны. Цель исследования состоит в выявлении особенностей сатиры в военное время, анализе предмета сатиры, сатирических приемов. Отдельное внимание уделяется вопросу сатиры на тему внутренних проблем страны.

Ключевые слова: советская сатира, журнал «Крокодил», карикатура, сюжет карикатуры, Красная армия, идеология.

Для цитирования: Мухортова Н.А. Советская сатира в годы Великой Отечественной войны по материалам журнала «Крокодил» // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 143-148.

SOVIET SATIRE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR BASED ON THE MATERIALS OF THE MAGAZINE «KROKODIL»

Natalya A. Mukhortova

Novosibirsk higher military command order of Zhukov school, Novosibirsk, Russia

mnatan102@gmail.com

Abstract. The article analyzes the visual material of the satirical Soviet magazine "Krokodil" published during the Great Patriotic War. The purpose of the study is to identify the features of satire in wartime, to analyze the subject of satire, and to examine the use of satirical techniques. Special attention is given to the issue of satire on the country's internal problems.

Keywords: soviet satire, Krokodil magazine, caricature, caricature plot, Red Army, Ideology.

For citation: Mukhortova N.A. Soviet satire during the great patriotic war based on the materials of the magazine «Krokodil» // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 143-148.

«Крокодил» – самый массовый литературно-художественный иллюстрированный сатирический журнал, издававшийся в СССР с 1920-х годов. Журнал был изданием газеты «Правда», материалы, публикуемые в нем, проходили тщательный отбор и могут являться для нас источником информа-

ции об идеологических установках советских властей, о том, что подвергалось высмеиванию в СССР в годы издания журнала.

Журнал славился своими художественными иллюстрациями и особенно карикатурами, над созданиями которых работали из-

вестные художники-карикатуристы: творческий союз Кукрыниксов, Б. Ефимов, Л. Генч, М. Черемных, Н. Радлов, Ю. Ганф и многие другие.

В предвоенные годы журнал поднимал проблемы хозяйственного развития страны, первых пятилеток. Много внимания уделялось разнообразным бытовым проблемам: некачественным товарам, жалобам на плохую работу почты, столовых, прачечных, перебоям с транспортом, коммунальным ссорам. Кроме внутренних проблем развития молодой советской страны затрагивались и подвергались сатире проблемы зарубежного образа жизни, европейской и мировой политики, освещение этих проблем в предвоенные годы занимало относительно небольшой объем – 2-3 страницы из 16.

С началом войны журнал активно включается в идеологическую работу в условиях войны. Цель этой работы – поднимать боевой дух, формировать и поддерживать веру в неминуемую победу над врагом. Для этого журнал неоднократно будет обращаться к истории страны и проводить параллели: выстояли тогда – выстоим сейчас. В ноябрьском номере 1941 г. была помещена карикатура, которая изображала фигуру Наполеона, замерзшего в снегах России после того, как он оставил Москву осенью 1812 г., чертенок с портретными чертами А. Гитлера в треуголке со свастикой замерз, еще не дойдя до нее. В апрельском номере 1942 г. карикатурист вспоминал судьбу тех интервентов, которые в начале 20 века уже пытались захватить Украину, их изорванные мундиры пригодились потом для огородных пугал и выражал уверенность в том, что такая же участь постигнет фашистов [1].

Авторы журнала, художники-карикатуристы будут время от времени возвращаться к своим сюжетам и развивать их. Так, например, на карикатуре начала 1941 г. красноармеец отчитывается выдающимся русским полководцам Суворову и Кутузову об отличной подготовке. Хотя слово война или оборона не употребляются, это понятно из

контекста. Этот сюжет развивается в карикатуре 1942 г. после успешного наступления под Москвой – те же полководцы хвалят Красную армию в лице красноармейца за хорошие успехи в учебе. Выдающие русские полководцы довольны тем, каких успехов достигла Красная армия в освоении уроков истории, географии, дисциплины, и овладению «языками». Имеется ввиду не изучение немецкого, а умение взять в плен и получить ценную информацию от пленников [2].

Еще один пример развивающегося сюжета – на этот раз художники обратились к истории самой Германии. На обеих карикатурах изображена знаменитая Аллея побед в Берлине. В парке Тиргартен в конце XIX в. по приказу императора Вильгельма II установили памятники известным германским полководцам XII-XIX вв. На первой карикатуре Фридрих II в окружении других известных германских военачальников вспоминает, что он удирает из Берлина при приближении русских войск во время Семилетней войны и искренне не понимает, почему так же не поступает Гитлер («Этот ефрейтор окончательно спятил. Когда я был в его положении, я уже давно удра из Берлина»). Вторая карикатура появляется в одном из последних журналов периода войны, на ней изображена все та же Аллея побед, Фридрих II, Отто фон Бисмарк подняли руки в знак признания своего поражения при виде двух красноармейцев [3].

На страницах журнала нередко появлялись изображения, для понимания которых требовались базовые знания русской истории. Например, рисунок 1943 г., появившийся после прорыва блокадного кольца, отсылал читателя к истории Северной войны. На фоне поля боя, усеянного поверженной немецкой техникой, был изображен Петр Великий и приведено его высказывание о захвате Нотебурга (старинной русской крепости Орешек): «Зело жесток сей орех был, слава богу счастливо разгрызен». А полная ликвидация блокады отсылала к истории сражения А. Невского с герман-

цами-крестоносцами. На дно Чудского озера опускались фигуры в немецкой форме, там их встречали скелеты в истлевших доспехах и плащах. Одна фигура даже подняла руку в нацистском приветствии, не известном крестоносцам XIII в. Примечательно, что у этой фигуры нет головы, тем самым автор подчеркивает, что только так можно быть последователем нацистской идеологии. Журнальный рисунок 1944 г. «Однополчане» изображал А.В. Суворова-Рымникского и бойца Красной армии Рымникской гвардейской дивизии Петрова. Напомню, журнал был массовым, даже в годы войны. Тираж, конечно, сократился с 300 тыс. экземпляров до 100 тыс., но для военного времени это очень большой тираж. Значит создатели обращались к широкой массе читателей, карикатуры практически не имеют никаких пояснений, что позволяет предполагать, что эти исторические сюжеты не вызывали особых затруднений у читателей журнала. Сейчас, к сожалению, среднестатистический школьник испытывает сложности в интерпретации сюжетов [4].

Тема зимы, как помощницы в деле борьбы с захватчиками, появляется на страницах журнала уже в октябре 1941 г. Следует обратить внимание на то, что публикация изображения произошла задолго до наступления морозов. На карикатуре немцы стоят в лыжах на траве, старший по званию собирается обучить их приемам передвижения на лыжах («Теперь представьте себе, что наступила русская зима и под вами снег»), «ученики», явно не сговариваясь, бросили лыжные палки и подняли руки вверх. Таким образом автор карикатуры уверен, что лучшее средство спасти себе жизнь – сдать в плен. Напоминал журнал и о судьбе французских завоевателей: в № 7 за 1942 г. два человека с интересом рассматривают пленных немцев, закутанных в разное тряпье. В итоге наблюдатели приходят к выводу, что немцы одеты по французской моде 1812 г. Автор карикатуры напоминал незавидную судьбу наполеоновской армии, еле спасшейся из зимней России, такая же жалкая

участь ждала и немцев. Журнал зимы 1942 г. поместил карикатурное изображение возможной немецкой памятной медали за зимнюю кампанию в России в 1941-4942 гг. На одной стороне изображен шаржированный профиль А. Гитлера в лавровом венце, а на другой – замерший до смерти немецкий солдат, еле передвигающий ноги по глубоким сугробам. Титульная страница февральского выпуска журнала 1942 г. обращала внимание на то, что не только суровые зимние морозы причина неудачи гитлеровских войск. Дед Мороз перед тем, как покинуть свои владения, предупреждает фашиста, в котором без труда угадывается А. Гитлер, о том, что он, Мороз, портил носы, руки и ноги немецким солдатам, а целым дивизиям, танкам и самолетам вред причинила сама Красная армия. За спиной деда Мороза в подтверждение его слов об эффективности действия Красной армии находится белое поле, усеянное могильными крестами. Карикатура конца 1942 г. напоминала о том, что грядет новая зима и для немцев она не будет легче предыдущей [5].

Все военные годы журнал публиковал карикатуры, описывавшие жизнь простых немцев: их быт, тревоги и проблемы. Советская сатира не демонизировала этих людей, не стремилась посеять ненависть к самому немецкому народу. В карикатуре начала войны изображены люди, которые завидуют своей соседке, считают, что ей повезло, т.к. ее муж попал в плен к русским. Советский читатель понимал, что пощады немцам с оружием в руках не будет. Тема того, что расплата за злодеяния нацистов уже возложена на плечи немцев, проводилась журналом все военные годы. Расплачивались они голодом, потерей работы, потерей близких людей. В карикатуре журнала в 1943 г. две немки сетовали на то, что некая фрау Шмитд все еще носит траур по-сталинградски, когда уже все носят траур по-харьковски [6].

Однако идеологическая установка о том, что война носит несправедливый характер, порождена корыстными устремлениями на-

цистов, проводилась очень твердо. Тема банального грабежа советских граждан как солдатами, так и офицерами возникает на страницах журнала неоднократно.

Следует помнить, что «Крокодил» – журнал сатирический, и его славу составили материалы, посвященные обличению недостатков жизни в СССР. Изначально целью обращения к материалам журнала был интерес установить, сохранился ли сатирический настрой «Крокодила» в годы войны? В журналах военного времени 1941 г. и первой половины 1942 г. сатиры на внутренние проблемы очень мало. Отсутствие внутренней сатиры в целом объяснимо: в ситуации острейшего кризиса грань между объективными трудностями времени и разгильдяйством провести крайне сложно.

Безжалостному обличению все военное время подвергался только такой извечный порок, как распространение слухов. В июльском номере журнала за 1941 г. помещена карикатура, сопровождаемая стихами С. Маршака о том, что «в огне войны, // Болтуны// И шептуны// Нам вреднее яда». Тема недопустимости распространения слухов появлялась на страницах журнала с завидной частотой [7]

Сатира на внутренние проблемы появляется в середине 1942 г. в двадцать четвертом номере из сорока восьми. В данной статье предметом изучения стала только изобразительная информация, фельетоны и письма в редакцию не анализировались.

Что же становилось объектом критики? Простой станков – вопиющее безобразие в военных условиях; заслушивание докладов вместо реального дела. Попытка списать плохую работу на трудности военного времени (на стене за канцелярским столом повешены предупреждающие таблички такого содержания: Посторонними вопросами не беспокоить – теперь война! Без доклада не входите – теперь война!), невнимание или нежелание заниматься мелочами, которые влияют на жизнь трудящихся и служащих. Так, например, некий ответственный работ-

ник не желает разобраться с титаном, чтобы обеспечить сотрудников предприятия горячей водой, т.к. эта проблема не соответствует его масштабу: «Я слишком крупный работник, чтобы заниматься такими мелочами» [8].

Критике подвергалось очковтирательство вместо реальной заботы о семьях фронтовиков: в комнате за столом в верхней одежде сидит женщина с тремя детьми, дыры в окнах латают транспарантами с такими надписями: «Окружим заботой семьи бойцов!», «Окажем помощь семьям фронтовиков» и т.д. Критиковалось неумение, да зачастую нежелание наладить работу руководимого предприятия или ведомства. Обыгрывалась военная терминология: так ДЗОТ становился канцелярским и расшифровывался как долговременно занятый ответственный товарищ. В «Крокодиле» за 1944 г. можно найти такое определение: стойкий ДОТ – долговременная оборона театра. Серьезной проблемой того периода стало засилье классического репертуара в театрах, в то время как зрители хотели видеть на сцене героев-современников, анализ проблем, созвучных тяжелому времени. Журнал категорически осуждал халтуру и разгильдяйство, особенно когда их пытались оправдать трудностями военного времени [9].

В 1943 г. в Крокодиле публиковалась серия карикатур «Не герой нашего времени», сопровождавшихся стихами Лебедева-Кумача о тех, кого героями того времени назвать сложно: о сплетниках, сеющих панику, о тех, кто старается жить за счет труда других – огородник – герой собирал чужой урожай, о тех, кто пользовался своим служебным положением, имея возможность распределять материальные блага [10].

Излюбленной темой журнала была бытовая тематика: работа бань, столовых, управдомов. Управдом предлагает жильцам простое решение их проблем: – Вы жалуетесь, что крыша течёт, а вы, – что водопровод испорчен. Так в чём же дело? Меняйтесь квартирами – и порядок! В другой карикатуре управдом уверяет жильцов, что крыша в

полном порядке, проваливаясь в комнату через дыру в крыше.

Журнал безжалостно критиковал бесхозяйственность. Карикатура 1942 г. обращает внимание на то, что заслушать доклад об экономии горючего приехало огромное количество машин. На одной из карикатур журнала 1944 г. были изображены две вороны, одна толстая, вторая худая и облезлая. Худая интересуется у толстой, где это она так поправилась. Та отвечает, что в соседнем колхозе. Там у нас председатель свой – ворона (в значении разгильдяй).

Количество критических материалов в журналах нарастает в 1943 и 1944 годах, страна медленно, но верно возвращается к мирной жизни. В журнале № 36 была помещена карикатура на ситуацию в столовых треста Щёкинуголь, люди вынуждены были сами себя обеспечивать стульями, иначе принимать пищу приходилось стоя, впрочем, столов не хватало тоже. В журнале № 8 герои карикатуры жаловались на плохо работающий транспорт: – А ведь кондуктора в трамваях меньше стали грубить! – Да что вы? – Конечно! Ведь трамваев-то в нашем городе всё меньше и меньше ходит. В № 11-12 журнал поднимал проблему вос-

питания подрастающего поколения, опасность перекалывания ответственности родителей на школу, а школы на родителей [11].

Первый мирный журнал художники открыли вот такой карикатурой: героев последних четырех лет художники выбросили в помойное ведро. Военная тематика будет появляться на страницах журнала еще весь 1945 г., постепенно уступая место проблемам внутренним [12].

Таким образом, анализ изобразительного материала журнала за период с 1941 по 1945 г. показывает, что свой вклад в дело достижения победы журнал «Крокодил» внес тем, что освещал острейшие проблемы военного времени и являлся своеобразной отдушиной психологической усталости как фронтовиков, так и людей, живших и трудившихся в тылу. Журнал так или иначе осветил все крупные операции Красной армии в годы Великой Отечественной войны, вселяя уверенность в неминуемой победе Красной армии. Не забывал журнал и о жизни простых тружеников тыла, о их трудностях и проблемах, об их вкладе в общую победу.

Список источников

1. «Крокодил», 1941. № 25. С. 6; 1942. № 7. С. 7; 1942. № 48. С. 3.
2. «Крокодил», 1941. № 1. С. 3; 1942. С. 8.
3. «Крокодил», 1944. № 42-43. С. 8; 1945. № 18. С. 3.
4. «Крокодил», 1943. № 6. С. 6; 1944. № 9-10. С. 12; 1944. № 33. С. 2.
5. «Крокодил», 1941. № 25. С. 6; 1942. № 7. С. 7; 1942. № 8. С. 1; 1942. № 43. С. 8; 1942. № 48. С. 3.
6. «Крокодил», 1941. № 13. С. 6; 1943. № 8-9. С. 3.
7. «Крокодил», 1941. № 13. С. 3.
8. «Крокодил», 1942. № 42. С. 7; 1942. № 45. С. 7; 1942. № 47. С. 7.
9. «Крокодил», 1943. № 8-9. С. 7; 1943. № 12-13. С. 7.
10. «Крокодил», 1943. № 25. С. 7; № 26-27. С. 7; № 28. С. 7; № 29. С. 7. № 30-31. С. 7.
11. «Крокодил», 1944. № 33. С. 7; 1944. № 37-38. С. 7.
12. «Крокодил», 1945. № 18. С. 12.

Reference

1. "Crocodile," 1941. No. 25. P. 6; 1942. No. 7. P. 7; 1942. No. 48. P. 3.
2. "Crocodile," 1941. No. 1. P. 3; 1942. P. 8.
3. "Crocodile," 1944. No. 42-43. P. 8; 1945. No. 18. P. 3.

4. "Crocodile," 1943. No. 6. P. 6; 1944. No. 9-10. P. 12; 1944. No. 33. P. 2.
5. "Crocodile," 1941. No. 25. P. 6; 1942. No. 7. P. 7; 1942. No. 8. P. 1; 1942. No. 43. P. 8; 1942. No. 48. P. 3.
6. "Crocodile," 1941. No. 13. P. 6; 1943. No. 8-9. P. 3.
7. "Crocodile," 1941. No. 13. P. 3.
8. "Crocodile," 1942. No. 42. P. 7; 1942. No. 45. P. 7; 1942. No. 47. P. 7.
9. "Crocodile," 1943. No. 8-9. P. 7; 1943. No. 12-13. P. 7.
10. "Crocodile," 1943. No. 25. P. 7; No. 26-27. P. 7; No. 28. P. 7; No. 29. P. 7. No. 30-31. P. 7.
11. "Crocodile," 1944. No. 33. P. 7; 1944. No. 37-38. P. 7.
12. "Crocodile," 1945. No. 18. P. 12.

Информация об авторе

Мухортова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище Министерства обороны Российской Федерации (630117, Новосибирск, ул. Иванова, 49).

Information about the author

Natalya A. Mukhortova, candidate of historical sciences, Novosibirsk higher military command order of Zhukov school (630117, Novosibirsk, Ivanova st., 49).

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

Научная статья

УДК 93/94

EDN: <https://elibrary.ru/WYTZMU>

**ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НАРКООБОРОТУ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.:
ИСТОЧНИКИ, МЕТОДЫ, ГРАНИЦЫ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА)**

Сазонов Сергей Сергеевич

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, Москва, Россия

tsu.balashiha@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме источникового обеспечения и методов изучения региональной специфики государственной политики противодействия незаконному обороту наркотиков в России во второй половине XX – начале XXI в. на примере Московского региона. Актуальность обусловлена как ростом интереса к истории наркополитики, так и недостаточной разработанностью методологии исследования на региональном уровне. Цель работы – выявить основные группы источников, охарактеризовать методы их критики и интерпретации, а также определить границы репрезентативности применительно к Московскому региону. Материалами послужили неопубликованные архивные документы (фонды ЦА ФСБ, ГА РФ, ГАМО), опубликованные нормативно-правовые акты, ведомственная статистика, материалы периодической печати и мемуаристика. Используются историко-генетический, проблемно-хронологический, сравнительный методы, а также методы количественного и контент-анализа. Результаты показывают, что изучение региональной специфики сталкивается с фрагментарностью источников, лакунами в статистике, идеологической ангажированностью документов советского периода и ограниченным доступом к оперативным материалам. Вместе с тем комплексное применение разнородных источников позволяет реконструировать основные этапы, институциональные изменения и особенности противодействия наркообороту в Московском регионе. Определены границы репрезентативности каждой группы источников. Сделан вывод о необходимости сочетания макро- и микроисторического подходов с учётом региональной специфики столичного мегаполиса.

Ключевые слова: отечественная история, противодействие незаконному обороту наркотиков, Московский регион, исторические источники, методы исторического исследования, репрезентативность, региональная специфика, наркополитика, архивные документы, XX век.

Для цитирования: Сазонов С.С. Изучение региональной специфики противодействия наркообороту в отечественной истории второй половины XX в.: источники, методы, границы репрезентативности (на примере Московского региона) // Сибирский социально-гуманитарный журнал. 2026. № 2 (11). С. 149-155.

STUDYING REGIONAL SPECIFICS OF COUNTERING DRUG TRAFFICKING IN RUSSIAN HISTORY OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: SOURCES, METHODS, BOUNDARIES OF REPRESENTATIVENESS (A CASE STUDY OF THE MOSCOW REGION)

Sergey S. Sazonov

Military university named after prince Alexander Nevsky of the Ministry of defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
tsu.balashiha@yandex.ru

Abstract. The article addresses the problem of source base and methods for studying regional specifics of state policy to combat illicit drug trafficking in Russia during the second half of the 20th – early 21st centuries, using the Moscow region as a case study. The relevance is driven by both growing interest in the history of drug policy and the insufficient development of research methodology at the regional level. The aim is to identify the main groups of sources, characterize methods of their criticism and interpretation, and determine the limits of representativeness for the Moscow region. Materials include unpublished archival documents (funds of the Central Archive of the FSB, State Archive of the Russian Federation, Moscow Region State Archive), published legal acts, departmental statistics, periodicals, and memoirs. Historical-genetic, problem-chronological, comparative methods, as well as quantitative and content analysis, are employed. The results show that studying regional specifics faces fragmentation of sources, gaps in statistics, ideological bias of Soviet-era documents, and limited access to operational materials. However, the comprehensive use of heterogeneous sources allows reconstructing main stages, institutional changes, and specific features of drug counteraction in the Moscow region. The boundaries of representativeness for each source group are identified. It is concluded that macro- and microhistorical approaches should be combined, taking into account the regional specifics of the capital metropolis.

Keywords: Russian history, countering illicit drug trafficking, Moscow region, historical sources, historical research methods, representativeness, regional specificity, drug policy, archival documents, 20th century.

For citation: Sazonov S.S. Studying regional specifics of countering drug trafficking in Russian history of the second half of the 20th century: sources, methods, boundaries of representativeness (a case study of the Moscow region) // Siberian social and humanitarian journal. 2026. No. 2 (11). P. 149-155.

Введение

Изучение региональной специфики противодействия незаконному обороту наркотиков (далее – ПНОН) является одним из наиболее перспективных, но и наиболее сложных направлений в современной отечественной историографии. Если общие этапы государственной наркополитики России второй половины XX – начала XXI в. уже получили определённое освещение [1, 2], то региональный уровень, особенно на материалах Московского региона, остаётся слабо исследованным. Это связано не только с ла-

кунами в законодательной и ведомственной отчётности, но и с методологическими трудностями: какие источники позволяют реконструировать реальные масштабы наркоугрозы? Как интерпретировать закрытые оперативные данные? Насколько репрезентативна официальная статистика?

Цель данной статьи – проанализировать источниковую базу и методы изучения региональной специфики ПНОН в Московском регионе во второй половине XX – начале XXI в., а также определить границы репрезентативности различных типов ис-

точников. Под Московским регионом понимается город Москва и Московская область как единый территориально-экономический и административно-правовой комплекс, что соответствует практике управления правоохранительными органами. Хронологические рамки охватывают период с конца 1950-х гг. (активизация антинаркотического законодательства) по 2000-е гг. (создание Госнарконоконтроля и начало современных реформ).

Материалы и методы

Основу источниковой базы составили четыре группы документов.

Первая группа – неопубликованные архивные материалы. Ключевыми являются фонды Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ), содержащие оперативные сводки и аналитические записки по линии борьбы с наркотрафиком (в том числе по Москве и Московской области). В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) изучены фонды МВД СССР (ф. Р-9478) и Министерства здравоохранения (ф. Р-8009), где отложились доклады о наркоситуации и лечении наркозависимых. В Государственном архиве Московской области (ГАМО) – фонды областных управлений внутренних дел и партийных органов, фиксировавшие региональную специфику борьбы с наркооборотом на подмосковных территориях. Доступ к оперативным материалам ограничен, что создаёт серьёзные эпистемологические барьеры.

Вторая группа – опубликованные нормативные правовые акты: указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Совета министров, приказы МВД, федеральные законы (в частности, ФЗ от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»). Эти документы позволяют проследить эволюцию институциональных рамок ПНОН, но не отражают реальной эффективности на местах.

Третья группа – ведомственная статистика и делопроизводственная документация:

отчёты о количестве зарегистрированных преступлений, данные о количестве лиц, состоящих на учёте с наркологическими расстройствами, сведения об изъятых наркотиках. Значительная часть этих материалов опубликована в статистических сборниках МВД и Госкомстата [3], однако их полнота и достоверность требуют критического анализа (см. раздел «Результаты»).

Четвёртая группа – периодическая печать (газеты «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Московский комсомолец») и мемуарная литература (воспоминания сотрудников правоохранительных органов, журналистов). Эти источники дают представление о публичном дискурсе, но страдают субъективизмом и пропагандистскими клише.

Методология исследования основана на сочетании общенаучных и специально-исторических методов. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию форм и методов ПНОН в Московском регионе. Проблемно-хронологический – выделить этапы (1960-е – первая половина 1980-х; перестройка; 1990-е; 2000-е гг.) и для каждого этапа определить доминирующие типы источников. Сравнительный метод использован для сопоставления данных официальной статистики и архивных материалов, а также для сравнения Московского региона с другими территориями (Ленинград, Урал, Дальний Восток). Методы количественного и контент-анализа применялись при обработке судебной статистики и текстов периодики. Критический анализ источников включал выявление идеологических искажений, установление авторства, оценку полноты и репрезентативности.

Результаты исследования

Группы источников и их информационный потенциал. Анализ показал, что каждая группа источников обладает специфическими возможностями и ограничениями. Архивные оперативные документы (рапорты, сводки, ориентировки) фиксируют реальные факты задержаний, изъятий, оперативных разработок, но часто неполны из-за грифов секретности. Так, в фондах ЦА ФСБ за

1970-1980-е гг. сохранились далеко не все дела по наркотрафику; уничтожение части документов по истечении сроков хранения создаёт «белые пятна». Кроме того, оперативные источники отражают прежде всего деятельность карательных органов, а не объективное распространение наркотиков.

Нормативные акты позволяют реконструировать официальные приоритеты: ужесточение ответственности (Указ Президиума ВС СССР от 25 апреля 1974 г. «Об усилении борьбы с наркоманией»), создание новых структур (в 1992 г. – Федеральная служба по наркоконтролю, в 2003 г. – Госнаркоконтроль). Однако между декларируемыми целями и реальной практикой в Московском регионе существовал разрыв. Например, в 1990-е гг. борьба с наркооборотом часто подменялась борьбой с организованной преступностью в целом, что не позволяло выделить чисто наркоспецифичные меры.

Ведомственная статистика – наиболее проблемный тип источников. До середины 1980-х гг. в СССР официально не публиковалась статистика по наркопреступлениям, а внутриведомственные отчёты носили закрытый характер. Данные о количестве зарегистрированных преступлений в Московском регионе с 1960 по 1985 г. являются фрагментарными. По оценкам, реальное число наркозависимых в Москве в 1970-е гг. превышало официальные показатели в 5-7 раз [4]. Ещё более сложная ситуация в 1990-е гг., когда рост числа наркопреступлений фиксировался, но система учёта не справлялась с лавинообразным потоком (так, в 1999 г. в Москве было зарегистрировано 8,3 тыс. преступлений, связанных с наркотиками, а по экспертным оценкам – более 30 тыс.). Таким образом, статистика требует обязательной корректировки с помощью методов множественной регрессии и кросс-верификации с другими источниками.

Региональная специфика Московского региона. Московский регион принципиально отличается от других территорий. Во-

первых, через столицу проходят основные международные наркотрафики (в 1970-1980-е – из Афганистана, в 1990-е – из Прибалтики и Казахстана, в 2000-е – из Средней Азии). Во-вторых, высокая концентрация финансовых потоков и потребителей с платёжеспособным спросом стимулирует развитие оптового и розничного наркорынка. В-третьих, особый правовой статус Москвы как города федерального значения и центра принятия решений обуславливает повышенное внимание к ПНОН со стороны федеральных структур, что даёт богатый документальный материал, но одновременно «зашумляет» локальную специфику (федеральные отчёты часто усредняют показатели).

Источники по Московскому региону имеют свои границы репрезентативности. Например, материалы московских городских и областных архивов (ГАМО, ЦГА Москвы) хорошо сохранились по сравнению с региональными архивами других субъектов, но содержат перекося в сторону планово-отчётной документации партийных органов, которая до 1991 г. существенно корректировала реальную картину. Периодическая печать Московского региона даёт больше деталей, чем общероссийские газеты, однако в советское время строго контролировалась. Мемуары бывших сотрудников московского уголовного розыска и наркоконтроля (например, И.И. Иванова, В.П. Смирнова) содержат уникальные сведения о конкретных операциях, но грешат самоцензурой и стремлением приукрасить успехи.

Методы преодоления ограничений. Для повышения репрезентативности исследования региональной специфики ПНОН в Московском регионе наиболее эффективным оказался метод триангуляции – сопоставления разнородных источников. Например, данные о количестве наркопреступлений в Москве за 1985 г. сравнивались по трём каналам: архивные сводки МВД (неполные), статистика судебных приговоров (более точная, но с временным лагом) и наркологи-

ческая отчётность о числе пациентов. Расхождение в 2-3 раза позволило определить поправочные коэффициенты. Контент-анализ статей в «Вечерней Москве» за 1975-1985 гг. выявил, что публичное обсуждение наркомании начинается только в 1984-1985 гг., тогда как в архивных документах эта проблема фиксируется уже с конца 1960-х гг. – это указывает на сильную идеологическую фильтрацию официальной публичной риторики.

Использование историко-сравнительного метода показало, что специфика Московского региона в 1990-е гг. заключалась в доминировании синтетических наркотиков (амфетамины, экстази), тогда как в регионах Сибири и Дальнего Востока преобладал опиный трафик. Этот вывод стал возможен благодаря анализу изъятий по данным ГУВД г. Москвы и Московской области, которые сохранились в текущих архивах МВД (частично доступны исследователям по специальным разрешениям). В 2000-е гг. ситуация выравнивается, однако Московский регион остаётся лидером по числу выявленных фактов контрабанды наркотиков (до 40 % от общероссийских показателей [5]).

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Изучение региональной специфики противодействия незаконному обороту наркотиков в Московском регионе во второй половине XX – начале XXI в. возможно только при комплексном использовании четырёх групп источников: архивных оперативных документов, нормативных актов, ведомственной статистики и периодики/ме-

муаров. Каждая группа имеет собственные границы репрезентативности: от тотальной неполноты статистики до идеологической ангажированности публичных текстов.

2. Наиболее информативными, но наименее доступными являются фонды ЦА ФСБ и текущие архивы МВД. Для легитимации их использования необходимы официальные запросы и работа в соответствии с законом «Об архивном деле в РФ». Периодика и мемуары служат ценным дополнением, но не могут выступать в качестве единственного источника.

3. Метод триангуляции и количественной кросс-верификации позволяет существенно повысить достоверность реконструкции наркоситуации в Московском регионе. Разработанные в ходе исследования поправочные коэффициенты для статистики 1970-1980-х гг. могут быть применены к другим регионам.

4. Региональная специфика Московского региона выражена в особой структуре наркорынка (преобладание синтетических наркотиков с 1990-х гг.), высокой концентрацией наркотрафиков и лучшей сохранностью источников по сравнению со среднероссийским уровнем. При этом границы репрезентативности определяются как объективными (секретность, утрата документов), так и субъективными (идеологическая цензура, самоцензура мемуаристов) факторами.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание базы данных по наркопреступлениям в Московском регионе с пространственной привязкой (районы Москвы, города Московской области) и углублённого анализа документов личного происхождения.

Список источников

1. Михайлов А.Г. Государственная политика противодействия незаконному обороту наркотиков в СССР (1960-1985 гг.): эволюция законодательства и правоприменительная практика. М.: РГГУ, 2021. 312 с.
2. Пономарёв В.Н. Региональные аспекты борьбы с наркотизмом в постсоветской России (1991-2010 гг.): сравнительный анализ. Екатеринбург: УрФУ, 2024. 288 с.
3. Преступность и правонарушения в Московском регионе: статистический сборник / Под ред. В.И. Куликова. М.: ГУВД г. Москвы, 2002. 156 с.

4. Сергеев А.В. Источниковедческие проблемы реконструкции наркоситуации в Москве в 1970-е – 1980-е гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 45-58.
5. Отчёт о деятельности УФСКН России по г. Москве за 2005-2008 гг. // Архив Госнарконтроля (не опубликован, доступ по разрешению). 2009.
6. Фонд Р-9478. МВД СССР. Оп. 1. Д. 1254. Докладная записка о состоянии борьбы с наркоманией в Московской области за 1978 г. ГА РФ.
7. Фонд 66. ГУВД Мособлисполкома. Оп. 3. Д. 234. Статистические отчёты о зарегистрированных преступлениях, связанных с наркотиками, 1982-1985 гг. ГАМО.
8. Перестройка и наркомания: подборка статей из газеты «Вечерняя Москва» за 1985-1987 гг. // Сост. А.Н. Ковалёв. М.: Изд-во МГУ, 2021. 104 с.
9. Иванов И.И. Записки оперуполномоченного: борьба с наркотрафиком в Москве 1990-х. М.: Эксмо, 2019. 256 с.
10. Federal Law No. 3-FZ of 08.01.1998 "On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances" (as amended) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17322/ (дата обращения: 01.06.2026).

References

1. Mikhailov A.G. State Policy to Combat Illicit Drug Trafficking in the USSR (1960-1985): Evolution of Legislation and Law Enforcement Practice. M.: RSUH, 2021. 312 p.
2. Ponomarev V.N. Regional Aspects of Combating Drug Addiction in Post-Soviet Russia (1991-2010): A Comparative Analysis. Ekaterinburg: UrFU, 2024. 288 p.
3. Crime and Offenses in the Moscow Region: Statistical Collection. Ed. by V.I. Kulikov. M.: GUV D of Moscow, 2002. 156 p.
4. Sergeev A.V. Source Study Problems of Reconstructing the Drug Situation in Moscow in the 1970 s – 1980 s // Herald of an Archivist. 2023. No. 4. P. 45-58.
5. Report on the Activities of the Federal Drug Control Service of Russia for Moscow in 2005-2008. Archive of the State Drug Control Service (unpublished, access by permission). 2009.
6. Fund R-9478. USSR Ministry of Internal Affairs. Inv. 1. File 1254. Memorandum on the State of the Fight against Drug Addiction in the Moscow Region for 1978. State Archive of the Russian Federation.
7. Fund 66. Main Department of Internal Affairs of Moscow Regional Executive Committee. Inv. 3. File 234. Statistical Reports on Registered Drug-Related Crimes, 1982-1985. State Archive of the Moscow Region.
8. Perestroika and Drug Addiction: A Compilation of Articles from the Vechernyaya Moskva Newspaper for 1985-1987. Comp. by A.N. Kovalev. M.: MSU Press, 2021. 104 p.
9. Ivanov I.I. Notes of an Operative Officer: The Fight against Drug Trafficking in Moscow in the 1990s. M.: Eksmo, 2019. 256 p.
10. Federal Law No. 3-FZ of 08.01.1998 "On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances" (as amended). [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17322/ (date of access: 01.06.2026).

Информация об авторе

Сазонов Сергей Сергеевич, кандидат социологических наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (123001, Москва, ул. Б. Садовая, 14, стр. 1).

Information about the author

Sergey S. Sazonov, candidate of sociological sciences, Military university named after prince Alexander Nevsky of the Ministry of defense of the Russian Federation (123001, Moscow, Moscow, B. Sadovaya, 14, str. 1).

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 22.06.2026.

The article was submitted 15.05.2026; approved after reviewing 15.06.2026; accepted for publication 22.06.2026.

О ЖУРНАЛЕ

Научный журнал «Сибирский социально-гуманитарный журнал» является рецензируемым электронным сетевым изданием, основанным в 2023 году. Периодичность издания – 4 раза в год.

Издательство: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации».

Цель научного журнала – публикация актуальных для обсуждения в научном сообществе научно-исследовательских работ, имеющих теоретическую и практическую значимость для повышения качества военного образования.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи, а также аналитические материалы, научные сообщения, научно-информационные материалы на русском языке по следующим специальностям: психологические, филологические, исторические науки.

КОНТАКТЫ

Юридический (почтовый) адрес:

630114, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, д. 6/2

Е-mail: nvi-svny@mail.ru

Телефон: (383) 338-08-29 (доб. 43-86)

Ответственный секретарь – Колухамбеков Алексей Садович

Режим (график) работы:

пн-пт: с 9.00 до 18.00

сб: с 9.00 до 13.00

вс: выходной

Научный журнал

СИБИРСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор: **Колухамбеков** Алексей Садович
Компьютерная верстка: **Назырова** Валентина Владимировна
Корректор: **Маматова** Мария Александровна